

us
Е. ГЛУХОВЦОВА.

377

Въ темную ночь...

РОМАНЪ

RUSSKAJA BIBLIOTICA
LJUBLJANA
Gospodarska 13/sooba 20.
Ček. rač. 14592

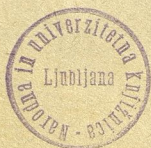
БЪЛГРАДЪ
1927

143676

Всѣ права сохраняются за авторомъ.

Tous les droits réservés par l'auteur.

Copyright by the author.

D 1421/1958

Эта книга отпечатана
Русской Типографіей
С. Филонова
въ Новомъ Саду
въ декабрь мѣсяцъ
тысяча девятьсотъ
двадцать шестого
года.

Великій подвигъ Любви совершившимъ,
поднявшимъ первыми мечъ за честь и
счастье Россіи,

Рыцарямъ-Первопоходникамъ —
посвящаю я книгу свою.

Беззвѣздное небо напухло черными, низко свисавшими тучами, готовыми оборваться потоками воды. Въ буйномъ припадкѣ носился вѣтеръ ударяясь о телеграфные столбы, звеня проволокой. Злобно билъ въ лицо и захватывало дыханіе. Стерлись очертанія предметовъ. Ни зги кругомъ. Все слилось въ безпросвѣтномъ гудящемъ хаосѣ.

— Ну ночь! Ладони собственной не видно, — бормоталъ Дмитрій. — А главное, не могу сообразить гдѣ мы. Подъ ногами что то дикое, а не дорога, — черезъ шагъ спотыкаешься.

— Въ Словутскомъ лѣсу. Это то я понимаю. А вотъ держимся ли мы опушки?.. Онъ вѣдь на десятки верстъ тянется, — раздумчиво говорилъ Андрей.

— По моему, никакого лѣса нѣтъ. — Дмитрій вытянулъ руку и описалъ палкой кругъ.

— Незамѣтно деревьевъ. Наткнулись бы...

— Значить, пѣсню спѣлъ. Пни есть... вонъ... — ударилъ Андрей ногой, — о нихъ мы и спотыкаемся. Я эту мѣстность на память знаю. Набрести бы только на дорогу, она прорѣзаетъ лѣсъ и ведетъ къ деревушкѣ.

— Лучше всего сѣсть и обождать разсвѣта. Провалишься еще въ какую нибудь яму съ головой.

— Ерунда! Некуда тутъ проваливаться. Необходимо дойти до жилья. Захватятъ на разсвѣтъ развѣзды и сразу подозрѣніе — почему ночью въ лѣсу очутились? И потянутъ въ чеку. Идемъ, идемъ, дружище, не раскисай.

Андрей бодро двинулся, нащупывая впереди себя палкой. Шли медленно, точно проталкиваясь во тьму, спотыкаясь и обходя какие то твердые бугры, чутко прислушиваясь.

Долго ли тянулось время, но обоимъ казалось, что идутъ уже много часовъ. Вдругъ Андрей быстро постучалъ палкой направо, налѣво и повернулся къ пріятелю.

— Дорога... Слава Создателю!.. теперь будетъ легче итти. Ну, конечно... забираетъ вправо...

Вѣтеръ налеталъ уже съ боку, путаясь въ полахъ свитокъ.

— Угрожающе встрѣчаетъ насъ родина. Съ ногъ свалить норовить, точно не пускаетъ, — говорилъ Дмитрій, тяжело дыша.

— Наоборотъ, — прикрываетъ. Если бы не буря, развѣ бы мы проскочили такъ легко? Ни одинъ красный чертъ не поѣдетъ въ объѣздъ въ такую ночь, побоится, чтобы не кокнули. Я иду совершенно...

Дмитрій рѣзко остановился, задержавъ за рукавъ Андрея.

— Слышишь?..

Вѣтеръ донесъ слабый, тонкій, прерывистый крикъ, коротко оборвавшійся.

Нѣкоторое время они стояли напряженно вслушиваясь.

— Какъ будто женщина кричала, — прошепталъ Дмитрій. — Можетъ быть насилуютъ, негодяи.

— Д-да... Ну, пойдемъ все таки помаленьку: что жъ такъ стоять.

Сдѣлали нѣсколько шаговъ. Крикъ повторился отчетливѣй. Не успѣлъ замереть, раздался другой, какъ будто дальше и слился въ нѣсколько тонкихъ голосовъ.

— Пѣтухи!.. — вскрикнулъ, забывая осторожность, Андрей. — Недалеко деревушка... Видишь, я говорилъ!.. Теперь и курнуть можно на радостяхъ.

Свернули папиросы и долго боролись съ вѣтромъ упрямо гасившимъ зажигалку.

— Хорошо. Ну придемъ. Но вѣдь въ каждой пограничной деревнѣ навѣрное ихъ отряды стоятъ. Нелѣпо же съ первыхъ шаговъ въ объятія этихъ скотовъ попасть. Надо бы обсудить... Теперь, братъ, находчивость и интуиція должны выручать. Пѣтухи запѣли, значитъ, недалекъ разсвѣтъ. Можно къ комунибудь зайти и въ разговорахъ информироваться — зайдемъ: нѣтъ — побредемъ дальше. Ну, айда!

Андрей затопталъ папироску и они двинулись.

— Идемъ странниками и надо перевоплотиться въ тѣ роли, которыя будемъ играть. И главное, наблюдать за собой и обдумывать каждое слово, чтобы не сбиться съ тона. А детали развѣ предусмотритъ, когда за каждымъ угломъ неожиданность. Забыть себя надо, — подчеркнул онъ.

Дмитрій усмѣхнулся.

— Пять лѣтъ только этимъ и занимаемся. То каменщикъ, то углекопъ, то парикмахеръ, какъ во снѣ изъ одного ампула въ другое перелетали. Вспомнить себя теперь трудно намъ. Вотъ сидѣлъ въ Бѣлградѣ и спокойно мазалъ актерскія рожи и... очутился здѣсь, вѣроятно, на послѣднемъ ампула.

— Почему? — живо спросилъ Андрей.

— Да вѣдь какъ ни мудри, а ихъ лапъ не минешь. Не даромъ бы только, стукнуть бы сперва хоть парочку этихъ звѣрей.

— Ну чтожъ, но умремъ русскими офицерами и за то, за что стоитъ умирать, а не надорвавшись чужой работой, для чужого хозяина.

— О-о чертъ... — охнулъ Дмитрій наткнувшись на что то. — Что за штука?

Небо чуть посѣрѣло. Присмотрѣвшись, можно было разглядѣть какой то темный предметъ и надъ нимъ свисавшую линію.

— Колодезь какъ будто... Ну, конечно... — бормоталъ онъ, тронувъ веревку. — Деревня. Что теперь?

— Сядемъ гдѣнибудь и передохнемъ, черезъ полчаса разсвѣтетъ. Не стоитъ въ темнотѣ по де-

ревнѣ бродить, собакъ подыметь. Вотъ что то твердое, садись, — зашепталъ Андрей.

Сѣли на какой то приступокъ и оба, измученные двумя безсонными ночами и острой напряженностью, забылись въ дремотѣ.

Первымъ открылъ глаза Андрей.

Вѣтеръ стихъ. Сквозь обрывки побѣлѣвшихъ тучъ голубѣло небо. Отяжелѣвшее сознаніе еще не проснулось и Андрей тупо смотрѣлъ передъ собой, стараясь вспомнить гдѣ онъ.

Почернѣвшій колодезь съ высокимъ журавлемъ у покривившейся плетеной изгороди, за которой бѣжитъ длинный рядъ зеленѣющихъ грядъ, за ними — ровный изумрудный просторъ. Темной бахромкой лѣса курчавится горизонтъ.

Андрей вскочилъ, разбудивъ прислонившагося къ его плечу Дмитрія.

Россія!.. взволнованно крикнуло сердце.

— Россія... — упиваясь музыкой этого слова, медленно повторилъ онъ вслухъ, сжимая руку Дмитрія, по лицу котораго сползали свѣтлыя слезинки.

Они ласкали, обнимали глазами и зеленую даль, и широкую короткую улицу съ бѣлыми хатенками. Дорогу, виднѣвшуюся за воротами деревни. Печально опустившіяся вѣтви плакучихъ березъ.

Все такое близкое, родное.

И развѣ не стыдно уступить безъ борьбы? Развѣ страшно умереть за эти кроткія поля, задумчивые лѣса, просторъ и ширь російскихъ далей? Охватывало горячее, молодое нетерпѣніе скорѣй, не откладывая, приступить къ задуманному.

Дмитрій оддернулъ за рукавъ замечтавшагося Андрея.

Напротивъ, въ калиткѣ избы, стоялъ пожилой крестьянинъ въ длинной растегнутой рубахѣ висѣвшей поверхъ бѣлыхъ портковъ. Почесывая взлохмаченную голову онъ пристально смотрѣлъ на двухъ, какъ двѣ капли воды похожихъ стариковъ съ длинными сѣдыми бородами и молодо горѣвшими глазами.

Андрей приподнял шапку.

— Здорово!

— Здорово! — перѣшительно отвѣтилъ крестьянинъ, недѣвѣрчиво оглядывая сѣрыя свитки и лапти.

— Виткиля це вы? — спросилъ, когда они подошли ближе.

— Со свѣту. Ходимъ странниками по землѣ русской изъ конца въ конецъ. Заблукались ночью, зашли сюда и переночевали на заваленкѣ.

Андрей смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Ходить до хаты, — буркнулъ крестьянинъ послѣ короткаго раздумья и нырнулъ въ калитку.

Дрогнули сердца отъ давно невиданной обстановки.

Низкая, полутемная отъ прищуренныхъ оконъ хата. Узкія скамьи вдоль стѣнъ. Русская печь, широкая, расплзшаяся на полъ комнаты. Направо — палаты, заваленныя не то тряпьемъ, не то одежей. Небольшой бѣлый столъ у скамей и два образа въ углу съ запыленной вербочкой надъ ними.

Сіяли шанки, начали молиться. Не для вида. Молились искренно, горячо, повторяя про себя: „Господи, помоги, благослови задуманное, будь заступникомъ“.

— Сѣдайте, гости будете, — мягко сказалъ крестьянинъ, когда они кончили.

Хозяйка умылась со рта въ сѣняхъ. Поставила на столъ чашку съ молокомъ, краюшку чернаго хлѣба и кусокъ пожелтѣлаго сала.

Нѣкоторое время ѣли молча.

— Браты будете? — робко спросила женщина долго переводившая глаза съ одного на другого.

— Да. — отвѣтилъ Андрей.

— Ажъ страшно, якъ похожи. Кто жъ изъ васъ будете старшенькій?

Дмитрій показалъ на пріятеля.

— Шо жъ це вы по свѣту ходите, чего шукаете? — заговорилъ крестьянинъ.

— Смотри́мъ какъ люди живутъ, — началъ Андрей, но крестьянинъ перебилъ его.

— Може правды шукаете? Такъ не мае ее на нашей землы, сховалась кудыпсь, а мабуть и згинула. Тильки слезы остались.

— Ой богатько слезъ, — горестно закачалась хозяйка. — Слѣпнуть отъ нихъ люди.

— О чемъ же плачуть? — спросилъ Дмитрій.

— Хозяевъ много надъ народомъ стало и усякій кожу знимае, — началъ крестьянинъ послѣ выжидательнаго молчанія.

— Якъ яичко облупили, што хотятъ, то и роблять. Забылъ Богъ про людей.

— Не забылъ, — строго проговорилъ Андрей. — Онъ помнитъ про творенья своя, а люди отвернулись отъ Него.

— Есть и такіе, али мало. Не дозволяютъ молиться, а молимся. Не слухае Господь.

Помолчали.

— У васъ въ деревнѣ стоятъ красноармейцы? — спросилъ Дмитрій.

— Не. Въ верствѣ туда къ станціи стоятъ и версты три за нами — штабъ ихній. Ловятъ тѣхъ, кто за кордонъ бѣжитъ. Тикають люди, учителя, паны усякія, у кого гроши заведутся, такъ и тикають. Ну, намъ треба, люди Божьи, на работу, ужъ соничко встало. А вы, може, поспать трохи хотите, такъ я васъ у сарай заведу, тамъ у сини добре буде, — предложилъ хозяинъ, вставая.

Въ полутемномъ сараѣ лежали разбросанная солома, нѣсколько охапокъ сѣна, какіе то мѣшки.

Крестьянинъ поворочалъ вилами солому, сдвигнувъ въ одно мѣсто.

— Лягайте, а якъ снідати, хозяйка погукае.

— Шепетовка въ какую сторону будетъ, — остановилъ его Андрей.

— Вправо. А вы туда поддаться хотите?

— Да.

— Може я на своей коняки васъ пидвезу... тамъ побачимо. Лягайте.

Вышелъ и тщательно прикрылъ двери.

Дмитрій съ наслажденіемъ растянулся.

— О, блаженство!..

— Ты осторожнѣй, не забудь, что начиненъ весь. Не раздави чего.

Андрей тревожно ощупывалъ себя.

— Позашивалъ, а теперь не могу разобрать гдѣ — что.

— Э, не беспокойся, у меня вѣдь по моей части, все мягкое, а „то“ — въ поясѣ у тебя и въ обшлагахъ.

Дмитрій широко зѣвнулъ.

— А вотъ не выдастъ ли насъ хозяинъ? Что то ужъ очень откровенничалъ. Видѣлъ впервые... Завелъ сюда, пойдетъ и приведетъ комиссарчика чтобъ подслужиться. Не очень я довѣряю нашимъ мужикаментамъ. Никогда не поймешь, что у нихъ на умѣ.

— Пустяки говоришь. Распираетъ душу, ну и дѣлится. Въ первую минуту онъ на насъ волкомъ смотрѣлъ. И предполагалъ своихъ, и боялся ошибиться, а какъ увидѣлъ, что передъ образами молимся и размякъ.

Но Дмитрій уже спалъ крѣпкимъ сномъ переутомленного человѣка.

Два раза входила хозяйка звать „Божьихъ странниковъ“ обидати. Постоить, окликнетъ осторожно, покачаетъ головой и тихесенько выйдетъ.

— Нехай сплять, може такъ имъ треба. Чуетъ мое сердынько шо це не прости люди, а божественни. Шось не похожи вони на другихъ. Може то самъ Абраамъ съ варфангеломъ.

— Якій Абраамъ?

— Якій.. Хiba не знаешь? А евангельскій. Може вони отъ Бога посланы шобъ людей спасати.

— Варфоломей молодесенькій, а то старій, — неувѣренно отвѣтилъ крестьянинъ и задумался.

— Ты жъ — цыцъ! А то почнуть жинки цокотать, тай прослышать коммунисты... Пропишутъ

вони намъ тоди варфангела. Пойду самъ будити и треба коняку запрегти, тай везти.

Горячіе лучи пробились въ щели крыши, поднимая столбъ легко кружащихся пылинокъ. Зажгли золотомъ солому и запутались въ волосахъ, заглядывая въ глаза.

Спавшіе безпокойно пошевелились, инстинктивно стараясь глубже спрятаться въ солому, но лучи назойливо щекотали рѣсницы, и оба проснулись. Нѣкоторое время лежали молча разморенные жарой и долгимъ сномъ.

Дмитрій пріоткрылъ глаза.

— Андрей, — не громко позвалъ онъ. — Не спишь? Должно быть, — поздно.

— Д-да.

Андрей потянулся и сѣлъ протирая глаза.

— Здорово поспали, — часовъ шесть. Легли — солнце только встало.

— Покурить?

Дмитрій полѣзъ въ карманъ.

— Пожару не надѣлай.

— Ну вотъ, маленькій я. Что то не идутъ приглашать насъ къ обѣду. Знаешь, что меня безпокоитъ? Вѣдь о насъ, пожалуй, въ эмиграціи разговоры идутъ. Безвѣстно скрылись. Умудриться бы нѣсколько словъ Константину послать, онъ пойметъ. Скажетъ ктонибудь одинъ: „большевикамъ передались — и пойдеть гулять. Такъ и погибнемъ съ пятномъ измѣнниковъ.“

— Что ты все каркаешь: „погибнемъ, погибнемъ...“

— Сколько такихъ ухлопано за послѣдній годъ?

— Забудь ты про это, Бога ради. Ихъ путемъ мы не будемъ итти; сколько разъ ужъ было говорено. Странниками, стариками, на которыхъ они вниманія не обращаютъ. Въ родной городъ, гдѣ каждый уголь знакомъ и легче оріентироваться, легче информироваться, такъ какъ всегда можешь

встрѣтить знакомыхъ и, не открываясь имъ, вытягивать свѣдѣнія. Наконецъ, мы гриммируемся подъ одно лицо и можемъ дѣйствовать на мистику, воображеніе. Ты не агитаторъ. Ты — таинственная личность, призракъ. Въ твоихъ рукахъ чудодѣйственныя средства. Ты проходишь, и за тобой идетъ смерть. При странныхъ, непонятныхъ обстоятельствахъ умирають вчера еще здоровые люди. Ты — наказаніе посланное свыше. Вотъ по какой схемѣ мы будемъ дѣйствовать.

Дмитрій увлекся.

— Здорово, чертъ поberi! Если удастся — такъ загудятъ.

Скрипнула дверь, вошелъ крестьянинъ.

— Пробудились? Жинка два раза приходила, тай не могла добудитися.

— Сколько можетъ быть времени? — спросилъ Дмитрій.

— По соничку — бильшь якъ двиннадцать. Пообидаемъ, тай я васъ пидвезу трохи.

Жинка усердно угощала за обѣдомъ, а когда кончили застѣнчиво протянула Андрею свертокъ.

— Ось я вамъ на дорогу яичекъ печеныхъ, шматочекъ сала, та хлиба въ чисто полотенечко завернула. Кладить въ ваши торбы, не побрезгуйте.

Мужъ пошелъ запрягать; она стояла скрестивъ на груди руки и набожно переводила глаза съ одного на другого.

— Прийдите ись вы ще колысь къ намъ?

— Прийдемъ, но не скоро, — увѣренно отвѣтилъ Андрей.

— Не скоро?.. — жалобно закачала она головой. — А скажите мени, люди добріи, долго ли це горе будемо терпѣти? Не вжежъ не змилуется Богъ надъ нашими слезами, не услышитъ нашихъ молитвъ?

— Онъ ждетъ, чтобъ люди сами встали за вѣру святуу, за правду, и поможетъ изгнать нечестивцевъ изъ православной Руси.

Женщина быстро закрестилась.

— Спасибочка вамъ, спасибочка — радостно забормотала и всхлипнула.

Во дворѣ загрохотали колеса. Побѣжала впередъ открыть дверь.

— Казали, приказываетъ народу Господь очистить отъ нехристей землю, — зашептала, задыхаясь, мужу, пока странники сходили съ крыльца.

Выѣхали изъ воротъ, проѣхали короткую нелюдную въ этотъ часъ улицу и бодро покатали по мягко пыльному большаку.

Упивались. Не могли оторвать любовью свѣтившихся глазъ.

Бѣло узорчатая березки вдоль. Свисаютъ тонко гибкія вѣтви чуть курчавящіяся рѣзными, такими пахучими, листочками. По обѣ стороны зеленый шелкъ ржи и привѣтливо улыбаются голубоглазые васильки. Пробѣжали узкія полосы изумруднаго льна. Справа, на горюшкѣ, застыли нелѣпо растопыренные крылья вѣтряка.

И надъ всѣмъ — прозрачно голубой хрусталь свѣтло отдыхающаго послѣ ночной бури русскаго неба.

Сколько длинно томительныхъ лѣтъ все это грезилося въ усталыхъ снахъ и стало явью.

Явью?.. Переодѣтыми? Въ маскахъ?..

Безъ лица жили тамъ.

Безъ лица, тайно, какъ преступники пришли сюда, на родную землю.

Бились противорѣчивыя чувства. Радость, тоска, боль униженія, яркая, не знающая пощады ненависть.

Дмитрій нервно тронулъ за плечо возницу.

— Стой.

Тотъ недоумѣнно обернулся и натянулъ веревочныя вожжи.

Порывисто привсталъ на сидѣннѣ, отломалъ двѣ пушистыя вѣтки березъ.

— Пошелъ.

Подалъ одну Андрею.

— Сколько лѣтъ не дышалъ этимъ запахомъ, — засмѣялся взволнованно, прижимая къ лицу тоненькіе, свѣжіе, клейко пахнущіе листочки.

Свернули на проселокъ и черезъ четверть часа вѣхали въ лѣсъ. Розоватые, шелушившіеся тонкой пленкой стволы сосенъ стройными колоннами уходили въ высь, закрывая темно зелеными шапками небо. Стелются по иглистой землѣ тѣсные кустики мяты съ розоватыми цвѣточками, длинныя перышки шалфея, темныя листочки черники. Пахнетъ смолой, травами, горячей землей. Безмолвно стоитъ лѣсъ, поетъ хорами голосовъ.

Сухо и радостно стрекочутъ кузнечики, торжественно гудятъ шмели. Гдѣ то близко озабоченно застучалъ дятель. Звонко закуковала кукушка.

— Уцѣлѣлъ, — невольно вырвалось у Андрея. Крестьянинъ сѣлъ къ нимъ бокомъ.

— Тутъ не дозволяютъ рубити, стерегутъ, а у полотна, — ткнул кнутовищемъ въ пространство — начисто вырубилъ, якъ выѣли. На машину пошло. А тутотка на много верстовъ лѣсъ, у немъ и ховались люди, якъ волненіе було у 22 году, тай поховали, кто жинокъ, кто дитокъ.

— Отюда до Шепетовки недалеко?

— Э, не, то не близкій свѣтъ. Витиля, верстовъ съ пять буде село Играчка. У томъ селу близкій мени чоловікъ проживае, дочку мово дядьки узялъ. Вѣрный чоловікъ. Ось къ нему я васъ и завезу. А одъ того села — містичко версты съ три, а одъ містичка — шляхъ, прямесенько у Житоміръ веде, а свернуть мало на сторону — дорога у Шепетовку. У селу красноармійцы сидятъ, чоловікъ съ двадцать — погранична стража. Це люди смирни, своимъ діломъ занимаються, мужиковъ не забиждають. А што у містички проклята душа живеть, Рѣзникъ прозывается, такъ щобъ ему и на томъ, и на этомъ світи покою не було.

— Аронъ, мельникъ?

Андрей прищуренными глазами смотрѣлъ вдаль, вызывая далекія воспоминанія.

— Ось, ось, — радостно закивалъ крестьянинъ. — Хиба вы его знаете?

— Нѣтъ, такъ слыхалъ — уклончиво отвѣтилъ Андрей.

— Це вы про старого Арона. Винъ держалъ мельницу у пановъ пидъ Житоміромъ. Самъ винъ добрый былъ жидъ, віру свою соблюдалъ, а оце его диты. Два сына и дочка и уси трое у революцію поддались. Дочка и старшій, — Мойша, у Житоміру, а Борухъ у містечки. Винъ начальствуе на цілу округу; зиму проживае у Шепетовки, а літомъ ту. Воздухъ, каже, чище, бісовъ сынъ. Такъ щобъ вы знали, якъ винъ надъ людьми надругается, о, Боже жъ нашъ святой. За горло грызе, якъ той собака. Пообобралъ до чиста. У кого какая курка, или гуска заведетсѣ; яички, масло, сметану — все ему неси. И жинка, и диты, цілый штабъ коло него, стража, якъ у царя, прости Господи, и уси купаются по горло. Жинка поіде къ маткѣ, а вони загоняють къ себѣ и молодиць и дівчатъ, та штохтять, то и роблять съ ними. Малыхъ дівчатокъ, по двінадцатомъ годочку поперепортити. И якъ только Богъ то терпитъ.

— Какъ народъ терпитъ? — не выдержалъ Дмитрій, — нельзя все на Бога сваливать.

— Та шо жъ той народъ? Гдѣ его сила? Отъ и поднялись у двадцать второмъ году. Одиннадцать деревень, якъ одинъ повстали. Вышли красноармейцы, а жинки, да диты впередъ: „стріляйте, якъ въ Бога не віруете“. Вони — ружжа на землю, тай назадъ. А тіи изъ орудій палить. Три дня палили, не найдете гдѣ тіи хаты стояли. Люды по лісамъ поховалися, прійшла зима, тай погинули. Руки ноги поотваливалися, отмороженіи. Я двухъ сыновъ тамъ потерялъ. Ось и мовчать, тай слезами обливаются. Не до кого притулится, не маемъ зашити. Казали, ось білые придуть, ослободять, ждали-ждали тай націю сгубили. Забули про свою землю. А тутотка хто только посміе поднять голосъ у тую самую ночь, якъ коршуны налетять, всю хату до горы

ногами поперевертають и почнуть реквизирати, та конфисковати. А то оружє знайдуть. Сами подкинуть, сами и знайдуть, а чоловіка у Каримскій краю высылають.

— Аронъ гдѣ живеть?

Не має его. Винъ у томъ самому году якъ разруха пішла, задавився. Черезъ нѣскольки дней, якъ старого пана прикончили. Дуже добрый былъ панъ, кажуть люди. Мельникъ коло пана змолоду зароблялъ. Годовъ двадцать жилъ у него, вмiстяхъ и состарились. Дітокъ панськихъ добро зналъ, тоже — два сыны и дочка, якъ и у Арона. Одинъ у великую войну забить; другой, якъ почалась гражданска война, къ білогвардейцамъ поддался, тай не має о немъ слуху. Може за кордономъ, а може и сгинувъ гдѣ. Якъ революція пришла, Борухъ и Моисей прямо у панскій домъ гурнули и ще какихъ голодранцівъ поприводили. Добро позабирали, а старого пана на балкону повісили. Люди кажуть, самъ Борухъ и веревку на шею чиплялъ. Послышавъ Аронъ, прибежъ съ мельницы, а панъ ужъ раздулся, а онъ скоро и самъ въ панскомъ саду, на сучку повѣсился. Совистливый былъ жидъ.

— Гдѣ дочь?

И такъ страненъ былъ сдавленный звукъ голоса, что Дмитрій поднявъ опущенную голову, тревожно взглянувъ на Андрея. Застывшая гипсовая маска. Бѣлыми кажутся голубые глаза отъ холоднаго, зловѣщаго огня.

— Разно кажуть люди. Пропадае негдѣ по угламъ съ голоду.

Крестьянинъ выплюнулъ обсосанную цигарку, повернулся къ сонно шагавшей конякъ и злобно стегнулъ ее.

Долго ѣхали молча. Сузилась дорога, заворачивая вправо. Зазвучали голоса невядалекъ, на минуту стихли; понеслась лихая хоровая пѣснь:

„Э-эй полна-а, да полна коро-обушка,

„Е-есть и ситцы-ы, да есть парча,

„По-ожалѣ-эй душа душа зазнобу-ушка
„Мо-олодецкаго-о плеча.“

лились по притихшему лѣсу молодые, свѣжіе голоса.

— Красноармейцы... — пояснилъ возница. — Усе стари пісни співають, колысь и наши, хохлацкіе, бо нови таки, што и плюнуть жалко.

Изъ за поворота выплылъ небольшой отрядъ всадниковъ, въ строконечныхъ шлемахъ съ подвязанными кверху наушниками, на рослыхъ, сытыхъ лошадяхъ. Не задерживаясь проѣхали мимо, бѣгло взглянувъ на телѣгу.

— Веселыя, довольныя лица. Ыдутъ, поють, точно все по старому, — тихо сказалъ Дмитрій, желая ытянуть Андрея въ разговоръ, но тотъ не отозвался.

Вѣхали наконецъ въ деревеньку.

Отхлопывая босыми пятками, гонялись ребяташки, въ длинныхъ замазанныхъ рубашенкахъ, поднимая пыль. Три парня-подлетка стояли среди улицы съ сигарками въ зубахъ. Наглыя испытыва лица; выпущены густые коки изъ подъ плоскихъ фуражекъ. Посторонились, двинувъ плечами, и раскатились грубымъ хохотомъ, подмигивая на телѣгу.

— Эй, дядько, кому старые горшки везешь продавать? — крикнулъ одинъ, закончивъ циничной фразой.

Переползала улицу беременная баба съ коромысломъ на плечахъ, тяжело раскачивалась, расплескивая воду изъ полныхъ ведеръ.

— Ось, и пріехали.

Легко спрыгнувъ съ воза, открылъ ворота и ввелъ коня во дворъ.

— Слізайте люди Божьи.

Закрывъ ворота, пошелъ въ хату и тотчасъ вернулся.

— Никого не мае. Идить у хату, а я пиду пошукаю, мабудь на огороди.

— Да, это персть судьбы, — нервно говорилъ Андрей, шагая по хатѣ. — Съ первыхъ шаговъ сталкиваюсь съ убійцами моего отца.

— Ты до сихъ поръ не зналъ? — осторожно спросилъ Дмитрій.

— Нѣтъ. Писалъ два раза изъ Крыма знакомымъ, бѣжавшимъ изъ Житомира въ Кіевъ, но отвѣта не получилъ. Ему я опасался писать. Ну и, конечно, всякія предположенія приходили въ голову... Но только не то, что произошло. Ну, они отъ моихъ рукъ не уйдутъ... Ни одинъ, ни другой. Здѣсь ночевать не будемъ, отдохнемъ немножко и въ мѣстечко. Завтра буду добиваться свиданія съ нимъ. Я уже обдумалъ... Жаль только, что будетъ мало страдать. Звѣрь царапаетъ душу, въ клочки бы порвалъ...

— Мы геніально поступили переодѣвшись стариками, — перемѣнилъ тему Дмитрій; ему было больно смотрѣть на дергавшееся лицо друга. — Они дѣйствительно на нихъ не обращаютъ вниманія. Какъ равнодушно „звѣздоносцы“ мимо насъ проѣхали, не остановились даже документовъ посмотреть.

Стукнула калитка. Оба опустили на скамейку и сгорбились, принявъ старческій видъ.

— Ось и люди Божіи. Примить, Христа ради и погодуйте до завтра, а съ соничкомъ вони на Шепетовку поддадутся, — оживленно представлялъ возница странниковъ молодому, красивому крестьянину и черноглазой молодухѣ.

— Погодуемо, погодуемо, — привѣтливо здоровался хозяинъ. — Мариночка, угощай захожихъ гостей.

По суетливости, съ какой она стала накрывать столъ и почтительному тону хозяина, странники поняли, что возница успѣлъ поразсказать о нихъ, какъ о не совсѣмъ обыкновенныхъ людяхъ.

— Вы не хлопчите, у насъ все съ собой есть. Его жинка на цѣлую недѣлю дала намъ харчей.

Да и есть еще не хочется, — остановилъ Марину Дмитрій.

— О, що съ це вы нашимъ хлѣбомъ брезгуете, — испуганно вскрикнула молодуха. — Мы жъ тоже у Бога віруемъ.

— Сдѣлайте милость не отказывайте, — присоединился и хозяинъ, — а то, що у торби, на дорогу пригодится, не ближній свѣтъ итти. Сѣдайте и вы, Трохиме, нехай коняка трошки передохнеть.

На припечкѣ уже шипѣла, корчась, яичница, распространяя запахъ жаренаго сала. Марина дѣлала таинственные знаки мужу, указывая на что то стоявшее подъ печкой. Тотъ нерѣшительно улыбался.

— Люди Божьи, не будете обижаться... если мы... того... по чарочкѣ?.. Тутъ у насъ своего производства...

— Не треба, не треба, — замахалъ руками Трофимъ.

— Что вы? Ахъ, выпить?.. Пожалуйста, не стѣсняйтесь, вы — хозяева, — одновременно отвѣтили оба странника.

Осмѣлѣвшій хозяинъ вытащилъ бутылку самогона, обтеръ ладонью и налилъ двѣ чарочки.

— Выпьемъ, Трохиме, странни люди разрѣшаютъ. А може и... — но поперхнулся подъ строгимъ взглядомъ хозяина.

— Бувайте здоровеньки, нехай вамъ Господь...

Выпили, крикнули, закусили густо посоленной луковкой съ хлѣбомъ. Подала жинка яичницу и молодой хозяинъ налилъ по другой.

— И доста, бильшь не треба. Сховай, Мариночка. — Строго приказалъ Трофимъ и Марина быстро сунула бутылку подъ припечку.

— Кушайте, просимъ васъ, кушайте, а ты, жинка, поди приготовь гостямъ, шобы було добро поспати.

— Нѣтъ, спасибочко, закусимъ, посидимъ малость и пойдѣмъ въ мѣстечко, — заявилъ Дмитрій.

Трофимъ всполошился.

— Якъ же такъ?.. Вы жъ думали тутъ переночевати и поддаться въ Шепетовку?

— Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ, — загадочно отвѣтилъ Андрей.

Трофимъ и хозяинъ многозначительно переглянулись.

Марина такъ и застыла у печки съ полуоткрытымъ ртомъ.

— Може бѣ остались... Скоро и соничко сидеть, — робко начала она, но Трофимъ перебилъ ее.

— Вони знаютъ, що имъ треба робити. Чула, що такъ указано.

— Теперъ ночи свѣтлыя, да и недалеко, за свѣтло дойдемъ.

— Близехонько, версты три, а може и меньше. Я васъ мало спровожу, на дорогу выведу, щобъ безпечнѣй було и у якую хату зайти — укажу. Тамъ знакомый чоловікъ есть. А теперь, кажить намъ, люди Божіи, што я васъ хочу распитати. Ось Трохимъ казавъ, што вы усю нашу землю трішнюю обишли, правду ли...

— Не грѣшная, а святая земля русская, — перебилъ Андрей хозяина. — Освятилась она кровью мучениковъ безвинныхъ, погибшихъ за вѣру православную, за то, что не хотѣли поклониться сатанѣ!

— Сатани?.. — вздохомъ ужаса вырвалось у всѣхъ.

— Да, сатанѣ, — твердо подтвердилъ Андрей. — Это сатана ведетъ борьбу противъ Господа и приказываетъ слугамъ своимъ разрушить вѣру въ сердцахъ людей православныхъ, осквернять храмы Божіи, снимать съ нихъ кресты святыя, разстрѣливать священнослужителей, мучить, издѣваться надъ христіанскими народами, развращать ихъ дѣтей.

— А якъ же терпитъ Господь? Невжежъ сатана сильнѣй Его? — ужаснулся хозяинъ.

— Господь всемогущъ. Однимъ словомъ можетъ Онъ уничтожить сатану, но Онъ послалъ испытаніе согрѣшившему народу. Онъ сотворилъ

людей и далъ имъ свободную волю и заповѣди какъ надо жить, какъ надо поступать. Переступили законъ православные, русскіе люди. Противъ братьевъ своихъ пошли, кровь ихъ пролили, слушались враговъ Христовыхъ, отъ Бога отвернулись, допустили осквернить храмы и едѣлать изъ нихъ клубы. Много грѣховъ взяли на душу и послалъ наказаніе Господь.

— Охъ, лишенько намъ, лишенько — громко завсхлипывала Марина.

— Далъ волю сатанѣ. Испытываетъ народъ, испытываетъ его любовь къ Себѣ, отдѣляетъ пшеницу отъ плевелъ. Ждетъ, чтобъ опомнились люди и безъ страха поднялись на защиту вѣры святой. И должны встать. Насталъ часъ, всѣ вы поняли въ чьи сѣти попали. И горе тѣмъ, кто покоряется слугамъ сатаны. Онъ вновь распинаетъ Христа, страданіями и смертію искупившаго человечество. Лучше такимъ не родиться на свѣтъ.

Голосъ Андрея звучалъ такъ вдохновенно, что даже захватилъ и Дмитрія.

— О чемъ ты хотѣлъ спросить меня? — обратился Андрей къ хозяину.

Тотъ утеръ рукавомъ мокрые глаза.

— Правду ли кажутъ люди, што усякія знаменія являються на небѣ? На Украинѣ, кажутъ, ночью темной на небѣ хрестъ изъ лучей свѣтився. Великій, съ полъ неба, та свѣтлый, ажъ глазамъ було больно смотрѣти. На Капказу хрестъ являлся. А въ Крыму нѣкое темное страшилище на небѣ являлося: змій съ двумя головами, а сонечко підошло тай накрыло его, воно и згинуло.

— Господь знакъ даетъ, что поможетъ людямъ въ борьбѣ святой. Сгинетъ сатана и солнце правды и любви засіяетъ на русской землѣ.

Андрей всталъ.

— А теперь, спасибо вамъ за хлѣбъ-соль, за ласку. Намъ пора итти.

Оба крестьянина стали помогать имъ одѣтъ котомки. Перекрестившись на образа, странники

повернулись итти. Тихо плакавшая у печки молодица неожиданно бросилась къ Андрею.

— Благословить мени, святій чоловікъ, — захлебываясь забормотала она, склоняя голову и подставляя руки.

Андрей смущенно отступилъ.

— Не дано мнѣ власти благословлять, — нашелся онъ. — Молись Богу, у Него проси благословенія. — И быстро вышелъ.

Трофимъ остался въ хатѣ, хозяинъ пошелъ выводить на дорогу. Шелъ молча, углубленный въ думы, тяжело вздыхая.

— Ось, — остановился на поворотѣ. — Идить прямо цей дорогой, она и выведеть у містичко. А може прикажете мени итти съ вами.

— Не надо, спасибо, сами дойдемъ.

— А къ кому зайти на ночевку? — спохватился Дмитрій.

— Отъ, Господи, мало не забудь! Простить меня дурнова. Якъ войдетѣ — третья хата справа, Петро Ткачукъ проживае. Кажить, шо пиславъ Левко Климусъ. Охъ, богатько въ містечки сатанинскихъ слугъ, якъ вы казали. А што тій Рѣзникъ, проклята душа, то изъ за него на базаръ туда люды бояться ходить.

— Скоро перестануть бояться. Конченъ его срокъ. Прощай.

Долго смотрѣлъ Левко имъ вслѣдъ, раздумывая надъ послѣдней фразой.

Красный шаръ скользилъ къ горизонту. По обѣ стороны проселочной дороги бѣжалъ зеленый лужокъ, окаймленный растрепанными кустами орѣшника. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ за нимъ стѣной — темный, смѣшанный лѣсъ.

Странники шли, дѣлясь впечатлѣніями.

— Изъ тебя вышелъ бы прекрасный проповѣдникъ и ты произвелъ очень сильное впечатлѣніе, я слѣдилъ за ихъ лицами, и все же... — Дмитрій запнулся. — Ну... какъ то неудобно, что-ли, въ священника играть. Царапаетъ это.

— Почему въ священника? Вотъ чудаки! — удивился Андрей. — Любой журналистъ эмигрантскихъ газетъ писалъ о сатанистахъ и призывалъ къ борьбѣ съ ними. Почему же я, глубоко религиозный человекъ не могу дѣлать этого же? Тебя смутило, что молодлица подошла ко мнѣ подъ благословеніе? — разсмѣялся онъ, — такъ я же и не далъ его. А въ призывахъ нѣтъ ничего кощунственного. Только на оскорбленное религиозное чувство и надо дѣйствовать теперь.

— О знаменіяхъ, напимѣрь... Своимъ отвѣтомъ ты какъ будто подтвердилъ, что они были. Зачѣмъ это, когда столько матеріала для агитаціи.

— Нѣтъ, патрицій Деметріусъ, ты все же многого еще не „уторопалъ“, какъ говорятъ наши волынскіе. Предполагать, что иаъ за матеріальныхъ лишеній народъ возстанетъ и свалить этихъ мерзавцевъ — значитъ не понимать его. Шесть лѣтъ ихъ обираютъ, свиньями жить стали, въ голодный годъ — собственныхъ дѣтей, другъ друга поѣдали и... терпѣли. У русскаго народа поразительная и страшная способность — приспособляться. Эмиграція это подтвердила. За самыя невѣроятныя профессіи взялась, — во снѣ не снились такія условія и — ничего. Гнетъ спину, живетъ, со всѣмъ мирится. Эго нашъ порокъ; я много думалъ надъ этимъ. А пробуди мистику, покажи знаменіе, чудо... Появись съ крестомъ въ рукѣ, да еще съ сіяньемъ вокругъ головы и позови... Съ кольями, съ кулаками пойдутъ и сметутъ. Юродивый, ясновидецъ, пророкъ сейчасъ больше сдѣлаетъ, чѣмъ тысяча агитаторовъ. Мы — народъ особенный. За двухперстное знаменіе и старыя книги живьемъ горѣли и въ пламени молитвы пѣли. Мои слова о сатанѣ пойдутъ по деревнѣ гулять. А посмотри, какъ загудятъ, когда узнаютъ, что Рѣзникъ погибъ. Левко не забудетъ моей фразы, что „кончается его срокъ“. Онъ и теперь, небось, ее въ своемъ мозгу переворачиваетъ. И, быть можетъ, это будетъ тѣмъ „чудомъ“, которое ихъ толкнетъ.

— Загудятъ несомнѣнно. Дойдетъ до нихъ и схватятъ насъ.

— Никогда. Ихъ выдержкѣ намъ бы поучиться. Между собой будутъ гуторить, а передъ этими — молчокъ. Крестьянинъ не выдастъ въ кого увѣровалъ. Что это?.. Какія то крыши? Неужели пришли?

— Да. Вступаемъ въ царство террора.

— Третья изба справа... Какъ его?..

— Петро Ткачукъ.

Зеленоватый свѣтъ молодой луны зарисовалъ узорчатыми свѣто-тѣнями широкую, длинную улицу, уходившую къ горизонту и тонувшую въ немъ. Оттуда доносились голоса, обрывки пѣсни, звукъ гармошки. Здѣсь — притаенная тишина. Молчали хатенки, поблескивая чуть освѣщенными оконцами.

Дмитрій дернулъ калитку и, не слыша отклика, застучалъ въ нее палкой. Злобно прохрипѣла собака, съ сосѣднихъ дворовъ заливчато отозвались другія и смолкли. Подождали еще немного и постучали въ окно. Скрипнула дверь хаты.

— Кто такой?.. — испуганно спросилъ мужской голосъ.

— Тутъ живетъ Петро Ткачукъ?

— Тута. Што треба?

— Мы отъ Левки Климуса изъ Играчки. Откройте, пожалуйста.

Зашлепали босыя ноги. Щелкнула задвижка. Невысокая, плотная фигура съ окладистой черной бородой показалась въ полуоткрытую дверь. Увидя бѣлыхъ странниковъ залитыхъ луннымъ свѣтомъ, онъ отшатнулся.

— Здравствуйте, хозяинъ. Пустите странниковъ переночевать. Идемъ изъ Играчки, были у Левки Климуса, онъ и направилъ насъ къ вамъ, — медленно говорилъ Андрей.

Мужикъ не двигался и не отвѣчалъ. Раздумывалъ.

— Хотѣлъ самъ провести насъ, боялся, что не туда попадемъ, да какое то дѣло задержало. Можетъ, завтра онъ придетъ къ вамъ.

— Идоть.

Впустилъ и быстро защелкнулъ задвижку. Нерѣшительно остановился, почесывая грудь.

— Хата у меня малая, а народу богатько. Жинка, двѣ дочки, сынъ, — самимъ тѣсно.

— Пустите въ сарай. Намъ на одну ночь, завтра идемъ дальше.

— Въ сарай можно.

Открылъ дверь сарая и опять остановился.

— Цигарками не запалите.

— Не безпокойтесь. Станнымъ людямъ не впервой въ сараѣ ночевать.

— Лягайте.

Медленно ушелъ, понуривъ голову.

Нащупали солому, разгребли кое какъ и улеглись.

— Точно волкъ затравленный. Такого ни на что не толкнешь, своей тѣни боится. А я здорово усталъ, отъ впечатлѣній, должно быть. Кажется, будто мы цѣлый мѣсяцъ уже здѣсь.

— Да и я какъ во снѣ. Завтра послѣ визита къ Рѣзнику идемъ прямо въ Житомиръ. Шепетовка намъ не нужна. Ну, спокойной ночи.

Минуть черезъ десять хозяинъ вышелъ во дворъ, тихо ступая подошелъ къ сараю, послушалъ, прикинувъ ухомъ къ двери. Осторожно приоткрылъ ее и заглянулъ.

— Спать... — прошепталъ стоявшей за нимъ женѣ. — Шось скрябае у мене на сердцѣ. Якись вони чудни. Николи не бачивъ такихъ.

Улица вытянулась на версту. Мѣстечко сливалось съ деревней. Кончались приземистыя хатенки и за площадью шли штукатуренные, на высокихъ фундаментахъ дома, съ полукрытыми галлерейками-крыльцами, съ узкой лѣстницей съ перилами.

На ступенькахъ сидѣли, широко оставивъ колѣни, старыя еврейки съ красными, мокрыми вѣсками. Быстро, не глядя, перебирали спицами, изъ

подъ которыхъ свисаль чулокъ, перекивались съ сосѣдками.

Молодые нянчились съ дѣтьми, на крыльцѣ, нѣкоторыя стирали въ длинныхъ корытахъ. Мужчины толклись у лавченокъ. Дальше, къ концу, — огороженная церковь съ зелеными маковками безъ крестовъ; на средней — кичливо поблескиваетъ пятиугольная звѣзда. Надъ входомъ въ ограду широкая вывѣска кричитъ разноцвѣтными буквами: „Клубъ комсомольской районной ячейки“. За ней, длинный, новый домъ смотрится открытыми на улицу окнами. На подоконникахъ сидятъ и полулежатъ на животахъ, свѣсивъ голову наружу красноармейцы. Хохочутъ, переругиваются, сплевываютъ шелуху подсолнуховъ на головы прохожихъ. Наискось, тоже новый особнякъ огороженный деревяннымъ заборчикомъ съ кустами піоновъ за нимъ. Незагороженнымъ оставался подъѣздъ, закругляясь застекленнымъ крыльцомъ. На скамейкѣ, у забора, два красноармейца съ кобурами на поясахъ. Спереди, на воротникѣ, по обѣ стороны крючковъ длинные выпуклыя буквы „Г.П.У.“.

Андрей медленно брелъ, опираясь на палку, съ любопытствомъ всматриваясь въ новый бытъ. Издали замѣтилъ кобуры и рѣшилъ, что Рѣзникъ живетъ здѣсь. Вглядѣлся въ лица сидѣвшихъ. Русскія, простыя. Одинъ курносый, глаза плутовскіе, веселые.

Жрутъ видно хорошо и продались, скоты, за жирный кусокъ.

Подошелъ и остановился молча, не рѣшивъ какой тонъ взять, какъ начать.

— Што, дѣдъ, буркулы выпятилъ? Красноармейца не видалъ? — задорно спросилъ курносый.

— Ишь невидаль, подумаешь — красноармеецъ. Я, братъ, самъ сколько годовъ служилъ — проворчалъ Андрей.

— При царѣ Горохъ? — усмѣхнулся другой, черный, съ мрачными глазами.

— И при ёмъ. И службу сполнялъ, старшихъ уважалъ. Да.

— Зажился. Тебѣ, небось, давно паекъ на томъ свѣтѣ идегъ. Пора итти получать.

— А ты не торопи. Тамъ не пропадетъ. Приду, во — сколько будетъ: за день отъѣмся.

— Откуда ты такой взялся? — засмѣялся курносый.

— Я то? Отудова откуда и ты. Всѣ изъ одного мѣста приходимъ изъ материнской утробы, всѣ въ одно уходимъ, — въ мать сыру землю.

— Это правильно.

— Поживи съ мое и ты будешь разсуждать правильно. Ты мнѣ лучше скажи, здѣсь проживаетъ товарищъ Рѣзникъ.

— Здѣсь.

— А какъ къ ему пройтить? Мнѣ его нужно видѣть.

— Ишь прыткій какой, — опять разсмѣяся веселый солдатъ, — даромъ, что старый. Здѣсь то онъ здѣсь, да не про твою честь. Какъ пройтить... — передразнилъ онъ его. — Ты сперва спроси, пустятъ ли тебя.

— Какъ не пустятъ? Я по важнымъ дѣламъ пришелъ, — возмутился Андрей, чувствуя, что попалъ въ тонъ и все больше увлекаясь своей ролью.

— Да можетъ оно для товарища начальника не важно.

— Для меня важно. Я о себѣ стараюсь, а не о немъ.

Солдаты захохотали и покосились на открытое окно, въ которомъ виднѣлась темная голова склоненная надъ письменнымъ столомъ, узкимъ концомъ приставленнымъ къ подоконнику.

— А вы зубовъ не скальте, — сердито повысилъ голосъ странникъ. — У меня ужъ сыны въ солдатахъ служили, когда вы пѣшкомъ подъ столъ ходили. Ступай, который, доложи: пришелъ, молъ, старикъ, жалуется видѣть по важному дѣлу, — командовалъ онъ.

— Ну и забавный старый чертъ, — покаты-
вался курносый. — Чисто представленіе въ кине-
матографу даетъ. Командуетъ, какъ на парадѣ.

— А ты исполняй, — кипятился старикъ, — на-
то сюда приставленъ. Должонъ службу свою знать.

Темная голова приподнялась и стала прислу-
шиваться.

— Мы вотъ тебя къ стѣнкѣ сейчасъ поставимъ.

— Охъ, испужаль! Нѣтъ такого закону, чтобы
къ стѣнкѣ зря ставить. Я, братъ, законы во какъ
знаю. Ступай, говорю, доложить, — пришелъ, молъ,
старикъ...

Встрѣтился глазами съ высунувшимся изъ
окна и опустивъ руки по швамъ громко отчека-
нилъ:

— Здравія желаю вашему превосходительству.

Солдаты прыснули и встали. Довольная улыб-
ка тронула толстыя, бритыя губы.

— Что тутъ такое?..

— Къ тебѣ не пуцаютъ, ваше превосходи-
тельство, — докладывалъ, не мѣняя позы. — Дѣло
у меня важное къ тебѣ. Приказываю, — пойди,
доложи, а они зубы надъ старикомъ скалятъ. Доз-
воль къ тебѣ пройтить, ваше превосходительство.

— Провести, — снисходительно улыбаясь бро-
силъ Рѣзникъ и скрылся въ окнѣ.

— Спервоначалу бы такъ, никакого бѣ скан-
далу и не вышло бѣ, — бормоталъ, кряхтя взби-
раясь на крыльцо.

— Здравія желаю вашему превосходитель-
ству, — отчеканилъ онъ снова, вытягиваясь на по-
рогѣ кабинета увѣшаннаго портретами „вождей“.

— Здравствуй, старикъ.

Рѣзникъ вмѣстѣ съ кресломъ повернулся къ
нему отъ письменнаго стола, откинулся на спинку,
вытянулъ ноги. Черные выпуклые глаза съ любо-
пытствомъ уставились на него.

У Андрея похолодѣло внутри отъ дикой, не-
укротимой ненависти, когда онъ близко увидѣлъ
это съ дѣтства знакомое лицо.

Гимназистикомъ приходилъ на балконъ, за-
стѣнчиво прося книги для чтенія.

То же лицо, только возмужалое, ожирѣвшее.

Взглянулъ на руки, лежавшія на ручкахъ кре-
селъ... Руки, набрасывавшія петлю на шею старика
отца... На томъ же самомъ балконѣ, гдѣ у круг-
лаго стола перелистывалъ, выбирая книги.

— Я тебя гдѣ то видѣлъ... Мнѣ знакомо твое
лицо... Глаза... Ты мѣстный?

Огромнымъ усиліемъ воли Андрей заставилъ
себя принять прежній тонъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство,
въ первый разъ здѣсь.

— Зачѣмъ ты меня превосходительствомъ
называешь? Вѣдь ты не съ луны свалился, знаешь,
что въ совѣтской республикѣ генераловъ нѣтъ.

— Старъ я, ваше превосходительство, пере-
учиваться. Смолоду привыкъ начальство уважать,
потому безъ него никакъ невозможно жить. И вся-
кій долженъ дисциплину держать. Такимъ и помру.

— Какое же у тебя дѣло?

Андрей подошелъ ближе.

— Напиши мнѣ такую бумагу, ваше превос-
ходительство, чтобъ меня безъ задержки всюду
пропускали. Въ городъ какой ежели приду, или,
скажемъ, въ село, всюду чтобъ пропускъ выходилъ.

— Да ты гдѣ живешь?

— А нигдѣ. Странствую лѣто и зиму. По зе-
млѣ хожу, смотрю какъ гдѣ живутъ. Любопытный
я человекъ.

— Семья у тебя есть?

— Какъ не быть. Кровные то давно померли,
да вѣдь всѣ люди родные мнѣ выходятъ. Большая
семейка, стало быть, миллионовъ сто, а то и пол-
тора.

Рѣзникъ улыбнулся.

— Прирожденный коммунистъ. Документы у
тебя есть?

— То-то что нѣтъ. Старые были, да истлѣли,
за пазухой много годовъ носилъ; а новые, гдѣ же

ихъ брать? Вотъ ты и дай мнѣ такую бумагу, чтобы личность мою обозначить и чтобъ, куда ни пришелъ, всюду свобода мнѣ была. Сдѣлай милость, ваше превосходительство.

Аодрей поклонился въ поясъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— А я не считалъ. Давно живу... Годовъ восемьдесятъ. И давно ужъ хожу. Тоска сидѣть. Съ Алексѣемъ Пышковымъ ходилъ, — неожиданно для себя вдохновился Андрей. — Дружили тѣсно; онъ съ меня старика писалъ. Небось, слыхалъ про него? Онъ какъ книги печатать сталъ, Максимомъ Горькимъ задѣлался.

Рѣзникъ оживился.

— Неужели Горькаго знаешь? Это интересно.

— Первый другъ. Въ Питеръ къ ему ходилъ ужъ въ восемнадцатомъ году. Какъ отца встрѣтилъ. У себя поселилъ. Кормилъ, поилъ, отпускать не хотѣлъ. Какъ же насчетъ бумаги?

— Хорошо, хорошо.

Рѣзникъ придвинулся къ столу.

— Какъ тебя звать?

— Ерофей Саватьевъ.

— Какой губерніи?

— Орловской.

— Чтобы нигдѣ не задерживали? Въ каждой губерніи свои порядки. — Свободный пропускъ по республикѣ никто не имѣетъ права дать — раздумывалъ Рѣзникъ. — Надо будетъ для друга Горькаго составить... Посиди тамъ, пока буду писать. Очень ты мнѣ понравился. Такихъ стариковъ не много у насъ Посиди.

— Никакъ невозможно. Дисциплина не дозволяетъ при такой высокой особѣ сидѣть. Дозволь мнѣ патреты вотъ посмотрѣть. Люди то все важнѣющіе...

Подошелъ къ стѣнѣ, будто разсматривая. Искося оглянулся.

Рѣзникъ сидѣлъ спиной къ нему, низко нагнувшись надъ бумагой.

Быстро вынулъ изъ обшлага узенькій стеклянный флакончикъ съ безцвѣтнѣй жидкостью. Осторожно вывинтилъ стеклянный тонкій стержень-пробку. Подошелъ къ двери ведущей очевидно во внутреннія комнаты. Обернулся на писавшаго. Накапалъ на дверную ручку и нѣсколько разъ провелъ стержнемъ размазывая. И такъ же осторожно, чтобы не запачкать руки ввинтилъ стержень обратно.

— Готово, — раздался голосъ Рѣзника.

У Андрея стучало въ вискахъ отъ волненія. Опустилъ въ карманъ свитки и подошелъ къ столу. Рѣзникъ читалъ вслухъ бумагу, а Андрея гвоздила мысль: а вдругъ эта дверь заперта и онъ ходитъ къ себѣ черезъ балконъ.

Неужели все въ пустую? Надо убѣдиться, иначе онъ не можетъ уйти.

— Теперь по нашей губерніи можешь ходить свободно и проживать гдѣ хочешь, никто тебя не тронетъ. Да и всюду пригодится. Слыхалъ, какъ я читалъ тебѣ? „Лично мнѣ извѣстный и другъ Горькаго“.

Рѣзникъ протянулъ ему бумагу.

— А печаткой скрѣпилъ? — спросилъ, чтобы оттянуть время ухода.

— Скрѣпилъ.

Андрей неподвижно стоялъ, нервно придумывая, чего бы ему попросить, чтобы заставить Рѣзника пройти къ себѣ.

— Тебѣ еще чего нибудь надо? — милостиво спросилъ Рѣзникъ.

— Ваше превосходительство — затянулъ Андрей, рѣшивъ попросить сорочку.

— Борисъ, иди завтракать, мы тебя ждемъ — неожиданно закричалъ женскій голосъ за дверью.

— Борисъ, ты слышишь?

Рѣзникъ пріоткрылъ двери не выпуская изъ рукъ вымазанной ручки и громко сказалъ.

— Софочка, иди сюда. У меня здѣсь дѣдъ, который бродилъ съ Горькимъ. Его другъ.

— Что ты говоришь! Это очень интересно.

Молодая, красивая еврейка остановилась у порога.

— Такой старый! Ты ему далъ что нибудь? Дай ему немного денегъ, Борисъ.

Снялъ руку съ ручки, чтобы полѣзть въ карманъ и вдругъ сталъ тереть ладонь о ладонь.

— Какой это гадостью вымазана дверь? — брезгливо поморщился онъ. — Липкое и щиплетъ кожу.

Громко застучало сердце странника.

— Какъ это можетъ быть? Сара такая аккуратная.

Наклонившись надъ ручкой, она нѣсколько разъ провела пальцами и тоже потерла ихъ.

— Таки, да. Чѣмъ то вымазано. Можетъ быть, она мазью сегодня чистила. Ну, идемъ завтракать, все остынетъ. Прощай, дѣдушка, приходи завтра.

Возмездіе судьбы — взволнованно думалъ Андрей, возвращаясь. Шелъ на одного, попалъ двухъ. Черезъ два дня руки набрасывавшія петлю на шею отца закостенѣютъ. Два трупа лягутъ рядомъ.

Дмитрій вскочилъ съ соломы, когда Андрей вошелъ въ сарай.

— Какъ ты долго! Я уже началъ волноваться.

— Разыгрывалъ сперва водевиль и закончилъ драмой. Разыгралъ, какъ по нотамъ.

— Все удалось?

— Больше, чѣмъ ожидалъ. Онъ самъ позвалъ жену на смерть. Подробно расскажу по дорогѣ. Въ общемъ, это гораздо легче, чѣмъ я представлялъ. Нашелъ тонъ и теперь буду его держаться. Понимаешь, старикъ-чудакъ. Ворчалъ, покрикивалъ и солдатня ржала. Рѣзника лестью купилъ. Назвалъ превосходительствомъ — морда такъ и засіяла. Эти гадины честолобивы и тщеславны до ненормальности, — возбужденно рассказывалъ Андрей, зашивая футлярчикъ въ обшлагъ. — Можешь вообразить, — пропускъ по всей губерніи далъ. Я, понимаешь, вдохновился и въ друзья къ Максиму

Горькому полѣзъ. Гдѣ сворачивать на Житомиръ запомнилъ?

— Запомнилъ.

— У меня каждый нервъ дрожитъ, ничего бы не могъ сообразить. Идемъ. Къ хозяину заходить не будемъ. Таинственные странники таинственно исчезаютъ.

Пройдя незамѣченными по двору, они зашагали къ большаку.

Городская усадьба стояла на окраинѣ, одиноко, безъ сосѣдей. Справа, — отъ остальныхъ строеній огораживалъ широкій плацъ, на которомъ въ прежнее время воинскія части производили ученія. Слева, — бѣжалъ зеленый лужокъ сливавшійся съ полями. И только напротивъ, черезъ немощенную улицу шли небольшіе домики съ запыленными палисадниками.

За каменнымъ заборомъ съ четырехъ угольными столбами бѣлѣлъ массивъ дома. Старинный, съ мезониномъ. Широкая веранда съ толстыми въ полтора обхватами колоннами, по двѣ съ каждой стороны. Старыя липовыя аллеи вдоль забора очерчиваютъ прямоугольникъ; одна сторона свисаетъ надъ обрывомъ, за которымъ серебристо переливается Тетеревъ. Посреди — выровненные по шнурку фруктовыя деревья. У самаго дома купы сиреневыхъ кустовъ, затѣйливо узорчатые клумбы теперь поросшія травой.

Прислонившись къ забору Андрей смотрѣлъ на садъ, на розовѣвшія отблескомъ просыпавшагося солнца, окна мезонина. Здѣсь родился, здѣсь провелъ съ небольшими перерывами, всю жизнь до перваго раската боевого грома. Въ послѣдній разъ былъ, когда привезъ тѣло брата убитаго на австрійскомъ фронтѣ.

Каждый уголокъ бѣлаго дома, каждый кустикъ сада лучились вереницей свѣтлыхъ воспоминаній.

Выглядывали и прятались дорогіе образы. Звучали и стихали родные голоса.

Оторвался. Посмотрѣлъ вправо. На воротахъ арки нагло яркая вывѣска: „Губисполкомъ, Реввоен-советъ, Реввоенсуд“.

Оскверненное семейное кладбище. Онъ, послѣдній отпрыскъ, „Ерофей Саватьевъ, Орловской губерніи“, въ сѣрой свиткѣ, съ подвязанной сѣдой бородой.

Нестерпимой болью обожгло сердце.

Какую нелѣпо-кошунственную сказку рассказываетъ жизнь.

— Съ той стороны тоже веранда съ видомъ на Тетеревъ — задумчиво рассказывалъ Андрей, бредя вдоль забора къ рѣкѣ.

— Старинный домъ, теперь такихъ не строить, стѣны въ полъ аршина ширины. Огромный двусвѣтный залъ съ хорами, тамъ наша гимнастика стояла, и китайскій билліардъ для насъ же. Въ мезонинѣ наши спальни, классная...

Дмитрій сильно нахрамывшій на правую ногу со стономъ опустился на мягкій песокъ у рѣки.

— Занозить умудрился, что ли, точно огнемъ жжеть. Ступить не могу.

Снялъ лапоть, размоталъ онучи.

— Подошва распухла... въ одномъ мѣстѣ краснота. Неужели нарывъ намѣчается. О, чертъ... вотъ не во время! Все дѣло можетъ затормозиться на цѣлую недѣлю, — съ отчаяніемъ сказалъ онъ.

— Не нервничай. Покажи.

Андрей внимательно осмотрѣлъ ногу.

— Никакого нарыва, натеръ пузырь и онъ лопнулъ. Промой хорошенько и не одѣвай лаптя, чтобы не загрязнить. Я пойду на развѣдки, можетъ быть остался кто либо изъ друзей отца, а ты сиди здѣсь и грѣйся на солнышкѣ, завтра будешь здоровъ. Это даже хорошо.

— Что у меня нога болитъ?

Успокоенный Дмитрій весело разсмѣялся.

— Что я одинъ пойду. Мы вообще не должны здѣсь вмѣстѣ показываться, будемъ ходить въ одиночку и по очереди, чтобъ никто не зналъ, что есть два старика. Эхъ, жаль выкупаться нельзя. Три раза въ день бывало полоскались. Тутъ и купальня наша стояла, на дрова вѣрно пожгли, мерзавцы. Хоть ноги помыть.

— Здравствуй Тетеревъ, братикъ родной, — съ умиленіемъ говорилъ Андрей, опуская ноги въ воду. — А тамъ, между этими деревьями, — показалъ онъ на заборъ, — деревянный диванчикъ стоялъ, любимое мѣсто нашихъ игръ... Будетъ. Развязывай, товарищъ, торбы. Дождимъ остатки и въ обходъ... По старымъ мѣстамъ.

— Ты о квартирѣ позаботься. На берегу долго валяться неудобно, заберутъ, какъ бродягъ.

— Съ бумагой Рѣзника? Никуда они не заберутъ, но, конечно, устроиться надо. Придется по окраинамъ побродить. Найти бы заброшенную хатку. Ну, съ Бого-омъ, — протянулъ онъ сербское привѣтствіе. — Ты же сиди здѣсь, никуда не уходи.

— Куда я на одной ногѣ поскачу?

Андрей приостановился.

— Найду уголъ и перетащимся и на кладбище пройду, на могилу матери и брата; можетъ и отецъ гдѣ нибудь тамъ. А-ахъ, — съ отчаяніемъ вырвалось у него. Сжалъ кулакъ и погрозилъ городу.

— Ну погодите, проклятые... понесете и въ своихъ.

Медленно шелъ аллеей цвѣтущихъ акацій тянувшейся вдоль главной улицы. Все такое близкое, знакомое, неузнаваемо чуждое, далекое.

Грязные, съ потрескавшейся, обвалившейся штукатуркой дома. Разбитыя стекла оконъ пестрятъ вклееннымъ картономъ. Саженные плакаты на стѣнахъ съ уродливыми кубистскими рисунками и длинными, дико нелѣпыми словами не переводимыми ни на одинъ языкъ. Такія же слова на вывѣскахъ магазиновъ. Пусто возлѣ широкихъ витринъ за-

ставленныхъ товарами. Пустынно на улицѣ. Рѣдкіе, торопящіеся пѣшеходы. Ни одного извозчика.

Оцѣпенѣло шель въ плѣну призраковъ прошлаго зарницами вздрагивавшихъ въ памяти. Жесткая рука сжимала сердце, туманилъ голову сладковатый запахъ акацій. Остановился на секунду, осмотрѣлся и перешелъ на троттуаръ къ большому одноэтажному особняку, съ открытыми венеціанскими окнами.

Домъ нотаріуса, близкаго друга ихъ семьи. Съ его сыномъ, товарищемъ дѣтскихъ игръ, пробирался съ разваливагося фронта на Донъ. Дрались въ однихъ рядахъ. Свалился въ сыпнякъ и потерялъ изъ вида. Столкнулись вновь въ Галлиполи; на одномъ пароходѣ ѣхали въ Сербію. Три года горѣли, мечтали, ожидая „приказа“ и, потерявъ надежду, снова разошлись. Теперь онъ во Франціи на заводѣ Рено. Тоже боялся писать — отецъ видный буржуй. Какъ и мой, вѣрно погибъ старикъ.

Неодолимо потянуло заглянуть въ комнаты, отъ которыхъ шли нити къ дорогому прошлому. Подошелъ близко къ окну.

Большая, полупустая. Двѣ кровати по стѣнамъ, ковровый диванъ, небольшой столикъ, комодъ.

Силился припомнить, что тутъ было раньше. Кажется, контора...

И вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Вамъ что?

Не замѣтилъ, какъ сидѣвшій у другого окна небольшой, худенькій старикъ перешелъ къ нему.

Сергѣй Павловичъ! Съ трудомъ удержался чтобы не вскрикнуть.

Высохъ, постарѣлъ, неряшливо щетинится подбородокъ. Одни глаза прежніе, умные, черные живо блестятъ изъ пенснэ.

— Что вамъ? — повторилъ, пытливо всматриваясь и вдругъ заволновался.

— Вы ищете когонибудь?

— Водички бы попить, — нашелся наконецъ Андрей.

— Заходите. — Прошелъ въ переднюю и выпустилъ его.

— Садитесь, впрочемъ, идемте лучше сюда.

Ввелъ въ слѣдующую комнату, въ которой Андрей узналъ столовую.

Два угла завалены какими то бумагами. Нотариальный архивъ, подумалъ Андрей. Надъ диваномъ поясной портретъ Лаврика въ студенческой формѣ, по сторонамъ гимназическія группы и дѣтская, снятая на ступенькахъ ихъ веранды, на которой увидѣлъ себя, сидящаго верхомъ на перилахъ.

— Пожалуйста, — подаль нотариусъ стаканъ воды. — Ваше лицо мнѣ какъ будто знакомо... Мы съ вами гдѣ то встрѣчались... Вы мѣстный?

— Волинскій. Только давно, лѣтъ двѣнадцать не былъ здѣсь. Сегодня только пришелъ. Поумирали всѣ мои и забродилъ по свѣту, а передъ концомъ пришелъ на родину.

Замолчалъ, невольно смущаясь пытливо недоувѣрчивыхъ глазъ стараго друга.

— Лицо мое вамъ знакомо, потому я четыре года у господъ Оконскихъ старшимъ при конюшнѣ служилъ.

— Угу...

Привѣтливое лицо похолодѣло, стало насто-роженнымъ.

— Такъ что, хорошо всю семью знали? — спросилъ сухо, видимо не довѣряя.

— Какъ не знать, разъ у нихъ служилъ. И Андрея Андреевича, и Виктора Андреевича. Завсегда съ собой на охоту брали.

Гдѣ то въ комнатѣ щелкнула дверь. Раздались легкіе шаги. Красивая, моложавая, несмотря на просѣды сверкавшію въ пышныхъ волосахъ, дама изумленно остановилась на порогѣ.

Андрей всталъ и поклонился.

— Здравствуйте.

Ставя на столъ корзину съ продуктами, вопросительно взглянула на мужа.

— Вотъ зашелъ воды попить. Лѣтъ одиннад-

цать не былъ въ этихъ краяхъ, только сегодня пришелъ. Служилъ, говорить, у Оконскихъ когда то.

Быстро, многозначительно переглянулись.

— Служилъ, служилъ. Хорошіе господа были. Шелъ сюда, думалъ — повидая, анъ по другому вышло. Страшную кончину, слыхалъ, Андрей Степанычъ принялъ. Хочу спросить васъ, баринъ, — схоронили его тѣло, или такъ гдѣ закопали? На могилку бы пройти помолиться.

— Похоронили, рядомъ съ Викторомъ.

— Странно. Я всю ихъ прислугу хорошо знала, а васъ тамъ не видѣла.

— Не примѣчали, я больше на конюшнѣ былъ, — спокойно возразилъ Андрей.

— А дочка ихъ Татьяна Андреевна здѣсь проживаютъ? Хорошая дѣвочка были, веселая, ласковая.

— Не знаю, давно не встрѣчалъ, — нерѣшительно отвѣтилъ нотариусъ.

— Татьяна Андреевна давно уѣхала и никто не знаетъ куда. — Враждебно заговорила жена нотариуса, не обращая вниманія на останавливающіе взгляды мужа.

— Если вамъ нужны какія либо справки, пойдите въ Губисполкомъ на кухню, тамъ прежняя кухарка Оконскихъ служитъ, у нея и разспрашивайте. Мы живемъ замкнуто, занимаемся своими дѣлами, чужими не интересуемся. Ну, мнѣ обѣдъ надо готовить.

Не пряча раздраженія, стала быстро выкладывать изъ корзины продукты.

Андрей понялъ, что его разспросы испугали. Стало досадно за свою неумѣлость.

За провокатора принимаютъ. Дѣйствительно глупо. Свалился откуда то и точно допросъ снимаю — думалъ. Надо успокоить, иначе ничего не узнаешь, а отъ нихъ можно цѣнныя свѣдѣнія добыть, да и про Танюшу узнать.

— Не сомнѣвайтесь во мнѣ, барыня, — глядя прямо ей въ глаза, сказалъ онъ. — Какъ своихъ любилъ господъ Оконскихъ, потому къ вамъ и за-

шелъ, что знаю, близкіе вы люди были. А вы опасаетесь, думаете...

— Намъ бояться нечего, — рѣзко оборвала она его, — мы ничего плохого за собой не чувствуемъ, а просто некогда пустыми разговорами заниматься.

Наступило тяжелое, неловкое молчаніе. Сергѣй Павловичъ курилъ, глядя въ окно. Она повернувшись къ нему спиной разбирала принесенное.

— Я вѣдь и Лавра Сергѣича вашего хорошо знаю. Похожъ патреть, какъ вылитый стоитъ.

Она быстро обернулась.

— Знали?..

— А какже. Вѣдь онъ съ Андреечкой дружилъ, водой бывало не разольешь.

Не давая ей опомниться, сталъ рассказывать случаи изъ прошлой, безвозвратно ушедшей жизни.

Опустилась на стулъ, слушала не вытирая катившихся слезъ.

— Вы не обижайтесь, голубчикъ, — зашептала, когда онъ замолчалъ. — Сами знаете, какая теперь страшная жизнь. Другъ другу не вѣримъ.

— Это точно. Жизнь страшная. Вихорь налетѣлъ и разметалъ — кого куда.

— Разметалъ. Шесть лѣтъ вѣсточки не имѣемъ. Изстрадались. Бѣгаешь, суетишься, работаешь, а на сердцѣ камнемъ мысль о немъ, Нѣтъ дня, чтобы не вспоминали. Одинъ вѣдь онъ у насъ. Хоть бы знать, что живъ. Не знаешь, какъ и молиться за него, какъ за живого, или мертвого. И не молюсь. За „упокій“, не могу... языкъ не выговариваетъ — и захлебнулась слезами.

— Сергѣй Павловичъ нервно мялъ папиросу, опустивъ голову.

— Можетъ опасается писать, чтобы не подвести, — успокаивающе сказалъ Андрей.

Она горестно покачала головой.

— Могъ одно слово прислать „живъ“... Знаетъ, что воскресилъ бы насъ, далъ бы силы легче переносить эту проклятую жизнь. Была бы наде-

жда увидѣть... А теперь... Старика своего жаль одного оставлять... а то давно бы...

Оборвала... Сидѣла сгорбившись, придавленная тяжестью материнскаго горя. И уже не казалась моложавой. Проступила мелкая сѣть морщинъ. Маленькой, горестной старушкой стала.

Сергѣй Павловичъ подошелъ и положилъ ей руку на плечо.

— Полно, мать. Свари ка лучше кофейку, вѣдь мы еще ничего не ѣли. И человекъ угостимъ, — мягко сказалъ онъ. На правой щекѣ дергался мускулъ.

Андрей смотрѣлъ на крѣпившагося старика, издерганную душевной болью женщину, вспоминалъ жизнерадостными, элегантными. Видѣлъ вихрастую черную головку Лаврика и себя малышомъ ѣдущихъ на стульяхъ въ Индію... Потомъ юношей переполненнымъ счастьемъ первой любви. Какъ въ свой домъ приходилъ дѣлаться радужными грезами, маленькими неудачами. Встали — богатырская фигура отца, тонкое, прекрасное лицо матери. Также тосковали бы о немъ, если бы были живы.

Вспомнилъ, какъ почти мѣсяцъ не выходили они изъ ихъ дома, утѣшая отца послѣ смерти матери, какъ ухаживала она за заболѣвшей Танюшей, называя „дочуркой“.

И въ немъ шла борьба.

Въ своихъ рукахъ держалъ онъ ихъ счастье.

Одно слово... и впервые за шесть лѣтъ безпросвѣтная жизнь расцвѣтится радостью — осмыслится надеждой. Неужели онъ не скажетъ этого слова? Чего онъ боится?

Было бы жестоко такъ уйти... Не надо только открывать себя.

Она тяжело поднялась со стула и вытеревъ слезы, пошла къ столику, на которомъ стоялъ примусъ. Сергѣй Павловичъ мрачно шагаль, заложивъ руки за спину, ушедшій въ думы.

Андрей рѣшительно поднялся.

— Елена Петровна... — голосъ дрогнулъ и оборвался.

Она испуганно обернулась; замеръ на полушагѣ Сергѣй Павловичъ.

— Елена Петровна... Только не спрашивайте меня... какъ и почему... — волнуясь проговорилъ Андрей. — И помните... одно ваше неосторожное слово... можетъ погубить многихъ... и многое...

— Голубчикъ...

Бросилась, схватила за руку, вся дрожа.

— Голубчикъ... прерывисто зашептала въ смутномъ предчувствіи неожиданнаго, быть можетъ, страшнаго...

— Неужели вы можете предполагать... Шестнадцать среди проклятыхъ враговъ... Мысли научились прятать...

Блѣдный, какъ полотно, нотаріусъ подошелъ вплотную и жестомъ остановилъ жену не имѣя силъ сказать.

— Лаврикъ живъ.

— Живъ!... — вскрикнули оба.

— Живъ, здоровъ, живетъ во Франціи, работаетъ на заводѣ Рено.

— Пресвятая Владычица, благодарю Тебя... — закрестилась, поднявъ глаза къ образу. — Родной... какъ благодарить васъ... Сергунечка... живъ мальчикъ нашъ... единственный... солнышко наше... сохранилъ Господь...

Обхвативъ мужа и плакала, и судорожно смѣялась, прижавшись головой къ его плечу.

Сергѣй Павловичъ посадилъ ее на стулъ. Дрожащей рукой взялъ графинъ, проливая воду мимо стакана.

— Ну вотъ! Горе — слезы, радость — слезы. Пей, мать.

Не замѣчалъ, какъ слезы катились и по его лицу.

— Какъ только вошла... и увидѣла... кольнуло сердце... Почувствовала, что не просто зашелъ...—

стуча зубами о край стакана, говорила Елена Петровна.

Сергѣй Павловичъ благодушно разсмѣялся.

— То то сразу окрысилась и выставить хотѣла.

Крѣпко пожалъ руку Андрею.

— Спасибо, спасибо, къ жизни вернули. Такъ вы говорите во Франціи? На заводѣ Рено?

— Да. Здоровъ, бодръ, недурно зарабатываетъ.

— Какое же онъ мѣсто занимаетъ?

— Работаетъ простымъ рабочимъ.

Растерянно переглянулись.

— Простымъ рабочимъ! Боже мой, Боже мой, страдалецъ нашъ... До чего дойти! Рабочимъ! — ужасалась Елена Петровна.

— Перемѣнился, должно быть? Не узнать.

Засыпали вопросами. Какъ страшную сказку слушали сжатый разговоръ Андрея о томъ, что пришлось пережить, что переживалось.

— Великомученики!.. А эти проклятые пишутъ въ своихъ газетахъ — шампанскимъ заливаются, развратничаютъ, оттого и гонятъ отовсюду — негодовала Елена Петровна.

— Кто же имъ вѣрить? Ничего, мать, физическій трудъ закаляетъ, — успокаивалъ Сергѣй Павловичъ. — Вы его когда видѣли въ послѣдній разъ?

— Годъ назадъ, но все время переписывался — добавилъ Андрей, увидя разочарованіе на ихъ лицахъ. — Часто вспоминаетъ о васъ, беспокоится — уцѣлѣли ли.

— Слышишь, Сергунька, беспокоится. Сейчасъ же надо написать. Вы намъ дадите его адресъ.

— Адресъ я вамъ запишу, но писать отсюда не совѣтую, — сказалъ Андрей.

— Да, писать нельзя, — живо согласился Сергѣй Павловичъ.

— Надо же успокоить мальчика, — волновалась Елена Петровна.

— Черезъ мѣсяца полтора онъ получить отъ васъ свѣдѣнія. Это я беру на себя.

— Великолѣпно, расчудесно.

Сергѣй Павловичъ возбужденно прошелся по комнатѣ и обнялъ за плечи жену.

— Что, старуха, правъ я былъ не уѣзжая отсюда? А вѣдь тупой пилой пилила. Послушался бы тебя, можетъ быть, такъ и не узнали бы про Лаврика. А теперь и библіотеки не жалко. Все, что не удастся продать — бросимъ, переѣдемъ въ другой городъ, а оттуда — къ нему.

— Сергунька!.. Неужели увидимъ нашего мальчика! Господи, думали ли мы сегодня утромъ, что такая радость придетъ. Только не откладывай надолго. Съ завтрашняго же дня начнемъ.

— Распродавать надо полегонечку, чтобы деньжатъ побольше собрать. Лаврику самому не легко, а тутъ мы еще ему на шею сядемъ. Я и книги въ ходъ пушу. Тутъ одинъ грекъ давно уговариваетъ нѣкоторые экземпляры ему продать, можно будетъ хорошую цѣну взять.

— Какъ же?.. Ты же хранителемъ ихъ назначенъ? Узнаютъ, арестуютъ.

— Они въ книгахъ столько же понимаютъ, какъ и въ апельсинахъ. Ты, матушка, этотъ вопросъ мнѣ предоставь, лучше гостя дорогого угощай, кофе давно кипитъ. И все, что есть, тащи; ликерчика достань, выпьемъ за здоровье Лаврика. У меня юридическая библіотека, пожалуй, первая въ Россіи, — со свѣтлой улыбкой обратился онъ къ Андрею. — Всю жизнь собиралъ. Въ первые мѣсяцы революціи жена покою не давала. „Переѣдемъ въ другой городъ, гдѣ насъ никто не знаетъ“, а мнѣ книги жаль было бросать. Пришли насъ перетряхивать и уплотнять, увидѣли библіотеку и ахнули. „Национализировать, а въ комнатѣ пролетарія поселить“. А у меня уже жилъ коммунистъ, бывший офицеръ, еще въ царское время эмигрировавшій за границу, какъ политическій. Большую роль у нихъ играетъ. Я къ нему. Вы вѣдь, говорю,

культурный человекъ, какъ же такую цѣнность раззорять. Растащутъ, вѣдь. Книги на трехъ языкахъ, въ цѣлой Россіи такихъ не сыщите. Отстоялъ. Сдѣлали меня хранителемъ библіотеки, считаюсь совслужащимъ, за совѣтами обращаются. Ну, теперь все по иному пойдетъ.

— У меня такое чувство точно самъ Лаврикъ здѣсь, — говорила Елена Петровна, подкладывая на тарелку Андрея.

Опять начались разпросы. Глаза сіяли, оба помолодѣли.

— Теперь спрашивайте вы, о чемъ вамъ хотѣлось бы узнать, — предложилъ Сергѣй Павловичъ, когда Андрей кончилъ про Лаврика.

— Прежде всего о Татьянѣ Андреевнѣ.

— Ея судьба очень печальна. Буквально все имущество конфисковано. Изъ дому выбросили, да она и сама, положимъ, не могла бы въ немъ жить послѣ ужаснаго убійства отца. Службы не даютъ и теперь, но сейчасъ она кое какъ прирабатываетъ, а первое время, — вѣдь шестнадцать лѣтъ дѣвчуркѣ было, — если бы не мы и еще кое кто изъ прежнихъ, — умерла бы съ голоду.

— Она здѣсь?

— Да. На Мышицкой живетъ, совсѣмъ на выѣздѣ, гдѣ огороды начинаются, въ заброшенной хатенкѣ. Беретъ вещи на продажу, бѣгаетъ по базарамъ. Измѣнилась, разумѣется, страшно, живетъ впроголодь. Хорошая, цѣльная дѣвушка. Вы Наденьку Воробьеву знали? Отецъ — товарищемъ прокурора былъ?

У Андрея дрогнула рука, чуть не выронилъ чашку съ кофе.

— Припоминаю.

— Невѣстой Андреечки считалась. Ужъ такая любовь была, съ ума сходила, когда онъ на войну пошелъ. И вотъ подите-жъ. Мать ея умерла отъ тифа въ первые мѣсяцы революціи. Самъ Воробьевъ застрѣлился. Его, какъ судейскаго, затаскали по чека и наконецъ нервы не выдержали. Тоже

осталась одна. Записалась въ партію, а вѣдь старше Танюши на два года. За хорошенькое личико попала въ секретарши къ предсѣдателю чека — и теперь живетъ съ нимъ. Галичанинъ. Красивый малый.

— Что „живетъ“ съ нимъ — утверждать нельзя. Мало ли что говорятъ — перебилъ Сергѣй Павловичъ.

— Словомъ, вернули ей домъ, всѣ вещи, получаетъ прекрасное жалованье, держитъ прислугу — живетъ, какъ жила раньше. И мы съ тобой не разъ видѣли ее въ автомобилѣ съ Ярославскимъ. Услышала, очевидно, о положеніи Танюши, — подружки вѣдь были, — можетъ и Андреечку вспомнила и прислала ей письмо. Предлагала жить у нея на полномъ содержаніи въ качествѣ уже своей секретарши. Танюша прочла, не зная отъ кого, это при мнѣ было, какая то женщина принесла — и вернула назадъ, — передайте, говорить, что подъ заборомъ умру, но отъ нея помощи не приму.

— Да, превосходная дѣвушка. Но не отъ міра сего, фантазерка!

Сергѣй Павловичъ мягко улыбнулся.

— Въ скитъ забраться мечтаетъ. Уговаривала какъ то жену пѣшкомъ къ Серафиму Саровскому пойти. Это отсюда то...

— Рѣзникъ какую роль играетъ? — спросилъ Андрей.

— Предсѣдатель Губисполкома. Сестрица завѣдуетъ проскультомъ, въ ея рукахъ агитотдѣлъ. Аристократы, не иначе какъ въ автомобилѣ. При ней секретарствуетъ Федька, теперь — товарищ Шаповаловъ. Вотъ еще, простите, сволочь. Служилъ раніе помощникомъ письмоводителя у земскаго начальника, потомъ въ Губернскую земскую управу писцомъ перебрался. Когда пришли большевики, этотъ мерзавецъ водилъ ихъ и указывалъ буржуевъ. Зналъ вѣдь всѣхъ. Показалъ гдѣ спрятался предсѣдатель губернской земской управы

Говоровъ и когда того арестовывали, нѣсколько разъ ударилъ старика по лицу.

Андрей всталъ.

— Сергѣй Павловичъ, не размѣняете ли вы мнѣ тридцать долларовъ. Страннику ходить мѣнять неудобно, да и не знаю къ кому.

— Понятно, понятно. У меня лично нѣтъ, но тутъ черезъ улицу человѣчекъ живетъ... Сію минуту.

Получивъ деньги Андрей попросилъ конвертъ и бумагу, набросалъ нѣсколько строкъ и сталъ прощаться.

— Заходите, вы — всегда дорогой гость — ласково просила Елена Петровна. — То, что вы сдѣлали для насъ — незабываемо. Только, съ чернаго хода идите, съ переулочка не такъ замѣтно.

— Спасибо. А теперь объясните, какъ пройти къ Татьянѣ Андреевнѣ.

— Ой знаете, трудно объяснить. Запутаетесь. Вотъ что. Я васъ выпущу чернымъ ходомъ и вы этимъ переулкомъ и идите все прямо. Черезъ нѣсколько минутъ я васъ обгоню, за мной и пойдете.

— Вѣчный должникъ, вѣчный — долго жалъ руку Сергѣй Павловичъ, смотря на Андрея сіяющими глазами. — И всегда къ услугамъ, нужны справки какія нибудь, безъ церемоніи заходите и будьте совершенно спокойны за насъ. Ни звукомъ, ни жестомъ не обнаружимъ нашего счастья.

Но Андрея все же грызло опасеніе.

Сознательно, конечно, не выдадутъ. Старикъ выдержанный, онъ и не проболтается, а вотъ она?.. Подѣлится радостью съ пріятельницами туманными намеками...

Осторожно отдѣлилъ половину денегъ, вложилъ въ конвертъ и заклеилъ.

— Что-жъ, однако, Елена Петровна не идетъ?

И вдругъ увидѣлъ ее, дѣловито шагавшую впереди съ какимъ то саквояжикомъ въ рукѣ.

Молодецъ! Прошла даже для меня незамѣтно.

Идетъ, не оглядываясь. Научили красные конспираціи. Кажется, и за нее могу быть покоенъ.

Больнымъ зубомъ щемила новость о Наденькѣ. Первая юношеская любовь, красивая, чистая... Не пугала разлука, вѣрилось, черезъ всю жизнь пронесутъ. Безстрашно шелъ въ бои, ея образокъ-охранитель и теперь на груди.

— Ты не забудь, не промѣняй, — а для моей любви нѣтъ сроковъ, Андреечка.

Все проглотилъ кроваво-грязный туманъ. Не стоитъ вспоминать.

Наползала жара, итти было неудобно. Чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ больше выступали слѣды разрушенія. Выбитые троттуары, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, посрединѣ, ямки. Постоянно приходилось обходить кучи мусора выброшеннаго со дворовъ. Заборы сплошь разобраны; кое гдѣ маячатъ столбы, очевидно глубоко врытые. Крыльца съ поломанными перилами, сгнили, провалились ступеньки. И всюду черныя, зіяющія впадины въ оконныхъ рамахъ, кое гдѣ заткнутыя грязнымъ тряпьемъ.

Кривая улочка обрывалась пустыми двориками, заросшими лопухомъ и чертополохомъ, въ глубинѣ которыхъ валились состарившіеся домишки. За ними — загаженные пустыри, прорѣзанные огородными грядами.

Елена Петровна остановилась у калитки державшейся на одной петлѣ, внимательно порылась въ саквояжикѣ, чего то ища. Не обернувшись на подходившаго Андрея, перешла на другую сторону и также дѣловито зашагала обратно.

Андрей вошелъ въ калитку.

Около домишка женщина стирала бѣлье въ узкомъ корытѣ, стоявшемъ на двухъ табуреткахъ. Нѣсколько штукъ безпомощно болталось на веревкѣ.

Захлебнулся волненіемъ.

Худенькая, согнувшаяся надъ корытомъ фигурка. Низко спустился небрежный узелъ волосъ надъ загорѣлой шеей, напряжились отъ усилій жилы тонкихъ, точеныхъ рукъ. Лица не видно.

Свисла золотисто русая прядка на щеку, пушисто треплется отъ движеній.

Неужели Танюша?.. Единственная сестренка, общая баловница и любимица, колокольчикомъ оживлявшая родную усадьбу.

— Богъ въ помочь, голубка.

Подняла голову, отбросила полусогнутымъ локтемъ мѣшавшую прядку и сѣро-голубые глаза, когда то искрящіеся смѣхомъ, устало взглянули.

— Испугаль, дѣдушка; такъ тихо подошелъ. Спасибо.

— Свое стираешь?

— Чужое, сосѣди принесли. Своего и стирать нечего.

Опять согнулась надъ корытомъ.

— Хорошо, штоль, платять?

— Хлѣбомъ беру печенымъ.

— Одна живешь?

— Я въ цѣломъ свѣтѣ одна, дѣдушка. У меня никого нѣтъ.

Трогательный, чуть прерывистый голосокъ рѣжущей тоской отозвался въ груди брата. Онъ присѣлъ на приступокъ подъ окномъ и оглянулъ вокругъ.

Ветхо. Вотъ вотъ разсыпется все. Просвѣчиваетъ свисшая на одну сторону крыша, въ щеляхъ низенькая, беззащитная дверь. Представились длинные зимніе вечера; темныя, какъ грѣхъ, ночи гудящія снѣжными вьюгами. Что она дѣлаетъ ями, одна, по сосѣдству со страшными пустырями? О чемъ думаетъ, маленькій, затравленный звѣрекъ?

И почувствовалъ себя преступникомъ. Никогда не задумывался „тамъ“, что она дѣлаетъ, какъ живетъ.

— Ты не здѣшній, дѣдушка? Никогда тебя не встрѣчала здѣсь.

— Нѣтъ.

— Откуда ты?

— Издалека.

Андрей отвѣчалъ, борясь съ клубкомъ подступавшихъ слезъ.

— Не боишься ты здѣсь одна? Зачѣмъ ты поселилась въ такой глуши?

— Не пускалъ никто первое время, боялись... А теперь я привыкла... Платить не надо, а у меня заработки плохіе.

— Развѣ ты не могла бы дѣтей обучать?

Танюша разсмѣлась.

— Дѣдушка, кто же меня возьметъ, такую оборванку, къ дѣтямъ? Вѣдь учительницъ берутъ только богатые люди.

Равнодушно, безъ горечи сказала, точно и не было никогда другой жизни, всегда торговала чужимъ старьемъ, стирала чужое бѣлье. И каждый день проходитъ мимо „своего“ дома, видитъ въ немъ лица чужихъ грубой силой ворвавшихся, ограбившихъ, и выгнавшихъ изъ родной кровли!

Андрею хотѣлось закричать отъ боли.

Какую нелѣпо-жестокую сказку рассказываетъ жизнь людямъ лишеннымъ воли къ борьбѣ.

Танюша развѣсила остатки бѣлья, вылила воду наклонивъ корыто и привычнымъ движеніемъ обхватила его, сясь поднять.

Андрей быстро подошелъ и отстранилъ ее.

— Куда поставить? Я отнесу.

— Что ты, дѣдушка! Ты старенькій, тебѣ тяжело, а я привыкла.

— Пусти, пусти. Въ избу?

Поднявъ корыто, внесъ въ низкую, полутемную комнатушку и прислонилъ къ стѣнѣ.

Противъ входа — импровизированная кровать изъ досокъ поставленныхъ на два ящика; некрашеный столъ у окна; тазъ съ выбитой эмалью — въ углу. На сложенной изъ кирпичей печуркѣ — жестяной чайникъ и кастрюлька.

Танюша вытерла табуретки и внесла въ комнату.

— Садись, отдохни.

Съла сама, облокотившись лицомъ о скрепленные на столѣ руки.

Только теперь могъ разсмотрѣть блѣдное личико, такое худое, что длиннымъ казался тонкій, съ едва замѣтной горбинкой носъ.

Какъ она разительно напоминаетъ покойную мать въ послѣдніе дни болѣзни, подумалъ Андрей.

Прижать бы родную, горемычную головку, безъ слезъ выплакать душившую тяжесть, безъ словъ выпросить прощенье. Молодые, сильные, отдали на муки беззащитно слабыхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, и шесть лѣтъ, не шесть дней, сидѣли бездумно въ безопасности, ждали, чтобъ крикнулъ кто: „впередъ, на спасенье своихъ“.

— Откуда же ты, всетаки, дѣдушка? Изъ какого города?

— Много городовъ, голубка, исходилъ. Много еще исхожу.

— Это хорошо, все ходить и ходить... Легче, чѣмъ вотъ такъ жить... — медленно роняла слова. Тоскливыми, расширенными глазами смотрѣла сквозь него на что то грезившееся.

— А семья гдѣ твоя? Дѣти, внуки?

— Никого не осталось, одинъ я.

— Одинъ?

Танюша встрепенулась.

— Оставайся у меня жить, вѣдь ты уже старенькій, куда тебѣ ходить. Я буду за тобой ухаживать, постираю тебѣ, поштопаю. Придетъ зима, затоплю печку, будемъ сидѣть, грѣться и ты будешь рассказывать, что ты видѣлъ, когда по свѣту бродилъ.

— Нельзя, побуду здѣсь недолго и опять пойду.

— По обѣту?

— Да.

— Такъ возьми меня съ собой. Давно я мечтаю объ этомъ, да одной ходить — страшно. Страшно и съ чужими, люди злые теперь. А съ тобой пойду, у тебя лицо хорошее. Къ Серафиму

Саровскому пройдемъ, отъ него недалеко женская обитель есть, можетъ быть, я бѣ и осталась тамъ.

— Возьму, только не сейчасъ. Еще не время. По дѣлу я къ тебѣ зашелъ.

— Развѣ ты зналъ меня?

— Поручили мнѣ разыскать тебя.

— Кто же могъ поручить? Вѣдь у меня никого нѣтъ?

Онъ положилъ передъ ней конвертъ.

— Есть.

Нерѣшительно повертѣла въ рукахъ, вскрыла, волнуясь вытянула листокъ и испугалась выпавшей пачкѣ денегъ.

— Господи!.. Отъ кого это?..

Нѣсколько разъ пробѣгала строчки и все не могла охватить неожиданного.

„Танюша, родная! Я живъ, здоровъ, думаю о тебѣ. Скоро увидимся. Мужайся. Твой братъ Андреечка“.

Вдругъ вскрикнула. Соскользнула съ табуретки на колѣни и схватила руки Андрея.

— Дѣдушка... скажи мнѣ гдѣ онъ... родной... милый... скажи... я пѣшкомъ пойду къ нему.

— Нельзя... не время. Ни одна живая душа не должна знать.

— Не бойся... скажи... ради Господа... Неужели меня боишься?.. Развѣ бы я могла выдать его... Андреечку. Распинать будутъ, не скажу... — лепетала, прижимаясь губами къ его рукамъ, не имѣя силъ, отъ слезъ, поцѣловать.

Андрей глоталъ слезы, нервно глядя мягкіе, растрепавшіеся волосы.

— Ну, отведи самъ меня къ нему... Я не могу больше... одна... Я такъ... устала... такъ измучилась... Дѣдушка... пожалѣй же меня...

Онъ нѣжно поднялъ изступленно бившуюся головку.

— Когда будетъ можно, я опять приду и отведу тебя къ нему. Ты долго страдала, осталось немного потерпѣть.

— Можетъ быть, ты только успокаиваешь меня?.. Поклянись, что придешь. Поклянись... Пока думала, что его нѣтъ въ живыхъ — примирялась... а теперь... когда узнала... не буду жить... помни, дѣдушка... не будетъ силъ жить, если ты обманешь меня.

Андрей широко перекрестился.

— Клянусь, приду и возьму тебя отсюда. А теперь слушай, что просилъ передать тебѣ Андрей. На эти деньги, которые онъ прислалъ тебѣ, сейчасъ же найди комнату у мѣщанъ, которые тебя знаютъ и начини хорошо питаться, чтобы поправиться. Тебѣ понадобятся силы, мнѣ придется далеко вести тебя. Если ослабѣешь и свалишься, ты можешь не увидѣть его.

Танюша перестала плакать. Внимательно смотрѣла на него мокрыми, печальными глазами.

— Хорошо, дѣдушка, сдѣлаю, все сдѣлаю. Скоро это будетъ?

Судорожно всхлипнула, какъ бывало въ дѣтствѣ.

— Скоро.

— Куда мнѣ сообщить тебѣ мой новый адресъ?

— Объ этомъ не безпокойся, я самъ буду знать. Теперь дай письмо, его надо уничтожить.

— Я сама.

Поднялась, поцѣловала дорогія строки и, вложивъ въ печурку, подожгла.

— Мнѣ пора уходить, а ты купи себѣ чего нибудь на обѣдъ и сейчасъ же принимайся искать комнату, онъ не хочетъ, чтобы ты жила въ глухомъ, безлюдномъ мѣстѣ. Приодѣнься и бодрись. Теперь ты не одна, у тебя есть братъ и другъ. Меня не провожай.

Поцѣловавъ ее въ лобъ, перекрестилъ и пошелъ, чувствуя провожающій взглядъ милыхъ, недоумѣнныхъ глазъ.

Пробирался окольными улицами, высматривая, гдѣ бы снять комнату и неожиданно наткнулся на маленькій базаръ. Нѣсколько женщинъ сидѣли на

землѣ, выставивъ впереди себя корзины съ вареными яйцами, пирожками изъ ржаной муки и малороссійской колбасой. Купилъ припасовъ, хотѣлъ разспросить о квартирѣ, но какое то внутреннее чувство остановило.

Въ семьѣ — нельзя, — думалъ онъ, бредя дальше. Надо что нибудь отдѣльное, вродѣ Танюшиной хатки. Перейти туда?.. Въ случаѣ неудачи подозрѣніе падетъ и на нее. Придется поискать на берегу, тамъ были такія рыбалки, вдали отъ города даже лучше.

Сверкнула неожиданная мысль и въ первую минуту испугала смѣлостью. Андрей даже остановился.

— Почему не попытаться? Наши революціонеры устраивались именно такъ и чувствовали себя въ безопасности. Никому и въ голову не приходило заподозрить. — И онъ рѣшительно сталъ прорѣзать улицы. Остановился у небольшого, чистенькаго особняка и вошелъ во дворъ.

Все по прежнему: время остановилось здѣсь. Чуть почернѣли развѣ сараи и постарѣлъ отбѣжавшій вправо погребокъ, упиравшійся задней стѣной въ заборъ фруктоваго сада, а правой въ рѣзную изгородь цвѣтника, пестро выбѣгавшаго къ широкой верандѣ. Пусто во дворѣ. Только изъ открытой кухонной двери доносится раздраженный, женскій голосъ.

Перегнувшись черезъ изгородь, заглянулъ на веранду.

Въ качалкѣ, прислонившись головой къ спинкѣ, женщина въ бѣломъ. Почему то испугался и отшатнулся, но быстро справился съ собой, толкнулъ калитку и мягко ступая между разбросанными куртинами подошелъ къ верандѣ.

Женщина не шевельнулась. Сидѣла съ закрытыми глазами, уронивъ бѣлая, обнаженные руки на раскрытую на колѣняхъ книгу.

Колыхались листья тонкаго дерева сирени сбоку, солнечные зайчики бѣгали по завитымъ въ

затѣйливой прическѣ волосамъ съ бронзовымъ отливомъ. И уже совсѣмъ спокойно всматривался Андрей въ чужое, пополнѣвшее, подрисованное лицо, съ кроваво подчеркнутыми пухлыми губами.

Никогда бѣ не узналъ встрѣтивъ на улицѣ.

Будто нечаянно стукнулъ палкой о ступеньку веранды.

Она вздрогнула и открыла золотисто-коричневые глаза.

— Что тебѣ? Зачѣмъ сюда влѣзъ? Не могъ на кухню зайти? — раздраженно прикрикнула.

— Зачѣмъ мнѣ на кухню? Я къ тебѣ пришелъ.

— Тысячи разъ говорила, что по дѣламъ — дома не принимаю. Въ канцелярію шляетесь, кающіе, и здѣсь покою не даете. Ступай. Завтра, нѣтъ, послѣ завтра, въ понедѣльникъ, — завтра день отдыха, — къ девяти приходи въ канцелярію. Ступай, ступай! Ничего слушать не буду.

— Не для чего мнѣ по канцеляріямъ шататься. Повидать тебя пришелъ. Давно не видалъ. Измѣнилась ты, матушка барышня, дюже измѣнилась и не признать. Въ саду у васъ когда то работалъ, вотъ и зашелъ, — медленно, точно подбирая слова, говорилъ Андрей.

Она широко зѣвнула пряча въ ладоняхъ лицо и неожиданно разсмѣялась, взглянувъ сквозь пальцы. Изъ лукаво заискрившихся глазъ на него смотрѣла прежняя Наденька.

— И все ты врешь. Никогда ты у насъ не служилъ и меня раньше не зналъ. Все это сейчасъ придумалъ. Говоришь и придумываешь, и самъ не знаешь, какъ кончить. — Опять засмѣялась. — Изолгались и старые, и малые, въ родственники полѣзутъ, чтобъ своего добиться. Ладно ужъ, валяй, что надо? Денегъ? Хлѣба?

— Зачѣмъ мнѣ лгать на старости лѣтъ? И съ молоду этимъ не занимался. Все вамъ могу рассказать, какъ и что у васъ въ саду расположено. Маменьку вашу зналъ, папашу...

— Что ты у насъ дѣлалъ? — быстро перебила.

— А все... Кусты стригъ, деревья обмазывалъ и обрѣзалъ, за дорожками слѣдилъ.

— Былъ у насъ такой старичекъ садовникъ, послѣ революціи куда то сбѣжалъ, только какъ будто не похожъ на тебя былъ. Меньше ростомъ онъ мнѣ казался. Или ты выросъ такъ за революцію, дѣдъ?

— Копаюсь, бывало, по своимъ дѣламъ въ саду, а вы съ Андрей Андреевичемъ по дорожкамъ разгуливаете, щебечете, какъ ласточки, — продолжалъ Андрей не отвѣчая на насмѣшку. — А то въ бесѣдку заберетесь, смѣтаетесь, шутите, а то поете. Складно выходило. Слушаю это и думаю, красивая парочка, самимъ Богомъ другъ дружкѣ назначена.

Закинула руки за голову, смотрѣла на тихо шелестѣвшіе листья.

— Самимъ Богомъ? А ты и теперь еще вѣришь въ Него? Спитъ дряхлый Богъ, ослѣпъ и оглохъ. Не видитъ ничего и не слышитъ.

— Какъ убивались, какъ на войну пошелъ... Боже мой, плакали.

Постарѣло лицо отъ опустившихся сразу угловъ рта. Тоненькая складочка прорѣзала напудренный лобъ.

— Ну, ладно, доказалъ, — перебила усталымъ голосомъ. — Неужели только повидать меня пришелъ? Говори, если есть какаянибудь просьба.

— Видишь, пришелъ сюда помирать, а приткнуться негдѣ. Одинъ, вѣдь, какъ перстъ. Банька въ вашемъ саду въ концѣ стояла. Не нужна, небось, тебѣ теперь, вотъ и дозволю въ ней поселиться. Отслужу, чѣмъ могу. Опять за садомъ буду приглядывать, пошлешь куда, — схожу.

— Хорошо, если не развалилась, я давно тамъ не была. Живи.

— Вотъ спасибочка. И калиточка тамъ на другую улочку есть, никого и безпокоить не буду. Когда приду, когда уйду и не увидишь. Когда жъ согласишься селиться?

— Когда хочешь, перетаскивайся хоть сейчасъ.

— Миѣ недолго. Какія у меня вещи, — весь я тутъ. Можно пойтить скрозь цвѣтникъ?

— Иди.

Посидѣла и спустившись въ цвѣтникъ подошла къ балюстрадѣ и застыла, облокотившись грудью. Въ садѣ смотрѣла, старый садъ, въ который ни разу не заглянула за послѣдніе годы.

Съ дѣтства знакомыя деревья шумѣли о томъ, что надо было забыть, что, казалось, уснуло. Разбудилъ старикъ.

Медленно двинулась, повинуваясь тоскливо грозному, что жило глубоко на днѣ души и чего смутно боялась. Сдѣлала два шага за калитку и остановилась, охваченная тѣмъ мистическимъ жуткимъ, какое испытывала бывало въ дѣтствѣ, забѣжавъ на старое, заброшенное кладбище.

Широко раскинули вѣтви постарѣвшія деревья, заграждая проходъ. Выбросили дички свѣчками торчавшіе кверху; глубокими морщинами потрескалась кора, кое гдѣ пятнившаяся прежней обмазкой. Высокая трава, толстая, яркая беззапретно захватила садъ. Тянется къ вѣткамъ яблонь и грушъ, перерастаетъ кусты крыжовника и малины, прячетъ дорожки. Кое гдѣ сквозятъ бѣлыя и розовыя пуховки одичавшаго клевера.

И пусть зарастаетъ, пусть, — думала упрямо и злобно.

Сѣрая свитка мелькнула у присѣвшей на отдыхъ къ землѣ небольшой банькѣ.

Славный старикъ. Забавный, прямой. Пусть себѣ живетъ. Надо будетъ сказать кровать поставить, столикъ, табуретку.

Вдругъ показалось, что пріѣхалъ кто то родной, долго жданный, о комъ надо будетъ заботиться и потеплѣло на душѣ.

Одна вѣдь, въ концѣ концовъ. Со своими порвала, — какъ отъ чумы отшатнулись, къ этимъ не пристала, не могла пристать душой. Теперь будетъ свой человѣкъ. Приду, сяду на траву и буду говорить, когда станетъ думать страшно.

Безотчетно, по дѣтски потянуло къ нему и стала пробираться по цѣпляющейся за высокіе каблуки травѣ, стараясь не смотрѣть направо, гдѣ сквозила просвѣтами ажурная бесѣдка, въ которой застрѣлился отецъ.

Андрей вышелъ изъ баньки, пригнувъ голову, чтобы не удариться о низкую притолку.

— Ну, что, можно жить? — спросила Наденька.

— Будемъ жить, мы народъ привычный, — весело отвѣтилъ Андрей, довольный, что все идетъ такъ удачно.

— Кровать скажу тебѣ поставить, еще кое что...

— Безъ надобности. Все тамъ есть: полки то какія!.. Я на этихъ кроватяхъ и спать то не умѣю, и пушай сюды чужой глазъ не заглядываетъ. Теперь, все по модному, а я — по старинкѣ, передѣлываться то поздно. Образокъ повѣшу, а они повадятся бѣгать ко мнѣ и смѣяться почнутъ.

— И молиться будешь? — задумчиво спросила Наденька, глядя въ пространство.

— А какъ-же.

— За живыхъ... и... за мертвыхъ?

— За всѣхъ, въ комъ душа христіанская. Ну, матушка-барышня, я пойду.

Повѣсилъ колодку на дверь. Старческой походкой побрелъ, черезъ калитку пустынной, узкой улочкой среди заборовъ прятавшихъ сады, къ рѣкѣ.

Сонной черепахой ползло время. Дмитрій еще разъ промылъ ногу и обвязалъ носовымъ платкомъ, который неожиданно для себя нашелъ въ торбѣ и легъ, положивъ подъ голову мѣшокъ.

Подремать, чтобы скорѣе проходило время.

Мѣшало безпокойное ожиданіе чего то, что можетъ произойти каждую минуту. Такое чувство испытывалъ бывало на передовыхъ позиціяхъ. Лежалъ, смотрѣлъ какъ рябилась солнечными бликами рѣка. Рябились мысли въ головѣ, разгоняя дремоту.

Зазвенѣли невдалекѣ голоса. Стая босоногихъ мальчишекъ пришла купаться. Долго плескались, барахтались, кувыркались.

Заливчатымъ смѣхомъ, всплесками криковъ дрожала рѣка. Ушли... Снова дремотно смолкла.

Обжигало солнце. Перетащилъ мѣшокъ выше, къ каменному забору отбрасывавшему короткую, черную тѣнь и улегся спиной къ солнцу, ковыряя отъ скуки палочкой известку, скрѣплявшую плиты.

Будетъ теперь бродить до вечера, разыскивая знакомыхъ, а ты тутъ лежи, думалъ досадно.

Отскочившая пылинка запорошила глазъ. Протеръ, закрылъ глаза и увидѣлъ себя въ Бѣлградской парикмахерской, гдѣ работалъ примеромъ.

Вечеръ. Укладываетъ въ коробку принадлежности грима, торопится, надо бѣжать въ театръ, а не можетъ найти нужного треса. Мечется, открываетъ всѣ ящики. Электрическая лампа слѣпить глаза и почему то больно ломить шею. И вдругъ очутился въ театральной уборной. Слышно, какъ по корридору, за дверью, торопливо пробѣгаютъ. Гремятъ подъемныя машины... устанавливаютъ декораций... Кого то ругаетъ по сербски декораторъ, а онъ накладываетъ грунтъ на лицо премьера. Но это вовсе не премьеръ, а Андрей.

— Носъ сдѣлай такой какъ у него и не возись такъ, опоздаемъ — нетерпѣливо говоритъ Андрей.

Онъ оборачивается и видитъ высокаго блондина съ остроконечной бородкой.

Какой странный носъ, кривой, что ли, надо разсмотрѣть, — думаетъ.

Но важная, полная дама, вся окутанная широкой черной вуалью, покрываетъ однимъ концомъ ея блондина и онъ таетъ.

— Бѣжимъ... бѣжимъ... — кричитъ Андрей и тянетъ его за руку. — Сейчасъ насъ арестуютъ...

Дмитрій испуганно сѣлъ и, жмурясь отъ солнца, сталъ растирать отекающую отъ неудобнаго положенія шею.

— Ну, братъ, и здоровъ же ты спать! — смѣлся Андрей. — Не только твой мѣшокъ, самого могли на рукахъ перенести и бросить въ воду.

— Заснешь, — прожарившись двѣнадцать часовъ. Снизу печетъ, сверху печетъ, какъ въ духовкѣ. Самъ — прогуливаешься, а ты тутъ сиди и Тетеревъ стереги.

— Не ворчи, старина, за то дѣло сдѣлалъ.

Глаза Андрея искрились довольствомъ.

— Кремль занялъ? Сіяешь, какъ вычищенный самоваръ, — бурчалъ недовольный Дмитрій.

— Слѣземъ ка пониже. Тутъ и у заборовъ уши, а ты со злости орешь граммофономъ.

Опять сѣли у рѣки.

— Знаешь, у кого квартиру снялъ? Особнякъ, отдѣльный выходъ. Держись за песокъ. У предсѣда-те-ля чеки.

— Ты въ ресторанъ не заходилъ освѣжиться?

— Не у него самого, конечно, а у его дамы сердца. Это еще лучше; будемъ знать, когда онъ личными дѣлами занятъ. Нѣтъ ты оцѣни! Ни одинъ чертъ не заподозритъ и не посмѣетъ съ обыскомъ полѣзть и информация изъ первыхъ рукъ. Правду говорятъ, — въ родномъ мѣстѣ углы помогаютъ.

Андрей подробно рассказалъ обо всемъ, умолчавъ лишь о былой близости къ Наденькѣ. Мѣшало мужское самолюбіе.

— Черезъ часокъ я туда пойду, приберу кое что, а ты — въ сумерки, чтобъ не обращать на себя вниманія. Тутъ совсѣмъ недалеко.

Сталъ чертить на пескѣ, объясняя, какъ пройти.

— Понялъ?

— Ну, разумѣется. Но, по моему, именно теперь надо итти, пока жара. Всѣ, — или на службѣ, или по домамъ. А къ вечеру жара спадетъ, и по-высыпятъ, тѣмъ болѣе, сегодня суббота.

— Правильно. Тогда я сейчасъ иду, а ты немного позже. Не сбейся же, чтобъ не спрашивать дороги; ни одинъ человѣкъ не долженъ подозрѣвать...

— А ну, не учи, — съ досадой перебилъ Дмитрій. — Воображаешь, что великій конспираторъ. Иди уже, а то мнѣ осточертѣли и этотъ берегъ, и твой братикъ Тетеревъ.

Андрей ушелъ, а черезъ полчаса Дмитрій незамѣтно проскользнулъ въ баню мимо стоявшаго спиной къ двери Андрея и по мальчишески загудѣлъ шмелемъ. Тотъ удивленно оглянулся и тоже вошелъ, закрывъ дверь.

— Чего разыгрался, какъ приготовишка? Постыдился бы бороды своей сѣдой.

— Козломъ прыгать готовъ. Послѣ двухнедѣльнаго мыканья и свои хоромы обрѣли. Чайку на щепочкахъ вскипятимъ. Печка то, печка какая, — спать въ ней можно. — Умилялся, расхаживая по банѣ и осматриваясь. — Ахъ, чертъ... краиъ проведенъ! Комфортъ царскій. Нѣтъ, серьезно, мы здѣсь, какъ дома, — сказалъ, заглянувъ въ оконце — кругомъ садъ огороженный, визави — веранда совѣтской феи-охранительницы. И какъ тебѣ пришла дерзостная мысль сюда попроситься. Геній, а не собака.

— Откуда эта острота?

— Это у меня тетушка была и всѣмъ такъ представляла свою собаченку Строфку, которую она обожала и мы, бывало, если кого хвалили, всегда кричали: „геній, а не собака“. Обмоемся сейчасъ, снимемъ съ лица всю эту дрянь и будемъ спать, какъ человѣки.

Дмитрій снялъ свитку, двойной жилетъ и потянулся.

— Уфъ, разгрузился! Всю парикмахерскую таскалъ на себѣ.

Къ вечеру баня была прибрана. Въ предбанникѣ былъ устроенъ специальный уголокъ замаскированный полурассыпавшейся бочкой, куда долженъ былъ прятаться Дмитрій на случай чьего нибудь прихода.

Заперевъ дверь, заставивъ картономъ оконца,

пріатели съ наслажденіемъ плескались, обливая другъ друга.

Ночью того дня какъ былъ странникъ Рѣзникъ проснулся отъ стонѣвъ жены.

— Софочка, что съ тобой? — съ трудомъ проговорилъ онъ. Губы запеклись, ротъ точно заклеенъ пленкой отъ яичной скорлупы.

— Ой!.. ой!.. дай воды, Борисъ... Ой, плохо мнѣ.

Онъ тяжело приподнялся, зажегъ свѣчу, шатаясь подалъ воду и грузно опустился на подушки.

Боли не было, но какъ то мучительно томилось тѣло: напряжились на икрахъ вены, покалывало горячими иголочками, ломило затылокъ.

— Мнѣ тоже скверно!... Это все отъ гуся. Сколько разъ говорилъ, прямо таки некультурно вѣсть такое тяжелое на ночь.

— Ой, Боже мой, ты меня только раздражаешь. И приче́мъ тутъ гусь, я тебя не понимаю... Кажется не въ первый разъ... Довольно кушаемъ и на обѣдъ, и на ужинъ и были здоровы. Если бы гусь, болѣлъ бы желудокъ. А тутъ что то особенное... У меня все тянетъ изнутри... Ой... мамочки... ой...

— А я тебѣ говорю — гусь. Почему же и я заболѣлъ? У меня тоже тянетъ.

— Уже если ты разъ сказалъ, такъ развѣ тебя переспоришь...

— Попробуй немного заснуть, Софочка, завтра уже будетъ легче.

Но „завтра“ съ шести часовъ утра взволнованно суматошились въ особнякѣ. Стоны Софочки разносились по всему дому. Рѣзникъ тоже метался въ кровати. Собрались ближайшіе помощники; каждые полчаса кто нибудь мчался въ аптеку за новымъ препаратомъ. Растирали щетками сводившія судорогами икры. Докторъ сдѣлалъ анализъ остатковъ ужина, воды въ графинѣ, но ничего обнару-

жено не было. Положеніе ухудшалось, вызвали врачей изъ Шепетовки.

Примчавшійся автомобиль съ двумя докторами взбудоражилъ все мѣстечко. Около дома образовались кучки любопытствующихъ. Издали заглядывали въ окна, тревожно обсуждали неожиданную болѣзнь.

— Такіе люди... первые люди на свѣтѣ.

— Умирають и первые и послѣдніе. Что? Болѣзнь будетъ разбирать? Скажи лучше, молодые и здоровые. Было на что посмотреть, вѣдь это же кровь съ молокомъ.

— Вчера же только еще были здоровы, я была у Сары, а она зашла на кухню, такъ я не могла налюбоваться.

Заматавшійся фельдшеръ вышелъ покурить.

— Что у васъ слышно, товарищъ фельдшеръ — какъ больные? — набросились на него, окруживъ.

— Плохо! Положеніе безнадежное, — важно произнесъ высокій, угреватый парень, пуская клубы дыма въ придвинувшіяся фізіономіи. Когда то ротный фельдшеръ, онъ послѣ революціи былъ избранъ комитетомъ въ доктора и съ той поры на его визитныхъ карточкахъ значилось: „фельдшеръ медицины ученой степени. Специалистъ по всѣмъ болѣзнямъ“.

— Почему безнадежное?

— Какъ это? У обоихъ безнадежное? Съ чего это вышло?

— На тѣлѣ появились темно-багровыя пятна...

— Уй, пятна?... Какія пятна?... Испуганно перебила молоденькая еврейка.

Шша! — зашипѣли вокругъ. — Дай разсказать человѣку...

— Первый разъ слышишь это слово?

— Ей таки надо знать какія пятна. Что говорятъ доктора? Они же сдѣлали консилиумъ.

— Не могутъ опредѣлить болѣзни, діагнозъ не поставленъ.

— Какъ это можетъ быть, чтобы столько докторовъ не могли опредѣлить, они же на то учились.

— Учились! Всѣ мы спеціалисты учились. Станешь въ тупикъ если болѣзнь такая таинственная, что не случилось и встрѣчать.

Бросилъ окурокъ и скрылся за дверью.

— Таинственная?..

— И она, и онъ?.. Не тутъ будь сказано, можетъ зараза какая?..

Расходились испуганные страшнымъ словомъ. Оно перебрасывалось отъ одного къ другому, пугало неразгаданностью.

Шопотъ шелъ по хатенкамъ. У Ткачука — народу — не протолкнешься. Былъ и Левко пришедшій изъ Играчекъ.

— Чую собака гаукаетъ, — рассказывалъ Петро, возбужденный общимъ вниманіемъ, — я во дворъ, а хто съ бляцкае калиткой. Открылъ та мало не упавъ, такъ злякався. Стоять это два старца білесенькіе, а округъ головы якъ два місяца світится. Пустить переночувати, кажуть. Пустилъ, а у самого сердце тукъ, тукъ, тукъ, ажъ не передохнуть. Открылъ сарай, пішелъ до хаты и кажу жинце — охъ, якісь чудни старци, світятся, якъ свічка передъ образомъ, а вона каже, підемо подивимся, що вони тамъ роблять. Тихесенько къ сараю — сплять.

— Шо жъ ты у хату не впустивъ такихъ? — упрекнулъ кто то.

— Стойте жъ, люди. — И вдругъ раздражился. — Куды жъ у ту хату, на голову себѣ, чи що? Иду завтра съ огорода, вижу старецъ съ містичка къ намъ во дворъ повертае. Позабавився я мало у хати, жинка и каже: — зови, Петро, старцевъ пообідати. Пошелъ до сарая — никого не мае. Туды, сюды по двору шукаю, тай поднявъ голову кверху. А по надъ сараемъ облачко плыве, та світлое, світлое...

— Виткиля жъ они узялись?

— Це я послалъ, — выступилъ Левко, — а ко мні Трохимъ изъ Новоселокъ привезъ. А це ось якъ вийшло. Вийшелъ Трохимъ во дворъ до вітру, сонечко ще не вставало, тай заглянувъ за калитку, а вони якъ гриби передъ нимъ изъ подъ земли повиростали. Сталъ распранувати. Маємъ, кажуть, приказъ по святой землі ходити и треба имъ у Шепетовку. Передохнули у хати и Трохимъ ихъ на своей конякъ ко мні доставилъ. Якъ прощевались съ хозяйкой, казали — скоро усимъ сльозамъ конецъ.

— Такъ таки и буде, хиба можуть вікъ царствовати.

— Слушайте жъ. Прибегъ къ намъ на огородъ, такъ и такъ, каже, у васъ переночують и на Шепетовку поддадутся. Съли снідати и почалъ старшій проповідати. То, каже, сатана хоче Бога осилити, тай приказавъ своимъ слугамъ щобъ церкви поганили и чисто всіхъ хрещенихъ повирізали. А Господь приказывае, щобъ православни за віру святу вставали и ничого не боялися, бо Винъ Самъ буде помогати, а хто не захоче, та на ихъ сторону поддастся, то лучше бъ винъ не родився, каже, таки муки у пеклу приме.

Загудѣли, завздыхали. Многіе стали креститься.

— Вони и мени якісь чудно слово казали, якъ я имъ сталъ на Рѣзника жалитися, шо сгине скоро.

— Ось и сбувається свято слово.

— И ты бачивъ, якъ головы світилися.

— Не, брехать не буду, чого не бачивъ, того не бачивъ.

— Хиба жъ вони днемъ, при соничкі можуть світитися, то у мраку — пояснилъ кто то.

— Та я жъ его бачивъ, — радістно воскликнуль одинъ. — Проста свитка, лапотки якъ у насъ...

— Эге, эге... — въ голосъ подтвердили Климуь и Ткачукъ.

— Сива борода ажъ до пояса... Я съ базара шелъ, а вони коло дома Рѣзникова стояли.

Въ хату проталкивалась молодая баба.

— Чи не тутъ мой Мосей?

— Тутотка, — откликнулся басокъ.

— Чули, люди, помирае и Ризникъ и Ризничиха.

— О?..

— Стара Лепка тамъ була. Не мае спасенья, знаки, каже, по тілу черны пишли. Уси доктора позбиралися, кажутъ, таинственно що съ, николи и не бачили.

Сразу всѣ стихли. Долго стояли, раздумывая.

— У самое пекло підуть — первымъ забубнилъ дѣдъ Ивась и сталъ пробираться къ дверямъ. За нимъ начали выходить и остальные.

— Слава тобі Господи... Може и вправду прийде избавленье...

Шли разговоры и въ казармѣ.

Нѣсколько красноармейцевъ слышали слова фельдшера и передали товарищамъ. Это вызвало страстные споры.

— Брежутъ они, такъ ихъ и такъ, — сложно выругался солдатъ съ тупо жестокимъ лицомъ, — а еще дохтура называются! Ни черта не понимаютъ, даромъ хлѣбъ народный ѣдятъ, вотъ и наводятъ узоры, чтобъ себя прикрыть.

— Ежели ты спецъ, — все должонъ знать, всякую болѣзнь какъ по книгѣ прочитать.

— А ты, голова, прочитай, ежели, скажемъ, книга не буквами, а знаками какими таинственными написана. Спецъ то вѣдь не... — возражавшій запнулся. — Спецъ то тоже человекъ, а книгу то можетъ и самъ чортъ не читаетъ.

— Таинственная!.. Откуда такая явилась? Небось, раньше никакихъ таинственностей у болѣзняхъ не бывало. Сыпнякъ, воспа, или брюшной, дихтерить къ примѣру, каждый и зналъ, отъ чего умираетъ. А теперь, на кось — таинственная. Сволочи буржуазныя! Это они чтобъ смуту на людей наводить выдумали. На мушку бъ ихъ взять. При Николкѣ, небось, всякой болѣзни свое мѣсто давали.

— То раньше, таперичка то все по новому пошло, — закалъ медвѣдеобразный волжанинъ. — Таперичка то что ни годъ, то новости. То засуха поля повыѣдаетъ, то молоньи зимой. Этотъ годъ, въ самый сочельникъ, какъ блистала? На полъ неба! Когда это бывало? И сусликъ пошелъ, и волки, и эпидеміи разныя...

— Это правильно. — Сиплымъ теноркомъ поддержалъ тверской. — „Житомирскія Извѣстія“ вонъ пишутъ на Кавказѣ чума пошла. Можетъ и впрямь какая новая болѣсть открылась, сразу и не распознали. Опять же и мужъ и жана: оба то су-пруги одинъ отъ друга и позаразились.

— Такъ и скажи, новая, молъ. А они ишь какое слово пустили: „таинственная“. — Провокаціонное, людей чтобъ пугать.

Курносый блондинъ подошелъ къ угрюмо сидѣвшему въ сторонѣ товарищу, дежурившему вмѣстѣ съ нимъ въ день прихода Андрея.

— Слыхалъ? Помираетъ его превосходительство.

И показалъ бѣлые зубы.

— Во время старичишка свое важное дѣло доложилъ. Только бѣ на день опоздалъ и ушелъ бы съ пустымъ.

— А ты какъ понимаешь старика этого самого? — Поднялъ тотъ мрачные глаза.

— Да чего тутъ понимать? Повысохли отъ старости мозги и лепечетъ какъ малый ребенокъ.

Засмѣялся и вдругъ оробѣлъ отъ загадочнаго тона и пристальныхъ матово-черныхъ глазъ.

— А што? — спросилъ полушопотомъ.

— А то... Больно ужъ былъ смѣлъ, а значки то наши, небось, примѣтилъ. Силу, значить, за собой чувствовалъ и все ему нипочемъ. И дѣла то можетъ никакого не было, а такъ, придумалъ, чтобъ глаза развлечь. Утромъ пришелъ, а вечеромъ оба слегли, и три дохтура разгадать не могутъ.

— Ты думаешь, онъ?.. — испугался курносый, придвинувшись вплотную.

— Балда! Ты размекни. Пришелъ, поглядѣлъ, два слова сказалъ и ушелъ. А двое помирають, а доктора головы ломають. Слыхалъ — таинственная болѣсть. Значить и тотъ то не просто чело-вѣкъ былъ, а... тоже таинственный.

Пугало слово и, какъ будто, грозило. И чѣмъ больше сознавалось вины за собой, тѣмъ ожесточеннѣй возставали противъ него, тѣмъ крѣпче вѣрили.

Ночью умеръ Рѣзникъ, черезъ два часа и его жена.

Завилась надъ красными гробами легенда, закружила по деревнямъ, мѣняя причудливо фантастическіе узоры. Чернымъ туманомъ тяжелого предчувствія глушила однихъ, яркой радугой надежды бодрила другихъ.

Уже три дня жили въ банѣ. Андрей неудовлетворенный бродилъ по саду, грызла бездѣятельность. Потому ли, что первые дни проходили въ лихорадочной смѣнѣ впечатлѣній, возбужденной настороженности и все такъ неожиданно удачно складывалось, точно само шло навстрѣчу — пугали теперешніе, застывшіе въ покоѣ. Наблюдательный пунктъ — въ густой травѣ между разросшимся малинникомъ — уже выбранъ; какъ разъ противъ калиточки въ цвѣтникъ, но „информация изъ первыхъ рукъ“ — ускользала. Наденьку видѣлъ только разъ, на другой день какъ поселились. Появилась на минуту съ высокимъ блондиномъ во френчѣ, что то взяла со столика и ушла. Можетъ, это и былъ предсѣдатель чека, теперешній любовникъ. Даже лица не успѣлъ разсмотрѣть. Съ тѣхъ поръ нежилымъ смотреть домъ. Веранда пуста, дверь въ комнату закрыта. Странная здѣсь сложилась жизнь. Ни разу за три дня прислугу не видѣлъ, въ садъ никто не заглядываетъ. Боятся они, что ли? Или шатаются въ свободное время по ресторанамъ и кино?

Андрей вошелъ въ баню, гдѣ Дмитрій терпѣливо выводилъ печатныя буквы прокламацій, которыя они собирались разбросать передъ уходомъ.

— Рѣшилъ все таки пройти къ нотаріусу попросить раздобыть френчи, — сказалъ онъ.

— А если Рѣзникъ умеръ и разыскиваютъ странниковъ? — отвѣтилъ Дмитрій, не отрываясь отъ работы.

— Вотъ и узнаю. Нельзя же отсиживаться безъ конца, время идетъ, а мы ничего не приготовили для осуществленія. Безъ риска — далеко не уйдемъ.

— Газетку попроси.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какъ это мнѣ въ голову не пришло! Ты у меня здѣсь съ каждымъ днемъ умнѣешь. Запишись, на всякій случай.

И опять почти пустой смотрѣла главная улица; только въ кондитерской нѣсколько человѣкъ сидѣло за столиками.

Елена Петровна шила у открытаго окна. Проходя, Андрей закашлялся и свернулъ въ переулокъ. Замѣтила или нѣтъ?

Только взошелъ на ступеньки крыльца, дверь открылась.

— Здравствуйте, дорогой. Жаль Сергѣя Павловича нѣтъ, все книги свои устраиваетъ. Присаживайтесь. А у насъ великое событіе, слышали вѣрно? — вполголоса говорила Елена Петровна, близко подсѣвъ къ нему.

— Никуда не выходилъ эти дни и ничего не слышалъ.

— Братъ Рѣзника нашего умеръ, тотъ, что революцію въ Житомирѣ открылъ убійствомъ Оконскаго. Его собственныя слова, между прочимъ, онъ ставилъ это себѣ въ большую заслугу. Такъ вотъ и онъ, и его супруга неожиданно скончались, одновременно.

Андрей молчалъ.

— Толки по всему городу и радость необычайная. Власти выѣхали на торжественные похоро-

роны. Вы, вѣроятно, помните и одного, и другого, они часто болтались у Оконскихъ.

— Смутно. Якъ вамъ съ большой просьбой, — перевелъ Андрей разговоръ. — Мнѣ необходимо достать два полныхъ костюма, какіе носятъ ваши военныя власти, ну, хотя бы Ярославскій. Френчъ, продолженіе, обмотки и даже штиблеты. Нельзя ли на базарѣ купить?

— На базарѣ — нельзя; военныя вещи запрещено продавать. Частнымъ образомъ у кого-нибудь? Да зачѣмъ вамъ два? Безумно же дорого.

— Необходимо два.

Задумалась.

— Вотъ что: здѣсь одинъ Иванъ Непомнящій, сановникъ изъ Кіева, портняжничаетъ, у него многіе коммунисты шьютъ. Онъ можетъ или купить, если найдутся подходящіе, а нѣтъ, наберетъ недорогой, легкой матеріи и сошьетъ. Вставайте ка, я съ васъ мѣрку сниму.

Достала сантиметръ, карандашъ и заворочала его.

— Ахъ, да не стѣсняйтесь, Бога ради, дѣло житейское. Вамъ сперва одинъ; съ другимъ можно подождать?

— Обязательно оба одновременно и попросите, какъ можно скорѣй. Только не подведите себя. Вѣдь Сергѣй Павловичъ не носитъ, да и размѣръ другой? Вашъ сановникъ болтливостью не страдаетъ?

Елена Петровна засмѣялась.

— Не безпокойтесь. Мы тутъ тоже кулакъ составляемъ, бывшіе люди. Многое дѣлаемъ сообща и другъ друга не выдаемъ. Пріучились и языкъ за зубами держать, и лгать, не сморгнувъ. Кончила. А штиблеты у меня гдѣ то Лаврика есть. Вотъ не здѣсь ли?.. Вамъ, должно быть, подойдутъ.

Сняла подушки съ дивана и открыла крышку ящика, наполненнаго вещами,

— Видите, совсѣмъ хорошіе. Примѣрьте. Должна быть и еще одна пара, помнится, старенькіе.

Лаврикъ прїѣзжалъ въ отпускъ и оставилъ, — говорила, роясь въ вещахъ, пока Андрей, повернувшись спиной, разматывался и примѣрялъ.

— Вотъ и нашла!

И торжествующе вытщила старенькіе, пожелѣвшіе ботинки.

— Оботрите аккуратненько, почерните и великолѣпно сойдутъ. Это большая экономія; обувь безумныя деньги стоитъ. Ахъ, да теперь одна только жизнь ни во что не ставится. Пришлись?

— Жмутъ немного, но это не важно, просто слежались. Большое спасибо. Разрѣшите расплатиться.

— Какъ вамъ не стыдно...

— По вашимъ условіямъ — это капиталъ, — сконфуженно пробормоталъ Андрей.

— Вы насъ изъ мертвыхъ воскресили... Да даже безъ этого... Кто бы изъ нашихъ пожалѣлъ не только старыхъ ботинокъ, — горячо говорила Елена Петровна, — а дѣйствительно дорогой вещи для такого... — она запнулась — ...бездомнаго старика. Словомъ не разсуждайте и берите. Сейчасъ вамъ заверну.

Андрей поцѣловалъ ея руку, оставилъ деньги на костюмъ, взялъ „Житомирскія Извѣстія“ и, уходя, будто невзначай, спросилъ:

— Татьяна Андреевна была у васъ?

— Да. Свою избушку на курьихъ ножкахъ покинула, взяла комнатку на той же улицѣ, только туда, вверхъ, повеселѣла, поправилась и не узнать. Черезъ пять дней заходите, думаю, будетъ готово.

Только вышелъ на главную улицу и почти столкнулся съ маленькимъ головастикомъ въ щегольскомъ френчѣ. Сразу узналъ нахально вздернутый носъ съ широко открытыми ноздрями, низкій, чуть не до бровей, заросшій лобъ. Федька-заяцъ.

Впалые, зеленоватые глаза юрко шмыгнули по его фигурѣ, и на секунду онъ прїостановился, глядя вслѣдъ страннику.

Андрей равнодушно прошелъ мимо, точно не замѣтивъ, но сразу безпокойно заворошилась мысль — связали смерть Рѣзниковъ съ посѣщеніемъ странниковъ, или нѣтъ. Если связали, придется сейчасъ же перемѣнить обликъ.

Показалось, что Федька повернулъ за нимъ. Чтобы убѣдиться, сталъ прорѣзывать улицу съ тротуара въ аллею, искоса оглянувшись. Федька стоялъ у витрины, будто разглядывая, и тотчасъ же тоже перешелъ въ аллею. Теперь было ясно — слѣдить. Отчетливо слышались шаги все на одномъ разстояніи. Что дѣлать? Итти какъ ни въ чемъ не бывало въ баню? Калитка выходитъ въ глухую улицу — одни заборы, установить наблюдение и схватить. Крутить петли по городу? Подтвердить подозрѣніе. Увидѣлъ скамейку и рѣшительно сѣлъ. Лучше лицомъ къ лицу. А тамъ будетъ видно, какъ дѣйствовать.

Федька неторопливо приближался, играя стѣкомъ. Поравнялся и опустил на другой конецъ. Досталъ большой серебряный портсигаръ съ золотыми монограммами и закурилъ.

— Усталъ, товарищъ? — спросилъ, повернувшись къ нему.

— Усталъ.

— Папироску дать?

— Спасибо, не употребляемъ.

Опять мышатами забѣгали глазки по всей фигурѣ Андрея.

— Въ жару тяжело ходить, особенно, если далеко, — осторожно нащупывалъ Федька.

— Не отъ ходьбы усталъ, отъ годовъ. Старъ больно сталъ, — флегматично отозвался Андрей и даже пожевалъ губами.

— Странствуешь, вѣрно, — продолжалъ Федька. — Теперь старики взяли моду по монастырямъ ходить, старцевъ разыскивать. Вѣкъ въ дурманѣ прожили, отвыкнуть не могутъ, тянетъ, какъ къ табаку, который курилъ всегда. Да и то сказать, — хорошо лѣтомъ за городомъ: воздухъ чистый, сол-

нышко грѣтъ. Власти за это не преслѣдуютъ, ходи если хочешь, понимаютъ стариковъ. Жизнь у нихъ скучная, а въ путешествіяхъ такихъ и незамѣтно пройдетъ. Я и самъ собираюсь взять отъпускъ и побродить. Не по монастырямъ, конечно, а такъ, природу развлечь.

Андрей внутренно улыбнулся. Подъѣзжаетъ и какъ грубо. Правду Сергѣй Павловичъ сказалъ: глупъ, какъ самоваръ.

— Которые дѣйствительно ходятъ, — согласился онъ, — а я не могу, ноги у меня пухнуть. Я, почитай, годовъ съ пять, за версту отъ города не отходилъ. Ходьба у меня небольшая, двадцать шаговъ въ день.

— Да ты развѣ здѣшній?

— А то какой же? Стало быть здѣшній, ежели завсегда здѣсь проживаю.

— Что жъ я тебя раньше никогда не встрѣчалъ?

— Не примѣчали просто, а я вашу личность давно запомнилъ.

— У тебя семья?

— Одинъ.

— Что жъ дѣлаешь?

— Лѣтомъ въ саду ковыряюсь, а зиму у печки сижу.

— Чѣмъ же кормишься?

— Люди помогаютъ. Меня много знаютъ и изъ мѣщанъ, и изъ бывшихъ господъ. У всѣхъ свой человѣкъ. Всѣ довѣряютъ, жалѣютъ и даютъ, — кто-что. Овощей съ огорода, хлѣба тепленькаго, старье какое.

— Довѣряютъ? — повторилъ раздумчиво Федька. Тупое лицо оживилось, не то догадкой, не то неожиданной мыслью.

Кажется, глупость сболтнулъ, про довѣріе бывшихъ господъ, — съ досадой подумалъ Андрей. Что то онъ уставился на меня, надо сгладить.

— Конечно, довѣряютъ, што такъ смотришь, будто сумлѣваешься. Знаютъ, — не украдетъ ста-

рикъ, брехать не станетъ, вотъ и уважають; грѣховъ, значить, за мной никакихъ нѣтъ. Рюмочку развѣ... такъ и то въ мѣсяцъ разъ, больше не приходится.

Федька оживился.

— Рюмочку уважаешь? Заходи ко мнѣ, наливочкой сладкой угощу; густая, душистая. Понравится.

— Какъ не понравится. Сладкую наливочку каждый человѣкъ любитъ.

— Отлично. Отсюда недалеко, третій поворотъ, Жигучева улица, второй домъ отъ угла, бѣлый, двухъ-этажный. Какъ войдешь на лѣстницу, — прямо въ мою дверь упруешься, — суетливо объяснялъ Федька и довольныя искорки бѣгали въ глазахъ.

— Спасибо на добромъ словѣ, безпримѣнно приду. Домъ знаю, примѣтилъ, хорошій домъ.

— Завтра часовъ въ шесть и приходи, самое удобное для меня время; служба кончается, никто не беспокоить. Я люблю со стариками разговаривать, отъ нихъ уму-разуму набираешься; они каждаго человѣка насквозь видятъ.

— Завтра не смогу, товарищъ, дѣло есть, а черезъ нѣсколько день безпримѣнно приду.

Федька взглянулъ на золотой браслетъ съ часами.

— Охъ, запоздалъ какъ, вѣроятно въ канцеляріи полно народу. Такъ до скорого, буду ждать — кивнулъ и засѣменилъ къ троттуару.

Андрей почесалъ високъ. Что онъ задумалъ? Не могъ скрыть радости, когда я общалъ зайти.

— Д-да, гостепріимство не спроста, — рѣшилъ и Дмитрій, выслушавъ рассказъ Андрея. — Желаетъ, очевидно, подпоить и выпросить про „бывшихъ господъ“. До сихъ поръ успокоиться не могутъ: гложетъ, проклятыхъ, зависть къ происхожденію. Зависть къ власти и чужимъ сундукамъ на революцію толкнула; теперь и то, и другое въ ихъ рукахъ, и все же никто ихъ за „господъ“ не

считаетъ, хамье и щелкаетъ зубами, но пойти тебѣ необходимо, жаль упускать случай. Спровоцировать и разыграть такого дурака очень легко, а потомъ раздавить, какъ гадину, за издѣвательства и предательства.

Съ жадностью принялись за чтеніе газеты. Весь номеръ былъ посвященъ „свѣтлой памяти Рѣзника“, первымъ вступившаго въ ряды борцовъ за рабоче-крестьянское счастье. Перечислялись заслуги и таланты; трогательно описывалось горе потрясеннаго незамѣнимой потерей населенія. Приводились реплики крестьянъ, причитанія бабъ. Болѣзнь, внезапно вырвавшая изъ рядовъ друзей республики отважнаго работника, по заключенію врачей — форма, такъ называемаго, „молніеноснаго гриппа“, впервые появившаяся въ прошломъ году въ Европѣ и унесшая сотни жертвъ.

— Поразительно, — проговорилъ Дмитрій, отбрасывая газету — ни слова „о странникѣ“, ни тѣни подозрѣнія.

— И не могло возникнуть. Работа чистая — торжествовалъ Андрей. — Открыто утромъ пришелъ, черезъ полъ часа также открыто при всѣхъ ушелъ, а тотъ до вечера поцарствовалъ здоровымъ. „Заболѣлъ ночью“ — пишутъ. Причемъ же тутъ странникъ?

— А крестьяне? Въдѣ ты, собственно говоря, опредѣленно предупредилъ Левка этого, что провозжалъ насъ... Неужели они не подѣлятся.

— Крестьянинъ выдастъ только того, кто ему вредить, а въ своихъ интересахъ — могила. Отецъ четыре трехлѣтія былъ предводителемъ дворянства и я великолѣпно изучилъ ихъ психологію. Недоплатить, незаконно оштрафуетъ какойнибудь помѣщикъ, онъ сутки будетъ у крыльца стоять, „производителя дворянства“ и откровенничаетъ, всю подноготную выложить. Конокрада убьютъ, или поджигателя — клещами слова не вытянешь. Лица запечатанные, глаза въ землю — знать не знаемъ и въдѣть не въдаемъ. Рабочаго можно подкупить,

интеллигентикъ проболтается, а это — особый міръ. Прежней власти не довѣрялъ, а...

— Ты не спишь, дѣдъ? — близко у двери раздался женскій голосъ.

Дмитрій бѣлкой прыгнулъ къ стѣнѣ и спрятался въ проходъ между полками и стѣной. Андрей вышелъ.

Дремалъ садъ въ прозрачныхъ, голубоватыхъ сумеркахъ, сквозь полусонъ шепталъ листочками. Потрескивали кузнечики неувѣренно, робко, точно пробуя голоса. Скучаяще лаяла отъ нечего дѣлать гдѣ то за заборомъ собака.

Наденька протянула свертокъ.

— Домашней булки тебѣ принесла.

Поколебался и взялъ.

— Спасибо. Напрасно только это, непривычны мы къ булкѣ.

— Мнѣ показалось, ты разговаривалъ. У тебя тамъ есть кто нибудь?

— Кому у меня быть? Съ мыслями разговаривалъ.

— Съ мыслями? — Сѣла на узенькую скамеечку подъ окномъ бани. — Страшно это. Развѣ у тебя нѣтъ мыслей, которыя болятъ, отъ которыхъ хочется кричать? Ты такъ долго живешь на свѣтѣ.

Андрей молчалъ, не зная, что сказать.

— Скучно, старикъ... — жалобно, по дѣтски, протянула.

— Пройдись куда, въ кину, или на музыку. Извѣстно молодой скучно одной сидѣть.

— Никуда не хочется, надоѣло все. Расскажи что нибудь.

— Старикъ я темный, простой, чѣмъ я могу позабавить? Ну, жилъ у васъ, пришла революція матушка и пошелъ я по селамъ глядѣть, какъ люди при слободѣ жить почнутъ. Вошелъ у первое по правую сторону, какъ къ Кіеву иттить, село...

— Не надо про это, затянулъ, какъ отходную читаешь... Я думала, ты расскажешь мнѣ про... Рѣзникъ умеръ и его жена, — неожиданно прер-

вала себя тихимъ голосомъ. — Сегодня похороны были. Завтра прѣдутъ, будутъ рассказывать...

— Всѣмъ одинъ конецъ. Успокоимся, ежели зла туда не понесли.

— Точно „тамъ“ — есть что нибудь...

Заложивъ нога на ногу, обхвативъ руками колѣна, смотрѣла вверхъ надъ деревьями.

— Есть, — убѣжденно отвѣтилъ старикъ.

— Если есть... много неприятныхъ встрѣчъ будетъ... Всѣ, кого затравили — обступятъ... Глупости все... — отряхнула она головой что то неприятное. — Ты себѣ вѣрь, но ничего тамъ нѣтъ, если бъ было...

— Многихъ затравила эта троица, да вотъ, Федька еще — снова начала, послѣ долгой паузы. — И меня травили. Отобрали все, въ кухню загнали, потомъ и изъ кухни выгнали...

— Ну, что жъ, претерпѣла, за то теперь хорошо.

— Д-да, за то теперь хорошо...

Андрей вздрогнулъ. Засмѣялась, или громко заплакала?

— Чѣмъ же плохо? Живешь полной чашей: свой домъ, прислуга, начальствомъ тебя поставили, какъ къ нимъ присоединилась, жалованье, небось, хорошее положили. Прежніе то твои пріатели развѣ такъ живутъ? Бываешь, небось, у нихъ, видишь?

— Прежніе пріатели, какъ черти отъ ладана бѣгутъ отъ меня, — говорила съ тѣмъ же рыдающимъ смѣхомъ. — Служили на кладбищѣ панихиду, когда еще можно было, за Оконскаго и моего отца, я узнала и пришла... посмотрѣть, изъ любопытства. Какъ овцы въ другую сторону шарахнулись, ни одинъ не взглянулъ, морды у всѣхъ перепуганныя. Попъ не кадилъ на меня и креста не поднесъ, я бѣ, положимъ и не приложилась. А мнѣ плевать на ихъ осужденья, подошла, воткнула красныя гвоздики въ обѣ могилы и вышла.

— Каждый по своей совѣсти поступаетъ, осуждать незачѣмъ.

— Разумѣется. И отецъ по своей совѣсти по-
ступилъ, когда дезертировалъ изъ жизни и оста-
вилъ меня одну. Смотритъ теперь на меня и утѣ-
шается.

Долго молчала, облокотившись подбородкомъ
на скрещенныя руки, такія бѣлыя, нѣжныя въ
прозрачномъ полусвѣтѣ.

— Танюшу помнишь? — уронила отрывисто.

— Какую такую Танюшу?

— Сестру Андреечки. Бѣленькая хохотушка
съ длинными косами. Мы снѣгурочкой ее звали.

— И не видалъ никогда.

— Какъ не видалъ! Бывало, лѣтомъ каждый
день прибѣгала къ намъ въ садъ... А когда онъ
уѣхалъ на войну, мы сидимъ обнявшись и плачемъ,
а ты еще утѣшалъ: „вернется, на свадьбѣ пиро-
вать будемъ“ — передразнила злобно.

— Не видалъ.

— Фу, дуракъ! Уперся, какъ быкъ — „не ви-
далъ“ — что это, сто лѣтъ прошло, чтобы такъ
забыть! Сидѣлъ какъ то вонъ тамъ согнувшись,
кусты подвязывалъ, а она убѣгала отъ Андрюши
съ моей карточкой. Не замѣтила тебя, налетѣла
съ размаху и сѣла тебѣ на спину.

Андрей разсмѣялся. Живо представилось сму-
щенное личико сестренки, отъ испуга упавшей на
траву и воркотня старика, сердито растиравшего
себѣ спину.

— Вспомнилъ? Голодаетъ теперь, ходитъ какъ
нищая, въ изорванныхъ туфляхъ.

— Чего жъ въ партію не запишется? Тоже
было бы все, какъ у тебя. — равнодушно сказалъ
Андрей.

Наденька встала.

— Потому что — дура! И сдохнетъ гдѣ ни-
будь подъ заборомъ. Не понимаетъ, что жизнь —
подлая баба, ей надо въ морду плевать, за горло
сжать и изъ зубовъ рвать, что можно. — Бросала
съ ожесточенной ненавистью, точно „подлая баба“
стояла передъ ней. — И тогда только и будешь и

сыта, и одѣта, не будешь ползать червемъ и дрожать, а другихъ заставишь ползать передъ собой! Что она хочетъ доказать? Честность? Передъ кѣмъ?.. Сволочи всѣ, дряни... Въ душѣ ругаютъ, ненавидятъ, а надо чтонибудь — унижаются, канючатъ, льстятъ, а потомъ свѣчи передъ иконами ставятъ и лбы расшибаютъ... Помогъ Онъ комунибудь?.. Спасъ?.. Идіоты проклятые... такъ имъ и надо...

Повернулась и ураганомъ помчалась къ дому.

Изъ за крыши любопытно выглядывала краешкомъ желтая луна.

— Гу-гу-гу — стонала гдѣ то сентиментальная лягушка.

— Ты прости, братъ, я... подслушалъ вашъ разговоръ... — смущенно сказалъ Дмитрій, когда сумрачный Андрей вошелъ въ баню. — Ты умолчалъ о томъ, что... раньше между вами было... Совѣтская супруга председателя Г.П.У... только и всего... Я и заинтересовался... И... знаешь мнѣ жаль ее. Она глубоко несчастна.

— Временами, пожалуй — устало согласился Андрей.

— Тутъ страшная драма... — и вдругъ спохватился. — Можетъ быть, тебѣ тяжелъ этотъ разговоръ?

— Нѣтъ. Чужая. Изломанная истеричка; и эта солдатская брань... Связь съ палачемъ... Немногіе, вернувшись, узнаютъ своихъ близкихъ. Эти мерзавцы сумѣли украсть души у людей.

— Какъ она сказала про своего отца... По моему, она любитъ и тебя и твою сестру.

— Чтобы внести романтическую пикантность въ сытую, комфортабельную жизнь, которую она ставитъ превыше всего. Ну, довольно объ этомъ; перейдемъ къ дѣлу. Разъ они возвращаются завтра, Ярославскій несомнѣнно будетъ у нея и меня очень беспокоить, сможешь ли ты детально запомнить его лицо. Вѣдь отъ этого зависитъ успѣхъ дѣла. Можетъ быть,хватишь уголекъ и сдѣлаешь набросокъ, ты же рисуешь.

— Каррикатуры. Тамъ посмотримъ, все зависитъ отъ типа. Иное лицо сразу вѣжется въ память, а иное каждый день встрѣчаешь, а расплывается.

Дмитрій опять усѣлся за прокламаціи. Андрей улегся, повернувшись спиной къ свѣту.

— Ты про сестру справлялся сегодня? — спросилъ Дмитрій, чувствуя, что Андрей не спитъ.

— Да. Перешла изъ конуры въ комнату, ободрилась, поправилась.

— Пошли меня къ ней съ какимъ нибудь порученіемъ. Ужасно хочется познакомиться.

— Нельзя. Влюбишься и пойдешь кувыркалесь въ головѣ. Она у меня замѣчательная, не этой чета. Насквозь просвѣчиваетъ, какъ драгоценный фарфоръ. Сдѣлаемъ дѣло, будемъ итти назадъ и заберемъ съ собой — было слышно по голосу, что нѣжно улыбается. — И будемъ залѣчивать ея раны, выстрадала бѣдняжка. А пока не кончили, ни о чемъ другомъ думать нельзя.

Андрей уже зналъ, что Наденька возвращается домой только къ четверемъ, и былъ очень удивленъ, когда на другой день, случайно взглянувъ на веранду около часу, увидѣлъ ее.

Въ блѣдно-голубомъ капотѣ съ широкими, открывающими руки до плечъ рукавами, въ бѣломъ фулярѣ шапочкой повязанномъ на волосахъ, она лежала въ качалкѣ съ думкой подъ головой.

— Выфрантилась и лежитъ, очевидно, его поджидаетъ, — взволнованно сообщилъ онъ Дмитрію.

— Просто вчерашнее настроеніе не прошло, вотъ и валяется. Ты какъ обыкновенно ходишь по улицамъ? Очень медленно?

— Да, плетусь по стариковски, голова внизъ. А что?

— Хочу за газетой пройти, да и пора начать городъ изучать. Ты меня держишь, какъ турокъ

жену — подъ замкомъ и въ критическій моментъ заблужусь въ трехъ соснахъ

— А если тотъ придетъ?

— Не придетъ, слишкомъ рано, наконецъ, я скоро вернусь. Изъ за калитки — влѣво, второй поворотъ — влѣво, и?..

— Этой улицей выйдешь на главную, аллея акацій вдоль. Но я что то не встрѣчалъ кіосковъ, по моему ихъ здѣсь нѣтъ, можетъ быть, мальчишки разносятъ. Если тебя остановитъ маленькій, бритый, голова, какъ ротный котелъ — это Федька. Разыгрывай простака, говори ему: „ты“ — не загуливай же.

Только закрылась за Дмитриемъ калитка, на верандѣ появилась низенькая, расползшаяся женщина въ черномъ.

Андрей, какъ сраженный пулей присѣлъ подъ кустъ и ящерицей пробрался къ выбранному пункту наблюденія у заборчика палисадника.

— ...и тамъ мнѣ сказали, что вы больны и не приходили, — услышалъ рѣзкій гортанный голосъ.

— У меня безумная мигрень, — надломленно отвѣтила Наденька. — Всю ночь сегодня не спала и теперь головой пошевелить не могу. Когда сижу неподвижно, немного легче.

— Я васъ долго беспокоить не буду, только одну минутку. Но, если вамъ очень трудно...

— Ахъ, что вы, Роза Ароновна, мнѣ очень пріятно побесѣдовать съ вами. Садитесь вотъ сюда, чтобы я могла васъ видѣть. Вы замѣтно измѣнились за эти дни, бѣдняжка.

— Кто бы это могъ не измѣниться! Потерять такого человѣка! Я вовсе не знаю, живу ли я еще.

— Да, ужасное несчастье. Если васъ не очень волнуетъ, расскажите, какъ это было.

— Развѣ это можно рассказать! Это надо видѣть своими глазами, это же непередаваемый ужасъ. Вы понимаете, когда я вошла въ комнату и увидѣла два красныхъ гроба, два трупа рядомъ — у

меня земля ушла изъ подъ ногъ. Вы представляете себѣ — два мертвеца — и мужъ, и жена!.. Видѣли вы когда нибудь что нибудь подобное?..

Она вынула платокъ и расплакалась.

Андрей невольно выругался сквозь зубы.

А двѣсти труповъ ежедневно, сложенныхъ штабелями — злобно подумаль. — И какъ эта дрянь можетъ равнодушно слушать и еще поддакивать.

— Долго они хворали? — сочувственно спрашивала Наденька.

— Двое сутокъ, а на третьи, ночью были уже покойники, — тонкимъ плачущимъ голосомъ простонала Роза Ароновна.

— Гдѣ они могли захватить? Погода прекрасная, простудиться трудно.

Роза сразу перестала плакать.

— Что — захватить?

— Молніеносный гриппъ?

— И вы вѣрите въ эту сказочку — насмѣшливо злобно прокричала она. — Легли веселыми, здоровыми, а къ утру и онъ, и она уже кричали отъ боли?.. Они такъ страдали, такъ страдали, что еще люди не видѣли такихъ страданій. И все отъ гриппа? И темныя пятна на тѣлѣ, можетъ быть, тоже скажете отъ гриппа?..

— А отъ чего же?.. — растерянно спросила Наденька.

— Отъ чего?.. Вамъ никакъ не приходится въ голову?.. Ихъ отравили, вотъ отъ чего.

— Ну, Роза Ароновна, врачи вѣдь дѣлали анализъ оставшейся пищи, воды въ графинѣ, брали кровь на изслѣдованіе и ничего не нашли.

— Я васъ перестаю понимать и я перестаю понимать товарища Ярославскаго, — у него тоже передъ глазами — анализъ. Кому вы говорите?.. Вы не знаете какіе теперь есть яды?..

Настала короткая пауза. Андрей насторожился.

— Что далъ анализъ, когда пробовали это новое средство... ну, вы знаете про что я говорю, въ Москвѣ на политическомъ, котораго должны

были выслать въ Соловки? А онъ, кажется, тоже довольно мучился когда умиралъ.

— Да, но они изготовляются въ особой лабораторіи, стоятъ безумно дорого. Наконецъ, ихъ не каждый можетъ достать, даже въ большомъ городѣ, а въ мѣстечкѣ... Откуда могъ бы, напримеръ, крестьянинъ достать?

— Зачѣмъ ему самому доставать? Не могли ему принести и сказать — возьми и подсыпь?

— Борисъ Ароновичъ былъ подъ такой хорошей охраной, что...

— Теперь я таки вижу, что у васъ голова болитъ, — грубо прервала ее Роза Ароновна. — Что такое — красноармеецъ?.. Не тотъ же мужикъ?.. Развѣ это люди? Чувствуютъ они благодарность, что человѣкъ шесть лѣтъ работалъ, чтобы имъ было хорошо и вовсе не жилъ для себя? Есть у нихъ что нибудь святое? Они за деньги родному отцу кишки выпустятъ! — выкрикивала она, двигаясь по стулу, возбужденно жестикулируя. Казалось огромная, черная ворона, машетъ крыльями, каркаетъ злобно и хрипло.

— Когда я подумаю, что они уже лежатъ въ землѣ, а ихъ убійца гуляетъ себѣ на свободѣ, и кушаетъ, и пьетъ, однимъ словомъ, наслаждается жизнью, такъ я готова свое собственное тѣло на куски разорвать. Можно это пережить?

— Да... это тяжело, — задумчиво отозвалась Наденька, и будто столкнулись гдѣ то свисавшіе хрусталики люстры.

— Прервалъ двѣ молодыхъ жизни, сдѣлалъ двое дѣтокъ сиротами, отнялъ у нихъ и отца, и мать и это оставить безнаказаннымъ? Кто же тогда скажетъ, что у насъ есть справедливость!

Андрей до крови впился зубами въ губу, чтобы сдержать стонъ. Физически ощущалъ, какъ просыпался внутри косматый звѣрь и царапалъ яростью сердце.

— Гдѣ ихъ похоронили? — вяло спросила Наденька.

— Въ общественномъ паркѣ, на главной площадкѣ; Моисей впередъ поѣхалъ въ Шепетовку, чтобъ распорядиться. Что это были за похороны! Два оркестра музыки, войска шпалерами, почетный караулъ. На двухъ автомобиляхъ вѣнки... Но развѣ это могло помочь имъ! Моисей очень убитъ, онъ такъ плакалъ, что разрывалось сердце. Онъ тоже говорилъ съ товарищемъ Ярославскимъ, что это не гриппъ, а контръ-революція, но вы же его хорошо знаете. Онъ очень интеллигентный человекъ, но эти галичане такой упрямый народъ. Доктора сказали, что гриппъ, такъ онъ тоже въ этомъ увѣренъ. Такъ я рѣшила прійти къ вамъ. Вы должны убѣдить его, что этого вопіющаго дѣла нельзя такъ оставить. Онъ же возглавляетъ Г.П.У., Реввоенсовѣтъ, онъ долженъ начать разслѣдованіе. Если видные дѣятели будутъ безъ причины умирать и всѣ сидятъ спокойно — это угроза республикѣ. Они опять поднимутъ голову. Развѣ онъ этого не понимаетъ?

— Я передамъ ему... Но, у васъ даже ни на кого подозрѣнія нѣтъ.

— Почему — нѣтъ? Мало у насъ здѣсь контръ-революціонеровъ? А Говоровъ и Швецовъ? Это же гнѣздо!

— Про нихъ, какъ будто, ничего нельзя сказать. Правда, они безпартійные, но держатся вполне лойяльно, оба преподаютъ въ трудшколѣ.

— Они лойяльны? Вы не помните, что до революціи они были первые царисты и первые антисемиты?

— Я была такъ молода, что не разбиралась въ то время.

— Одинъ — родной племянникъ бывшаго предсѣдателя губернской земской управы, а другой — сынъ попа. Этого, кажется, уже достаточно, — сыпала она скороговоркой, задыхаясь. — Вы спросите товарища Шаповалова, онъ вамъ разкажетъ про ихъ лойяльность, онъ ихъ пятнадцать лѣтъ знаетъ. Вотъ это — голова, это вѣрный другъ

совѣтской власти, только его такъ мало цѣнять. Онъ говорить...

— Онъ часто увлекается, — перебила Наденька. — Сколько разъ приходили къ нимъ съ обыскомъ, по его заявленію, и ничего не обнаружено, а школьные работники они превосходные и дѣти ихъ любятъ.

— И во первыхъ, обнаружено. И у одного, и у другого нашли въ столѣ Евангеліе, молитвенники.

— Религіозность — совершенно другой вопросъ.

— Дайте мнѣ говорить. Это вовсе — главный вопросъ; какъ они могутъ учить дѣтей, когда сами несознательные, а потомъ, у Говорова была найдена цѣлая лабораторія, и колбы, и реторты...

— Онъ на курсахъ красныхъ учителей преподаетъ химію. Онъ долженъ готовиться къ уроку.

— Откуда вы знаете, что онъ не приготовляетъ яды? Вы можете поручиться! Я вообще нахожу, что это большая ошибка позволять безпартійнымъ заниматься химіей, когда мы всѣ знаемъ что значить: „безпартійный“, и это вовсе не секретъ. Въ совѣтской республикѣ вообще не должно быть служащихъ безпартійныхъ. Если ты хочешь быть безпартійнымъ, такъ ты себѣ коли дрова и носи воду, это тоже людямъ надо, кажется, ясно. Вы, конечно, думаете иначе. Я вамъ скажу откровенно, въ васъ все еще сидитъ невѣста бѣлогвардейца и вамъ такъ близки бывшіе буржуи, вы всегда ихъ такъ защищаете.

— Я никого не защищаю, просто нахожу, что не слѣдуетъ создавать себѣ враговъ.

— Страшны намъ такіе враги? Стоитъ намъ захотѣть и мы ихъ всѣхъ... — она презрительно растерла ногой полъ. — Вы можете быть другого мнѣнія, почему нѣтъ, но вы плохо дѣйствуете на Ярославскаго. Моисей тоже находить это — угрожающе подчеркнула Роза Ароновна и встала.

— Куда же вы? Посидите еще немного, такъ скучно одной. — Отвлеклась разговоромъ и про

головную боль забыла, — заискивающе залепетала Наденька.

— Мнѣ еще надо укладываться, — сухо отвѣтила Роза Ароновна — завтра я и жена Моисея уѣзжаемъ въ Крымъ, надо же отдохнуть отъ такого потрясенія. Потомъ пріѣдетъ и братъ. Онъ такъ похудѣлъ, что на него нельзя безъ слезъ смотрѣть. Вчера у нихъ былъ разговоръ съ Ярославскимъ послѣ похоронъ. Почему не заболѣли и дѣти, и прислуга если это заразная болѣзнь! И вообще никто въ мѣстечкѣ?.. Они такъ кричали, вы понимаете, оба горячіе, что когда братъ вернулся къ намъ въ номеръ, онъ прямо безъ чувствъ упалъ на кровать. Потому я и рѣшила зайти къ вамъ, думала встрѣтить сочувствіе, а теперь вижу, что въ этомъ мы не можемъ понимать другъ друга.

— Я вѣдь не отказываюсь, Роза Ароновна, — такъ же заискивающе оправдывалась Наденька. — Я съ удовольствіемъ. Я только не понимаю чего вы хотите... конкретно.

— Развѣ это я хочу? Этого же требуетъ справедливость, если есть подозрѣніе въ преступленіи, чтобы изолировать сомнительныхъ лицъ. У нихъ долженъ быть самый тщательный обыскъ. У Говорова надо отобрать всѣ его реторты, всѣ жидкости — товарищ Федя говоритъ, что у него цѣлый складъ, — произвести анализъ, не яды ли это и ихъ обѣихъ посадить въ Г.П.У. и хорошенько подразспросить. Когда они увидятъ, что съ ними шутить не будутъ, такъ они расскажутъ все, что знаютъ. У Говорова каждую недѣлю собирается компанія. Зачѣмъ они собираются? Вѣрно не кушать, когда всѣмъ кажется хорошо извѣстно, что учителямъ самимъ кушать нечего. А Швецовъ живетъ въ одномъ дворѣ съ рабочими. Почему непременно съ рабочими? Что онъ не нашелъ другого мѣста?

— Хорошо передамъ и постараюсь убѣдить, но за успѣхъ не ручаюсь. Онъ дѣйствительно упрямъ.

— Съ вами онъ не будетъ упрямъ, если вы его хорошенько попросите. Вы сами знаете, чѣмъ его взять. — Уже милостиво шутила Роза Ароновна. — Онъ влюбленъ въ васъ, какъ самый страстный котъ. До сихъ поръ влюбленъ, а вѣдь уже два года вы съ нимъ. Это прямо невѣроятно. Я сегодня видѣла его, онъ сказалъ, что будетъ у васъ послѣ четырехъ. Теперь, когда вы общались, я буду уѣзжать спокойной.

Они нѣжно расцѣловались и забывъ головную боль, Наденька пошла проводить ее.

Дмитрій уже сидѣлъ съ газетой, когда вошелъ Андрей.

— Что нибудь непріятное? — спросилъ онъ, замѣтивъ разстроенное лицо пріятеля.

Андрей не отвѣчая нѣсколько разъ прошелся по комнатукѣ.

— Вотъ, когда я по настоящему „прикоснулся“ и понялъ, что читать, слушать рассказы очевидцевъ — одно, а видѣть собственными глазами — другое. Лежалъ и дрожалъ отъ возмущенія. Здѣсь ангела сдѣлають звѣремъ. Понимаешь, откровенно — наглое дѣленіе на „мы“, для которыхъ существуетъ міръ и „они“, которые обязаны быть благодарны за то, что имъ позволяютъ жить, — негодовалъ Андрей подробно передавъ подслушанный разговоръ. — Ну, и эта хороша, бывшая „своя“. Ни самолюбія, ни человѣческаго достоинства. Если бы ты слышалъ этотъ переходъ отъ томно-больного тона къ подло-заискивающему... И передъ кѣмъ?.. Передъ убійцей родного отца, затравили вѣдь до самоубійства. А ты еще сожалѣлъ ее. Раздавить, какъ слизняка!

— И продолжаю. Вляпалась въ кашу, думала — партійный билетъ только щитъ ни къ чему не обязывающій, а теперь выпутаться не можетъ. Вѣдь дѣвченка была.

— Моя сестра на три года моложе ея!

— Твоя сестра святая — этого нельзя требовать отъ всѣхъ.

Нѣкоторое время Андрей молча ходилъ, куря папиросу за папиросой.

— Когда эта красна Роза — опять началъ онъ — стала рѣсиространяться, что ея братецъ отравленъ, я ужасно боялся, чтобы она не упомянула о странникѣ, который приходилъ въ день болѣзни. Поразительно, что никто изъ нихъ не обратилъ вниманія. Та моментально бѣ услужила, — у меня молъ поселился такой, не онъ ли?

— Никогда! — Горячо запротестовалъ Дмитрій. — Никогда бы не выдала.

— Головой отвѣчаю. За ручки подведетъ, — берите! Какіе могутъ быть принципы у... торгующей собой среди палачей, — съ гадливостью бросалъ онъ сквозъ зубы слова.

— Ты озлобленъ. Ты можешь только обвинять и проклинать и это понятно. У тебя болитъ и будетъ болѣть, какъ ты ни глуши. А я сторонній наблюдатель и мнѣ яснѣй. Виситъ дѣвица въ воздухѣ и ногами болтаетъ, — нѣтъ упора. Знаешь, если бы ты открылся ей, Богъ мой!... Она бы съ головой ушла въ наше дѣло, вдохновенно, какъ всѣ страстныя натуры. Выкрала бы всѣ ихъ документы, предавала бѣ по одиночкѣ на смерть, шла бѣ на безумный рискъ, чтобъ отомстить и за паденіе, и за униженіе, и искупить передъ тобой.

— Ты только не вздумай рискнуть и разъяснить ей насъ — уже спокойно сказалъ Андрей и обнялъ его за плечи. — Ну ее къ черту, не стоитъ спорить о такой... Перейдемъ лучше къ дѣлу. Я вотъ о чемъ думаю: мы съ тобой выскочили благополучно изъ исторіи съ Рѣзникомъ, а неповинныхъ собираются притянуть. Этого нельзя допустить и не только по этическимъ соображеніямъ. Я пройду къ нотаріусу за адресами Говорова и Швецова, и завтра мы ихъ предупредимъ. А ты не забудь, что къ пяти тотъ явится, забирайся заранѣе подъ кусты.

Уже недалекъ былъ поворотъ на главную улицу, какъ увидѣлъ нотариуса. Шелъ навстрѣчу заложивъ руки за спину съ крупнымъ блондиномъ, что то оживленно рассказывавшимъ.

Ахъ, чертъ, вотъ незадача, неужели придется другой разъ итти, Елена Петровна можетъ не знать адреса — подумалъ Андрей.

Поровнявшись, Сергѣй Павловичъ равнодушно скользнулъ по немъ глазами и они разошлись.

Не достаетъ еще, чтобъ и ея не засталъ, — ворчалъ онъ про себя.

— Ты не ко мнѣ ли дѣдъ? услыхалъ въ дотонку и остановился.

— Извините, дорогой, я сію минуту, обѣщалъ старику немного помочь.

Сергѣй Павловичъ торопливо подошелъ и вынулъ кошелекъ, ища монету.

— Нуженъ адресъ Говорова и Швецова, — быстрымъ шопотомъ проговорилъ Андрей.

— Говорова — Базарная 15, антресоли, Швецова — Подъячева 4, также отвѣтилъ нотариусъ и протянулъ руку, дѣлая видъ, что подаетъ милостыню. Повернулся, чтобы нагнать собесѣдника, но тотъ уже подходилъ, улыбаясь.

— Ишь, патріархъ какой! Годовъ двѣсти будетъ, старецъ? — И тоже досталъ кошелекъ. — Получи и отъ меня;хвати, братъ, самогону за упокой нынѣшнихъ „живыхъ“.

Андрей поклонился въ поясъ.

— Спасибо, господа хорошіе, пошли вамъ Богъ, — забормоталъ онъ.

— Ша!.. — комически поднялъ блондинъ выпяченную ладонь. —

— Сразу два контръ-революціонныхъ слова! По стѣнкѣ тоскуешь, или по старости забылъ, что теперь господъ нѣтъ, а, кромѣ меня вотъ съ нимъ, одна сволочь осталась. А Богъ — высоко. Все видитъ... Проживи еще столько, сколько жилъ, можетъ и услышишь, что скажетъ. Прощай.

Андрей смотрѣлъ имъ вслѣдъ пока не скрылись изъ вида.

И вотъ такъ во всѣхъ городахъ необъятной матушки Россіи — думалъ. Изъ десяти — восемь ненавидящихъ. Возмущаются, проклинаютъ, не дождутся гибели и гнуть спины, показывая кулакъ въ карманѣ. Ну, пусть первый годъ; чувствовали себя одинокими, крестьяне и рабочіе еще ходили оголѣтыми. Но теперь, когда тѣ даже на борьбу идутъ... Интеллигенція, руководители... Терроръ приглушилъ? Но онъ приглушилъ бы и тѣхъ. Ихъ кучка; развѣ справились бы, если бы всюду шла ежедневная борьба. Дѣйствовало бы и на армію... Было бы за кѣмъ итти и крестьянамъ. Кто выпилъ волю?.. Или ея и не было, жили иллюзіями, разбила революція и осталось пустое мѣсто...

Дмитрій уже залегъ подъ малинникомъ, прямо противъ веранды. Раздвинулъ спереди гибкія вѣтви, устроилъ щель для глазъ, все было видно отчетливо. Хорошо было здѣсь. Отдыхало небо отъ зноя, было тихое, ласковое. Звенѣли какія то насѣкомыя. Черные муравьи хлопотливо поднимались и спускались по травинкамъ. Красненькая, съ черными пятнышками божья коровка путалась въ шапочкѣ клевера. Долго лежалъ и уже сталъ терять надежду, когда открылась дверь на веранду. Высокій, золотистый блондинъ съ остроконечной бородкой подвелъ, держа за талію, Наденьку къ качалкѣ и сѣлъ сбоку, облокотившись руками о колѣни. Сквозь просвѣты листьевъ Дмитрій видѣлъ только тщательно раздѣланный проборъ и часть бѣлаго лба, который то скрывался, то приподнимался.

Совѣтская идиллія, — со злостью думалъ Дмитрій. Чего онъ качается, пальчики ей цѣлуетъ, что ли?

Отъ нечего дѣлать онъ зарисовалъ проборъ.

Черты! Неужели не заболитъ спина, согнувшись сидѣть. Начнетъ смеркаться и ничего нельзя будетъ разобрать, волновался онъ.

Воркуютъ... Легкій смѣхъ, неясныя слова, говорили тихо, какъ будто одновременно.

— Нѣтъ... ну не могу сегодня... — явственно услышалъ голосъ Наденьки.

— Ай!.. мнѣ же больно!.. — громко вскрикнула она. Рѣзко сдвинулась качалка; стукнулъ упавшій предметъ и покатился по полу.

— Звѣрь!..

Ярославскій вскочилъ, прошелся по верандѣ и остановился посреди первой ступеньки, подбоченившись обѣими руками.

Великолѣпно... Хоть снимай фотографію.

Дмитрій приподнялъ голову, впиваясь въ красивое лицо. Гдѣ то я его видѣлъ... положительно видѣлъ... и даже удивился какой то особенноти въ его лицѣ. А... носъ!.. Чуть чуть загнуть вправо. И вдругъ вспомнилъ сонъ на берегу Тетерева, въ первый день прихода. Поразительно! Не хорошо; будетъ неудача. Женщина спрятала подъ черный вуаль... припоминалъ, штрихами набрасывая лицо.

Ярославскій засвистѣлъ какой то мотивъ, спустился въ палисадникъ и пошелъ къ заборчику, прямо къ тѣмъ кустамъ подъ которыми лежалъ Дмитрій.

Онъ похолодѣлъ. — Неужели замѣтилъ! Пригнулъ голову къ самой землѣ, подъ вѣтки кустовъ.

Чекистъ подошелъ къ калиткѣ и остановился, облокотившись на нее.

Только теперь сообразилъ Дмитрій, что лежитъ противъ входа.

Если откроетъ калитку, — схвачу за ноги, повалю и за горло, рѣшилъ онъ и приготовился.

Ярославскій стоялъ неподвижно, глядя въ садъ. Дмитрій слегка повернувъ голову напряженно слѣдилъ за выраженіемъ совсѣмъ близкаго отъ него лица съ загнутымъ вправо кончикомъ носа, боясь упустить нужный моментъ и вдругъ встрѣтился со свѣтлыми, холодными глазами, смотрѣвшими, казалось въ упоръ на него.

Зазвенѣло въ ушахъ отъ забившейся въ виски крови. Тѣло напряжилось.

Ярославскій медленно перегнулся къ кусту подъ которымъ лежалъ Дмитрій, захватилъ вѣтку, отломалъ и стегнувъ нѣсколько разъ воздухъ пошелъ къ верандѣ и сѣлъ на верхнюю ступеньку, задумчиво обрывая листочки.

Наденька подошла и положила руку на его голову...

— Отошелъ? Успокоился?

— Я никогда не смотрѣлъ въ твой садъ, онъ напомнилъ мнѣ Галицію, тамъ у каждого домика — садокъ. Что эта за хатка въ глубинѣ? — услышалъ Дмитрій низкій голосъ.

— Бывшая банька.

— Въ саду бывшей буржуйки — бывшія фруктовые деревья, теперь одичавшія и бывшая банька. Надо сжечь баньку, вырубить деревья. Очистить отъ всего „бывшаго“, чтобы не мѣшало новой жизни, — подчеркивая каждое слово говорилъ Ярославскій.

Наденька прижала его голову къ своему бедру.

— А что сдѣлать съ бывшей буржуйкой? — кокетливо спросила, низко наклоняясь къ нему, заглядывая въ глаза.

— Было бы лучше тоже срубить. И можетъ быть... — онъ оборвалъ.

— Можетъ быть?.. — повторила она ему въ тонъ.

— Когда нибудь мои руки сожмутъ прекрасную бѣлую шейку въ тотъ моментъ, когда сольются наши губы, а маленькія ножки обовьются вокругъ моего тѣла. Медленно... сильнѣй... сильнѣй... И ты будешь извиваться и отъ сладострастія и отъ приближенія смерти. И въ послѣдній, самый сильный моментъ, вздрогнувъ отъ наслажденія и ужаса, ты умрешь въ моихъ объятіяхъ.

Онъ говорилъ мечтательно глядя вдаль, точно всматривался въ соблазнительную картину.

Дмитрій, не спускавшій съ него глазъ, содрогнулся.

Нижняя челюсть выдвинулась впередъ, прищурились глаза, на лицѣ съ полуоткрытымъ ртомъ застыла садически жестокая полу-улыбка.

Наденька сняла руку и отодвинулась, прислонившись къ колоннѣ.

— Хорошо, что размечтался вслухъ, — говорила послѣ короткой паузы, смѣясь нервнымъ, принужденнымъ смѣхомъ. — Завтра же покупаю крѣпкій шелковый шнурокъ и... прежде чѣмъ... крѣпко связываю вамъ руки назадъ, а тогда... пожалуйте...

Онъ всталъ и сильно потянулся.

— То будетъ завтра, а сегодня поѣдемъ въ „Имперіаль“, необходимо освѣжиться послѣ всей этой мерзости. Мертвецы... вой... хлопанье въ обморокъ... Чертъ бы ихъ всѣхъ дралъ! Эти двѣ туши, Розочка и Сарочка, были какъ голодныя собаки — вмѣстѣ, а въ обморокъ падали соблюдая очередь. Мамаша покойницы бѣсновалась внѣ очереди, всѣ лохмы на себѣ порвала. Нѣтъ ничего гаже похоронъ и почему нашъ ВЦИК не отмѣнитъ этотъ устарѣлый, не эстетичный пережитокъ. Возьмется съ человѣческой падалью, таскаютъ ее, усыпаютъ цвѣтами... Идіотство. Подохоъ, — въ первую же ночь за ноги и въ яму и никакихъ церемоніаловъ. Хочу встряски. Музыки... свѣта... вина — и надраться. Женщина есть... Можетъ быть шампанское растопить тебя, а, женщина? и послѣ солидной выпивки... — онъ закончилъ грубой циничной фразой и, обхвативъ ее, повелъ въ комнаты.

Дмитрій продолжалъ лежать съ закрытыми глазами, провѣряя себя. Лицо выступало въ памяти до мельчайшихъ деталей. И какъ только прошумѣлъ автомобиль, онъ вернулся въ баню и сталъ набрасывать на бумагѣ лицо.

— Если ты сомнѣваешься, я тебѣ черезъ нее устрою свиданіе съ нимъ, придешь о пособіи просить, что-ли — предложилъ Андрей.

— Точно. Будь увѣренъ. Если какую черточку и упушу, — не важно. Никто особенно всматриваться не будетъ, разъ съ перваго взгляда похожъ; да и используемъ вечеромъ, днемъ, при солнечномъ освѣщеніи не будемъ показываться. Я тебѣ свой сонъ рассказывалъ, когда ты разбудилъ меня на берегу?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ слушай...

— Да... — задумчиво процѣдилъ Андрей, когда Дмитрій кончилъ. — Дѣйствительно странно. И я крикнулъ: „бѣжимъ, сейчасъ арестуютъ?“ Жаль, не во время проснулся, интересно было бы знать, удалось ли убѣжать, — пошутилъ онъ. — Это она спасетъ его. А можетъ, это тебѣ теперь представилось, что ты именно его видѣлъ? — спросилъ онъ послѣ паузы.

— Можетъ быть, — уступчиво согласился Дмитрій, замѣтивъ какое впечатлѣніе произвелъ его рассказъ. — Пережилъ я минуту, когда этотъ товарищъ пошелъ на меня, — перемѣнилъ онъ тему. — Въ руки такому попасться непріятно. Мнѣ издали страшно было на его дьявольскую морду смотрѣть. И откуда они такихъ людей выуживаютъ? Точно по особому заказу гдѣ то изготовляютъ.

— Революція-матушка! Она — магнитомъ притягиваетъ всѣхъ садистовъ, преступниковъ и прочую вегетаріанскую публику. Со всѣхъ сторонъ слетаются, почуявъ, что можетъ душа погулять на просторѣ и всплываютъ наверхъ. Ими она и держится. Конецъ имъ, — конецъ революціи, такъ во всѣхъ странахъ бывало, потому что замѣнить не кѣмъ. Замѣстители ужъ будутъ не „прирожденные“, а по назначенію и весь паѳосъ идетъ на убыль. Вотъ почему ихъ и необходимо уничтожать.

Послѣ ужина Дмитрій досталъ свои препараты и началъ передъ осколкомъ зеркала лѣпить себѣ кривой носъ. И уже спалъ Андрей, а онъ все возился съ тѣлеснаго цвѣта мастикой, то накладывая, то раздраженно снимая.

— И надо же было ему, чертову сыну, съ такимъ проклятымъ носомъ родиться, — ворчалъ онъ съ неудовлетвореніемъ разсматривая себя то въ профиль, то en face. Отмѣтилъ Богъ шельму!

На другой день съ утра стали готовиться. Андрей начертилъ планъ, какъ пройти къ квартирѣ Швецова, продемонстрировалъ себя въ роли старца, чтобы Дмитрій могъ уловить тонъ, и даже прорепетировали сцену появленія у учителей съ одинаковыми жестами и словами, чтобы создать впечатлѣніе, что у обоихъ было одно и тоже лицо. Свѣрили минута въ минуту часы и условились входить ровно въ пять. Дмитрій уходилъ раньше, такъ какъ Швецовъ жилъ значительно дальше.

— Дай ка мнѣ порошочекъ, — сказалъ онъ.

— Зачѣмъ? — удивился Андрей.

— На всякій случай. Разъ за ними слѣжка, все можетъ быть. Увѣреннѣе буду себя чувствовать.

Сунулъ за обшлагъ и пошелъ.

Безъ трехъ минутъ пять Андрей входилъ въ просторныя сѣни деревяннаго дома, безжизненно молчавшаго закрытыми окнами и дверями и въ сомнѣніи остановился передъ лѣстницей на антресоли. Ветхая, какъ столѣтняя старушка, она ненадежно висѣла въ воздухѣ, зіяя черными провалами нѣсколькихъ разсыпавшихся ступенекъ.

Не ошибся ли нотаріусъ?

Какъ бы въ отвѣтъ, наверху что то стукнуло и старушка затряслась ослабѣвшимъ тѣломъ.

Придерживаясь за колыхавшіяся перила, осторожно шагая черезъ провалы, вскарабкался на темную площадку и вошелъ въ открытую дверь.

Присѣвъ на корточки у полуразломанной, кое какъ подштопанной плиты, женщина чистила кастрюлю и на его шаги повернула милое молодое лицо.

— Ничего не могу подать, дѣдушка, — ласково сказала она, — развѣ вотъ лукъ на полкѣ...

Возьми головку, если хочешь, у меня руки грязные.

— Не для себя, для васъ пришелъ, — тихо сказалъ Андрей. — Дома твой мужъ?

Она удивленно вскинула на него лучистые глаза и крикнула.

— Николай, выйди сюда на минутку!

Сдвинулся стулъ. Высокій, тонкій шатень съ лицомъ чеховскаго типа, въ ситцевой рубашкѣ, остановился на порогѣ, молча глядя сквозь очки умными, интеллигентными глазами.

— На этихъ дняхъ къ тебѣ придутъ съ обыскомъ — медленно говорилъ Андрей. — Спрячь Евангеліе, молитвенникъ и всѣ препараты и приборы по своей специальности. Дѣйствуй осторожно, за твоей квартирой слѣдятъ.

Мимолетная судорога пробѣжала по нервному лицу Говорова.

— Откуда ты узналъ, дѣдушка? — Вполголоса спросила молодая женщина.

— Знаю. И не медли. Запомни день и часъ, когда ты увидѣлъ меня.

Говоровъ взглянулъ на ременный браслетъ на рукѣ.

— Пять и три минуты, — машинально отвѣтилъ онъ.

— Тебя арестуютъ, но будь покоенъ, ты вырвешься изъ ихъ рукъ. Прощай.

Выйдя на улицу Андрей сразу перешелъ на противоположный троттуаръ и увидѣлъ въ квадратѣ открытаго окна тонкую фигуру въ ситцевой рубашѣ.

— Куда онъ пошелъ? — взволнованно спросила Говорова.

— Вправо. Забавная исторія... Какъ снѣгъ на голову свалился. Одѣтъ крестьяниномъ, языкъ интеллигентный...

— И не здѣшній. За эти два года, что на базарѣ торгую, всѣ лица попримелькались, а его ни разу не видѣла.

— Да, и мнѣ на глаза такой не попадался. У него что то странное въ лицѣ и говорить такъ торжественно. Чрезвычайно загадочная исторія... И почему онъ пришелъ предупредить?...

Молодая женщина неожиданно разсмѣялась.

— Послушай, а можетъ быть просто помѣшанный? Отсидѣлъ самъ гдѣ нибудь, или сына забрали и забродилъ.

— А эти подробности? Евангеліе, приборы, откуда онъ знаетъ?

— Могъ случайно услышать разговоръ, что былъ обыскъ и нашли то и другое. „Запомни день и часъ“... Увѣряю тебя — ненормальный, не стоитъ волноваться.

Говоровъ подошелъ къ приоткѣ и записалъ карандашомъ: „среда, 5 ч. 3 м.“

— Зачѣмъ это? — спросила она.

— Изъ любопытства. Для чего то онъ посоветовалъ запомнить. — Тутъ кроется что то посложнѣй. Во всякомъ случаѣ, надо сейчасъ же все сложить во что нибудь и отнести Антипычу въ школу. Шутъ его знаетъ... вдругъ сегодня нагрянуть. Приборы, скажи, въ школьный шкафъ поставить, а остальное пусть въ погребъ, что ли спрятать.

Говорова принесла корзинку съ которой ходила на базаръ и аккуратно укладывала, что передавалъ ей мужъ.

— Я еще понимаю — священные книги, но реторты, колбы... Что можетъ быть въ нихъ контръ-революціоннаго?.. — раздумчиво говорилъ Говоровъ.

— Убѣждена, что все скоро назадъ тащить придется, — смѣялась жена. — Они послѣднее время какъ будто притихли.

— Возможно, но предосторожность не мѣшаетъ и вещи отправить надо. Осторожнѣй со склянками, чтобъ не пролилось. Не дѣдъ ли это кого либо изъ учениковъ? — вскрикнулъ онъ. — Можетъ быть, въ семьѣ коммунисты, или знакомство ведутъ, услышалъ и пришелъ предупредить.

— Вотъ это вѣрно — заволновалась молодая женщина и стала торопиться съ укладкой. — Боже мой, Боже мой и чего они хотятъ отъ тебя?..

— Освободить себя отъ русской интеллигенціи, но въ истерику впадать не слѣдуетъ, онъ же сказалъ, что я вырвусь изъ ихъ рукъ. Отсижу, на плохой конецъ, и выпустятъ. Прикрой же чѣмъ нибудь.

— Ну, разумѣется. Отнесу кстати и шелуху для его поросенка. Антипичъ просилъ собирать.

Покрыла газетой, насыпала сверху шелуху и обрѣзки овощей и одѣла полотняный балахонъ.

— На обратномъ пути заверни къ Швецову, черезъ полчаса я тоже къ нему приду. Онъ обѣщалъ достать условія на которыхъ приглашаютъ учителей въ Туркестанъ. И пожалуйста о визитѣ старика никому не рассказывай.

У калитки дома № 6. стояла взлохмаченная дѣвчурка лѣтъ пяти съ выпяченнымъ животомъ и съ ожесточеніемъ сосала голову грязной тряпичной куклы.

— Учитель Швецовъ здѣсь живетъ — спросилъ ее Дмитрій.

Дѣвочка показала пальцемъ на дворъ, вынула изо рта мокрую голову и дѣловито стала вытирать ее подоломъ платица.

— Длова калитъ, — дѣтскимъ баскомъ пояснила она.

Дмитрій вошелъ въ небольшой дворъ въ которомъ оказалось еще два домишка, одинъ впереди другого и остановился возлѣ ширококостаго блондина, коловшаго распиленную сухую акацію. Тотъ вскинулъ лукавыми, веселыми глазами.

— Не хочешь ли подсобить, старина?

— Въ комнату къ себѣ веди, дѣло есть — строго сказалъ Дмитрій.

Швецовъ озадаченно оглянулъ его, подумалъ секунду и, всадивъ въ дерево топоръ, пошелъ къ дому, вытирая потное лицо.

Заложилъ на крючокъ дверь небольшой, чистенькой комнаты и подойдя къ столу сталъ скручивать папироску.

— Ну?..

— На этихъ дняхъ къ тебѣ придутъ съ обыскомъ; спрячь Евангеліе, молитвенникъ, все что есть подозрительнаго. Дѣйствуй осторожнѣй, за твоей квартирой слѣдятъ.

Швецовъ пыхнулъ папиросой и быстро подошелъ къ нему.

— Откуда жъ ты эти свѣдѣнія раздобылъ? Кто тебя подослалъ сюда? — шипящимъ полупотомъ говорилъ, а глаза заострились, какъ гвозди.

— Думаешь, глупѣй тебя людей нѣтъ? Провокацію разводишь, старый чертъ.

— Самъ пришелъ, говорю то, что знаю, въ чемъ ты скоро убѣдишься.

Дмитрій любовался кипучестью молодого, мужицкаго склада, лица.

— Старый прохвостъ! Двумя ногами въ могилѣ стоишь и на такую пакость пошелъ? За бѣлую булку своимъ сѣти разставляешь?.. Нѣтъ у меня ничего подозрительнаго, чего бы надо было прятать. Не боюсь я твоихъ обысковъ.

— Запомни день и часъ, когда ты увидѣлъ меня — показалъ пальцемъ Дмитрій на будильникъ.

Тотъ обернулся.

— Ну, среда, пять часовъ и четыре минуты. Дальше что?

— Тебя арестуютъ, но будь покоенъ, ты вырвешься изъ ихъ рукъ. Прощай.

— А ты запомни, старый Иуда, что если я тебя еще разъ здѣсь увижу, уйдешь безъ бороды, — шипѣлъ Швецовъ, отворяя ему дверь, — такъ и своимъ сволочамъ скажи...

Пошелъ было во дворъ, когда Дмитрій скрылся за калиткой, раскололъ три полѣна, злобно швырнулъ топоръ, вернулся и зашагалъ по комнатѣ, куря папиросу за папиросой.

— Дома? — крикнула въ окно Говорова. — Сейчасъ и мужъ придетъ. Мы назначили свиданіе у васъ.

— Чудесно! — обрадовался Швецовъ, идя ей навстрѣчу. — Вы тутъ посидите, а я во дворѣ самоварчикъ подкачу.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы не надолго. Вы, кажется, достали условія насчетъ Туркестана, онъ хочетъ просмотрѣть на всякій случай. Ну и накурили же вы...

— Разволновался. Только что такая возмутительная сцена разыгралась. А... вотъ и вашъ повелитель.

Мимо окна мелькнула фигура Говорова.

— Я видѣлъ, какъ ты сюда сворачивала, но меня ученикъ остановилъ, — оживленно заговорилъ Говоровъ. — Ну какъ живемъ? Все ли, слава Богу? Вы что то давненько не заглядывали. Двигается дѣло? — указаль онъ головой на домишки во дворѣ.

— Тамъ хорошо, да пронюхали, кажется... А впрочемъ я и самъ не понимаю ничего. Колю, понимаете, на дворѣ дрова, спилили мы тутъ древо-высохшее, входитъ старецъ чрезвычайно живописной наружности, высокаго роста, борода, какъ у Бога Саваоа и таинственно приглашаетъ меня въ мою комнату по важному дѣлу... Вы чего? — удивленно прервалъ, увидя, что Говорова засмѣялась.

— Люда, ты же мѣшаешь, — раздраженно остановилъ мужъ. — Не обращайтесь вниманія, это у нее нервное.

— Вошли; заперъ на крючокъ дверь на всякій случай и насторожился, и онъ, мерзавецъ начинаетъ тономъ пророка: ... на этихъ дняхъ у тебя будетъ обыскъ, спрячь Евангеліе...

Говорова звонко расхохоталась, заразивъ и мужа, который тоже смѣялся.

— Въ чемъ дѣло?... Я ничего не понимаю... Можетъ быть, это съ вашей стороны шутка?.. — обидчиво спрашивалъ Швецовъ, переводя глаза съ одного на другого.

— Иллѣодоръ Ивановичъ... что за фантазія... Скажите, приказывалъ онъ запомнить день и часъ? — сквозь смѣхъ спрашивала Говорова.

— Да. — Швецовъ окончательно растерялся.

— Ну, вотъ видишь, я говорила, что это ненормальный. Въ которомъ часу онъ у васъ былъ?

— Въ пять часовъ четыре минуты.

Смѣхъ разомъ оборвался. Молодая женщина испуганно взглянула на мужа.

— Тутъ какое то недоразумѣніе, — сказалъ Говоровъ, онъ не могъ быть у васъ въ это время. Вы сами смотрѣли на часы?

— Самъ, даже повторилъ вслухъ и пригрозилъ, чтобы въ другой разъ не приходилъ, иначе я съ нимъ раздѣлаюсь.

— Странно... чрезвычайно странно. Ровно въ пять часовъ три минуты онъ былъ у насъ, я даже зафиксировалъ на стѣнѣ, и говорилъ мнѣ тоже, что и вамъ. Значитъ, въ четыре, пять минутъ шестого ушелъ. И я сказалъ женѣ отнести въ школу предметы о которыхъ онъ упоминалъ.

Большая темно синяя муха истерически забила о стекло открытаго окна, заполняя наступившую тишину. Поблѣднѣвшая женщина мрачно слѣдила за ней глазами.

— Николай... я боюсь, — прервала она молчаніе. — То, что онъ сказалъ — будетъ.

— Можетъ быть, — тихо отвѣтилъ тотъ. — Да, но все таки, это какъ то надо объяснить себѣ. — Говоровъ вопросительно смотрѣлъ на Швецова. — Зрительной галлюцинаціи въ одну и ту же минуту у людей, отдѣленныхъ значительнымъ разстояніемъ, не можетъ быть.

— Разскажите, какъ у васъ было.

— Чудеса въ рѣшетѣ, — протянулъ Швецовъ, выслушавъ. О предполагаемомъ арестѣ знаютъ только высшія власти; приказъ отдается за полчаса, такъ какъ они никому въ сущности не довѣряютъ. Съ провокаторской цѣлью могли подослать, чтобы захватить съ поличнымъ, когда будутъ прятать. Но

вотъ вы же благополучно отнесли. Потомъ... двухъ, что ли, подослали? Загримировали одинаково? Какой смыслъ?.. Ничего не понимаю.

— Знаете, господа, есть какой то старецъ и онъ бродитъ всюду, — слабымъ голосомъ заговорила Говорова — и то онъ одинъ, то вдвоемъ, какъ будто въ двухъ лицахъ, такъ похожи. Мнѣ сейчасъ Антипычъ рассказывалъ. Къ нему односельчанинъ пріѣхалъ, такъ тамъ дня три назадъ такой случай былъ. Одинъ крестьянинъ сталъ приставать къ старухѣ матери, чтобъ пошла по сосѣднимъ деревнямъ милостыню собирать, такъ какъ онъ не можетъ кормить ее. Старуха отказывалась, раньше хозяйкой жила, стыдилась. Вотъ входитъ къ нему старикъ и проситъ, крестьянинъ и предложилъ: — бери мою старуху и ходите вмѣстѣ побираться, а ночевать у меня будете. Старикъ согласился, только говорить, выведи ее самъ ко мнѣ, и вышелъ на улицу. Старуха упираться, сынъ силой вытащилъ изъ хаты и подтащилъ къ старику. Хотѣлъ отойти и не можетъ, рука приросла къ рукѣ матери, а старикъ растаялъ. Вся деревня, говоритъ собралась, оттаскивали его, чуть руку не сломали. Священникъ святой водой кропилъ — ничего. Пошли въ Кіевъ на богомолье и полъ села съ ними, такъ вмѣстѣ и идутъ. А въ день смерти Рѣзника два старика были, похожи, говорятъ, другъ на друга такъ, что не различишь и предупредили одного крестьянина, что черезъ два дня Рѣзнику конецъ. И дѣйствительно, къ вечеру они заболѣли, черезъ два дня умерли. Тамъ теперь всѣ возбуждены, молебны Николаю Угоднику служатъ, говорятъ, что это онъ былъ. Странное совпаденіе... И въ тѣхъ двухъ случаяхъ старикъ, и здѣсь...

— Ты бы не была женщиной, если бы не вѣрила въ сверхъестественное, — улыбнулся Говоровъ.

— Теперь къ жизни нашей нельзя подходить съ примитивными, трафаретными критеріями. Мы такъ сверхнастрадались, что у насъ открылись какіе то внутренніе глаза; мы видимъ то, что недо-

ступно остальнымъ, живущимъ по ту сторону. Чудо? — Швецовъ говорилъ какъ будто глядя вглубь себя. — Я вѣрю въ чудо. Всѣ мы видѣли обновленія иконъ, напимѣръ. И его вызвали мы, сами. Сгущенная нервная энергія тысячъ изстрадавшихся людей направленная въ сторону ожиданія, жажды чуда, чтобъ въ немъ почерпнуть силы, увидѣть, что не совсѣмъ брошены, не беззащитны, вызвали его. Вспомните, уже годъ крестьянство толкуетъ про какого то старца, который придетъ и спасетъ. Я не утверждаю, что это именно и есть онъ, котораго ждутъ, у насъ то можетъ разрѣшиться и проще. Но что явится тотъ кого ждутъ — я вѣрю; долженъ явиться.

— Мы естественники имѣемъ дѣло съ чудесами другого порядка, но... я никогда не разубѣждаю — это какъ смотрѣть. А пока, доставайте предложеніе. Мы серьезно думаемъ дернуть отсюда. Читайте вслухъ, что они тамъ сулятъ?

Выйдя отъ Швецова, Дмитрій прошелъ до половины улицы, какъ его окликнулъ мужской голосъ.

— Дѣды!

Съ противоположнаго троттуара рѣзалъ улицу человѣчекъ во френчѣ.

„Голова съ ротный котель“ — усмѣхнулся про себя Дмитрій, вспомнивъ слова Андрея.

— Сидѣлъ у товарища, смотрю, со двора выходишь ты. У Швецова былъ? Федька привычно ощупалъ глазами его лицо.

— Сапожника искалъ; сказывали живетъ на этой улицѣ и беретъ не дорого. Башмаки мнѣ старые подарили, хотѣлъ починку произвести. Зимой въ лаптяхъ не пойдешь. А Швецовъ кто будетъ, сапожникъ?

— Нѣтъ, учитель. Отчего не приходилъ ко мнѣ, я каждый вечеръ поджидалъ.

— Не пришлось. Кажись, и дѣловъ особенныхъ нѣтъ, а времени не фатаетъ.

— Что у тебя голосъ какой то сегодня другой.

Дмитрій закашлялся. Замѣтилъ, шпикъ про-
клятый, — подумалъ.

— Осипъ. Босой по росѣ ходилъ, горло и про-
хватило.

— Зайдемъ сейчасъ ко мнѣ.

— Ну, что жъ. Я сегодня слободенъ.

— Живешь по президенски, — сказала Дми-
трій, когда они пришли.

Большая комната затянутая французскимъ ко-
вромъ была заставлена сборной, стащенной изъ
разныхъ квартиръ мебелью, и англійской кабинет-
ной, и гостиной разныхъ стилей. На стѣнѣ ста-
ринный, вѣроятно, семейный портретъ въ кра-
скахъ молодой дамы въ бальномъ платьѣ.

— Нравится? — самодовольно ухмыльнулся
Федька.

— Дворецъ! Живешь, — помирать не надо!

— За заслуги! Совѣтская власть, братъ, цѣ-
нить труды, это не царское время, — одни тянули
гузъ до седьмого пота, и все въ грязи валялись,
а другіе ни черта не дѣлали, а на золотыхъ блю-
дахъ ѣли и съ жиру лопались. Заслужи, и ты бу-
дешь жить, какъ человѣкъ, — напѣвалъ Федька,
доставая изъ шкапчика свинину, копченую рыбу,
масло, сыръ, бѣлый хлѣбъ.

— Какая съ меня польза? И радъ бы слу-
жить, — ноги не двигаются.

— Никто тебя кули таскать и не заставитъ.
Каждому свое: главное, преданность свою доказать.
Что стоишь? Садись.

Посадилъ за плечи въ мягкое кресло, поло-
жилъ на тарелку и мясо, и рыбу, и налилъ ку-
бышку водки.

— Сперва съ нея начнемъ, а потомъ на на-
ливку перейдемъ. Будь здоровъ. — Опрокинулъ
кубышку, въ одинъ глотокъ проглотилъ.

Дмитрій отхлебнулъ — точно огонь прогло-
тилъ. Спиртъ!

— Ухъ крѣпота...

Федька разсмѣялся.

— Съ перваго разу такъ, потомъ легче пойдеть. Пей.

— Нѣтъ, не могу, не продохнешь.

— Ну отставъ, я выпью, а ты наливочкой забавляйся.

Налилъ, вскочилъ и повернулъ ключъ въ двери.

— Товарищи часто шатаются, не дадутъ по душамъ поговорить. Хороша?

— Расчудесна.

— И валяй; да кушай, не стѣсняйся, меня не объѣшь.

Федька чокнулся и выпилъ оставленную Дмитріемъ водку.

— Да, вотъ ты прошлый разъ говорилъ, что къ бывшимъ господамъ захаживаешь, — сказалъ онъ, подробно рассказавъ какимъ почетомъ пользуется у начальства. — Довѣріемъ ихъ пользуешься, даютъ кое что. А раньше, при Николаѣ, жалѣли они тебя? Много ихъ ласки видѣлъ?

Дмитрій махнулъ рукой.

— Собакѣ своей больше вниманія оказывали. Сволочи они всѣ! Теперя, какъ въ дырявыхъ платьяхъ на табуретки сѣли — „заходи, дѣдушка“! А какъ въ шелкахъ на креслахъ разсиживали, дальше куфни — ни ногой? За человѣка не почитали? Піявицы!

— Такъ ты нашъ? — обрадовался Федька — Нечего съ тобой и бобы разводить. Теперь у насъ съ тобой начисто разговоръ пойдеть. Я думалъ, въ тебѣ прежній рабъ сидитъ, изъ почтенія къ нимъ ходишь.

— Душеньку свою потѣшить хожу. Въ морду насъ сапогами тыкали, послѣднюю силушку выпивали и все не такъ, все не угодишь, и получи теперь. Поглодай сухую корку, постирай бѣлье, помой полы, узнай какъ сладко.

— Ахъ, чортъ тебя возьми!.. Мы съ тобой теперь дѣловъ надѣлаемъ.

Дмитрій незамѣтно выплеснулъ наливку на коверъ.

— Ты къ кому изъ нихъ вхожъ?

— Почитай всѣхъ ихъ, собачьихъ дѣтей, знаю, столько то лѣтъ среди нихъ крутился, а фамиліи сразу не назову, — память слаба стала. Напомни кого...

— Инженера Іевлева знаешь?

— О, какъ не знать, — обрадовался Дмитрій, боявшійся попасть впросакъ. — Всяку недѣлю захожу.

— Спецъ проклятуцій. Намъ, тѣ, что по базарамъ торгуютъ, не страшны. Сидятъ, какъ тараканы въ щеляхъ, лишь бы ихъ не трогали, а вотъ подъ такого бы подкопаться. Пролѣзли въ довѣріе къ совѣтской власти, а за пазухой — камень. Почему въ партію не вписываешься, если признаешь. Морды поотѣбли и опять на первыя мѣста лѣзутъ, у насъ оклады отбираютъ. Образованіемъ задаются! Я дома не построю, или моста не поставлю?.. Еще какъ!

— Въ деревнѣ каждый мужикъ себѣ избу строить, архитектора не приглашаетъ, — поддакнулъ Дмитрій.

Федька замѣтно хмелѣлъ. Глаза заволоклись, на выпукломъ лбу вздулась жила.

— Вотъ тебѣ и работа. Повыуживай, повысмотри нѣтъ ли книгъ какихъ, запомни, кто заходить, властей при нихъ поругай. Они языки быстро развязываютъ, и мнѣ сообщай.

— Это — можемъ. Я думалъ, чего нибудь тяжелаго, а отъ этого не отказываюсь. Письмо какое сцапаю и принесу; у нихъ, бываетъ, по столамъ валяется.

— Вотъ, вотъ. И ничего не бойся. Благодарность получишь, это ужъ я тебѣ ручаюсь. И комнатушку, и кровать мягкую, жалованье... Засыпать. Съ нотаріусомъ знакомъ?

— Сергѣй Палычемъ?... Первые друзья.

— Контръ-революціонеръ! Я его какъ облу- пленнаго знаю. Сынъ — бѣлогвардеецъ, а ходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Библіотека знамени-

тая... А чья она? На-род-на-я! У него насчетъ пи-семъ пошукай. Не ведетъ ли связи съ эмиграціей. Тутъ граница близка, можетъ и не почтой получать, не услѣдимъ. Народу то много топчется.

Федька глоталъ рюмка за рюмкой и все больше хмелѣлъ.

— Или Надька Воробьиха?... А?... Бѣлогвар-дейцева невѣста, первой сволочи, что кровь народ-ную пилъ?... Отецъ — пролетаріатъ по тюрьмамъ гноилъ, а она у насъ... персона?... Видалъ такой мигдалъ? Партіійная!.. Кто отъ нея что слышалъ на засѣданіяхъ? — стукнулъ онъ кулакомъ по сто-лу, уткнувшись въ Дмитрія безсмысленными гла-зами. — Въ чемъ ея заслуга?... Съ Ярославскимъ спить?... У своихъ не нашелъ?... — бросилъ похаб-нымъ словомъ. — У буржуекъ слаще?... Закрутила и командуетъ, противъ вѣрныхъ слугъ республики вооружаетъ. Раньше безъ товарища Шаповалова ни шагу, а какъ снюхался съ ней: у васъ, говоритъ, старанія много, да мозговъ мало... Это у меня то?... А?... И все она. Чуетъ, что я ее насквозь вижу и сплавить норовить... Выкусишь!.. Какъ бы тебѣ съ твоимъ галичаниномъ куда не прокатиться... Мнѣ бы только ихъ захватить... Я... покажу... да...

Сверкнула соблазнительная мысль.

— Я у нея въ саду живу, въ банькѣ разру-шенной. Я тебѣ такой сюжетъ предоставляю.

— Да... н-ну-у... — промычалъ Федька.

— Вѣрное слово. Идемъ сейчасъ ко мнѣ, они какъ разъ въ эту пору на верандѣ любовью про-хлаждаются. Я тебѣ мѣстечко какъ разъ противъ предоставляю. Двигай.

Уставился осовѣвшими глазами, сисясь со-образить, привсталъ и грузно шлепнулся въ кресло.

— Завтра... Сейчасъ не могу... темно... Я не упущу... я покажу... чѣмъ она партійная... Я ее... погоди... я тебѣ загну... — Поднялъ кубышку, со-бираясь запустить въ окно, но Дмитрій ловко пе-рехватилъ, вырвавъ изъ рукъ. Тоненькая бумажка

выпала изъ обшлага на столъ. Онъ съ недоумѣніемъ взялъ ее.

Ахъ, чертъ... совсѣмъ было забылъ!

Федька обоими локтями навалился на столъ.

— Таньку Оконскую... знаешь?.. Аристократочка!.. Бѣленькая... какъ поросеночекъ... Приволоки сюда... Озолочу!.. Давно слюнки текутъ... Я на ней... потанцую немного... — пьяно, слюняво захихикалъ. — Покуражится... съ перваго разу... Ничего... Попробуетъ... во вкусъ войдетъ... Приволокешь?.. А?.. Дѣдъ?.. — съ трудомъ ворочалъ тяжелымъ языкомъ.

— Могу сейчасъ привести, она тутъ недалеко.

Дмитрій всыпалъ бѣлые кристаллики въ недопитую рюмку и размѣшалъ концомъ вилки.

— Тащи... сукину дочь... Ступай!..

— Сперва выпьемъ для куражу и пойду за ней. — Дмитрій протянулъ приготовленную рюмку.

Федька взялъ, посмотрѣлъ и безпомощно поставилъ на столъ.

— Пей, а то не пойду. Ну? Тутъ три капли осталось. Чтобъ удача вышла — настойчиво протягивалъ Дмитрій рюмку, съ трудомъ сдерживая волненіе.

Внизу раздались громкіе голоса; застучали каблукі по ступенькамъ лѣстницы.

— Това... рищи... вмѣстѣ... разо... распьемъ.

Загудѣла комната отъ звона въ ушахъ.

— Эту самъ выпей, или не увидишь Таньки... Скорѣй... глотай, пока не вошли — нервно твердилъ Дмитрій, не слыша отъ шума въ ушахъ своего голоса, а самъ, за его спиной быстро срывалъ бороду, парикъ, снялъ свитку и дрожащими, волнующимися руками свертывалъ въ нее все, вмѣстѣ съ шапкой, стараясь сдѣлать свертокъ меньше.

Дверь рванулась.

— Эй, товарищъ Федоръ, чего заперся, отвори.

— Влѣ... зай — не... заперта... — Федька икнулъ и уронилъ голову на столъ.

— Пей!

Дмитрій держалъ рюмку у рта засынавшего Федьки. Тотъ приподнялъ голову, въ сузившихся глазахъ прошла мгновенная тѣнь удивленія. Протянулъ руку по столу, какъ бы отстраняя что то. Темно-красная струйка поползла изъ опрокинувшейся бутылки.

— Товарищъ Федоръ!.. Съ дѣвочками забавляешься, что ли? Такъ мы помочь пришли, — басилъ голосъ, колотя въ дверь.

— Отвяжись... такъ тебя и такъ... — бормоталъ Федька.

Дмитрій притянулъ его за шею, стараясь силой влить и Федька, придерживая ослабѣвшей рукой, покорно, съ гримасой отвращенія выпилъ.

— Воняетъ...

Дмитрій быстро отперъ дверь и всѣмъ тѣломъ шатнулся на двухъ товарищей.

— Ишь, нализался, чортъ, — съ завистью замѣтилъ одинъ.

Дмитрій дернулся къ двери.

— Куды, парень, вертай назадъ, мы поддержимъ компанію, — ухватилъ его за рукавъ ближайшій.

Но онъ мотнулъ головой и открывъ ротъ, сдѣлалъ конвульсивное движеніе горломъ прямо на него. Тотъ испуганно отшатнулся.

— Пропусти! Заблюетъ! — вскрикнулъ другой. — Пусть на площадкѣ опростится.

— Наугощался съ землякомъ? — дернулъ за плечо уткнувшагося головой въ столъ Федьку.

Тотъ откинулся въ кресло и захрипѣлъ. На искривленныхъ судорогой губахъ проступила пѣна.

— Облопался, сукинъ сынъ! Сыпни, что ль, воды на голову, вонъ графинъ.

Федька судорожно схватился за грудь съ болѣзненной гримасой. Дернулся, хватая ртомъ воздухъ. Застеклились неподвижно уставившіеся глаза. И застылъ въ неудобной позѣ, припавъ тѣломъ къ ручкѣ кресла.

Прыгая через три ступеньки Дмитрій выскочилъ изъ подъѣзда и крупно зашагалъ, стараясь припомнить дорогу.

— Товарищ!.. эй!.. товарищъ... стой... — донеслось сзади.

Перемахнувъ черезъ улицу, онъ бросился бѣжать. Двѣ фигуры шедшія навстрѣчу испуганно шарахнулись на мостовую.

Стукнулъ выстрѣлъ.. другой... Близко прозвенѣла пуля...

Дмитрій бѣжалъ, напрягая всѣ мускулы. Шумѣлъ воздухъ въ ушахъ, бѣшено билось сердце толчками отдаваясь въ горлѣ, было трудно дышать и онъ громкими хлипками глоталъ воздухъ.

— Держи-и — отдаленно слышалъ за собой. Снова выстрѣлъ. Рѣзко засверлили воздухъ пронзительные свистки милиціонеровъ. Топотъ догоняющихъ ногъ гулкимъ ужасомъ подхлестывалъ, и временами казался такимъ близкимъ, что онъ инстинктивно втягивалъ шею между плечъ, ожидая схватывающей руки.

— Третій поворотъ, третій поворотъ — стучало въ головѣ въ темпѣ бѣга, но не могъ вспомнить сколько кварталовъ пробѣжалъ и наугадъ свернулъ въ темную боковую улочку, чтобы не слышать преслѣдующаго гула. Пробѣжалъ немного и остановился задыхаясь. Пылало лицо отъ бившейся толчками горячей крови, дрожали колѣни. Неужели достанется живымъ? Надо было подѣлать порошокъ. Забѣжать въ первый дворъ и залечь въ углу? — Быстро оглянулся и вдругъ узналъ улицу.

Недалеко, за первымъ поворотомъ — калитка.

Уже не видя ничего передъ собой, въ кружащемся туманѣ ринулся впередъ и когда добѣжалъ и заперъ за собой калитку, тутъ же повалился на траву, придерживая рукой прыгающее сердце.

Андрей страшно волновался ожидая Дмитрія. Что могло случиться? Неужели бродить по городу, разыскивая улицу?

Нѣсколько разъ выходилъ за калитку собираясь пойти навстрѣчу и возвращался назадъ.

Куда итти? Еще разминемся. Разыщетъ въ концѣ концовъ, не маленькій, успокаивалъ себя. Но когда начало темнѣть, онъ потерялъ надежду.

Вляпался... Пришелъ къ моменту обыска и арестовали. Эхъ, растяпа! Долженъ былъ замѣтить солдатъ... Могъ, наконецъ, нищимъ притвориться... упрекалъ онъ Дмитрія и тутъ же представлялъ его окруженнымъ и метался въ острой тоскѣ, обдумывая, какъ выручить.

Точно зашуршала трава подъ осторожными шагами. Остановился прислушиваясь у двери и отшатнулся. Въ баню входилъ высокій парень.

— Не узналъ? — слабо улыбнулся Дмитрій.

Андрей бросился къ нему, какъ обрадованный ребенокъ.

— Я уже хоронилъ тебя! Но почему такъ?.. А борода... шапка?

Дмитрій бросилъ свертокъ на лавку.

— Все тутъ. Насилу ноги унесъ, второй блинъ чуть не вышелъ комомъ. Сперва воды... Горло пересохло.

Дмитрій громко, жадно глоталъ воду.

— Фу!.. — и вытянулся на банной полкѣ. — До сихъ поръ колѣни дрожатъ. Федька твой приказалъ долго жить. Бралъ порошокъ себѣ, а пригодился ему. Все — Его Величество случай, самъ къ себѣ затащилъ. Погаси, голубчикъ, огонь, нервы такъ натянулись, что свѣтъ раздражаетъ...

Андрей сидѣлъ въ ногахъ пріятеля и слушалъ, глядя блестящими глазами въ темноту.

Въ городѣ въ это время бурлила тревога.

Товарищи, замѣтившіе издали какъ парень нырнулъ за поворотъ, бросились за нимъ. Обща-

рили улицу, освѣщая ручными фонарями сосѣдніе дворы; спустились къ берегу... Какъ въ воду кануль!

Услышавъ выстрѣлы и бѣготню, изъ всѣхъ оконъ высматривали любопытныя, встревоженныя лица, но никто не рѣшался выйти на улицу спросить.

На веранду донесся изъ комнаты рѣзкій, длительный звонокъ телефона.

— Вѣроятно тебя, — сказала Наденька и сбавошли въ домъ.

— Товарищъ Ярославскій здѣсь? — оглушилъ взволнованный выкрикъ Рѣзника.

Наденька, не отвѣчая, передала ему трубку.

— У телефона?

— Страшное несчастье! Погибъ товарищъ Шаповаловъ.

— Гдѣ?.. — вскрикнулъ Ярославскій. — При какихъ обстоятельствахъ?

— У себя на квартирѣ. Въ восемь часовъ вечера къ нему зашли товарищи Ганукъ и Ярошко. Дверь была заперта, стали стучать, открылъ какой то деревенскій парень. Въ комнатѣ безпорядокъ, на столѣ опрокинутая бутылка, Шаповаловъ бился въ агоніи и черезъ секунду скончался — испуганнымъ голосомъ кричалъ Рѣзникъ.

— Парень допрошенъ?

— Скрылся, нагнать не могли.

— Какъ же они... — сложно выругался Ярославскій, — выпустили?

— Притворился пьянымъ, вышелъ на площадку и бѣжалъ. Докторъ констатировалъ аневризъмъ сердца, вѣроятно, дѣйствіе сильнаго яда. Дѣлаетъ анализъ.

— Сейчасъ пріѣду, вышлите автомобиль.

Заложивъ руки за спину, Ярославскій мѣрилъ коверъ своими длинными ногами, низко свѣсивъ голову. Наденька не сводила съ него напряженныхъ какой то мыслью глазъ.

— Два... Значитъ будетъ и третій, — прошелѣбла она.

— Почему? — не поднимая головы, не замедляя шага, спросилъ онъ.

— Если было два одинаковыхъ случая, непременно будетъ третій.

— Коммунистка страдающая неизлѣчимой отрыжкой прошлаго? — насмѣшливо бросилъ онъ.

— Это не суевѣріе, а наблюденіе. Жизнь не такъ проста, какъ тебѣ кажется. Въ ея пестромъ узорѣ есть таинственные, непонятные намъ, знаки и надъ ней трудно мудрить. Ты можешь перерисовать общій узоръ, но эти знаки останутся. Мы безсильны передъ ними, потому что они еще не разгаданы.

Вдали зашумѣлъ автомобиль и смолкъ у подъѣзда.

— Если этимъ третьимъ буду не я, я выведу въ расходъ три тысячи — за каждую голову по одной, чтобъ залить кровью таинственные знаки и утопить ихъ въ ней, — съ угрожающей жестокостью сказалъ онъ.

— Жизнь не любитъ крови, она мститъ за нее.

Ярославскій остановился передъ Наденькой, на лбу вздулась поперечная жила.

— Жизнь боится крови. Развѣ не кровью завоевали мы ее? И вѣдь жизнь — это мы, сильные, шагающіе по трупамъ. Остальное — слякоть! Хочешь, поѣдемъ вмѣстѣ туда?

— Нѣтъ.

Онъ поцѣловалъ ея ладонь, надвинулъ фуражку на глаза и быстро вышелъ.

Наденька прошла на веранду. Стояла, всматриваясь въ звѣзды, дрожавшія надъ темнымъ, спящимъ садомъ.

Кровью завоевали жизнь, — мысленно повторила и вздрогнула, точно впервые узнала. Мститъ... мститъ за все... Даже за счастье. Сжала виски.

— Не надо... Не надо думать... — сказала вслухъ и спустилась внизъ. Осторожно пробиралась, чтобъ не зацѣпиться за вѣтки. Подошла къ

маленькой двери, безшумно осмотрѣла ее рукой. Заперта изнутри, — дома.

Прильнула ухомъ, слышала полусонный голосъ, но словъ не могла разобрать.

Во снѣ съ мыслями разговариваетъ.

Хотѣла постучать... Нѣтъ... Пусть спитъ старый, счастливый чудакъ.

Щемящая тоска обняла, когда вернулась въ домъ. Мертвыми казались нарядныя комнаты. По новому смотрѣли старыя вещи, среди которыхъ росла съ ранняго дѣтства. Подстерегающе молчали, холодно, враждебно поблескивая. Стало страшно одной, точно въ каждой комнатѣ стоитъ покойникъ. Прошла въ кухню. Темно, пусто. Какъ только вечеръ, убѣгаетъ кухарка Поля — романъ. Безцѣльно побродила изъ одной въ другую и опустилась у рояля. За эти годы — не притрагивалась. Съ трудомъ повернула ключъ и нервно вздрогнула. Гулко щелкнулъ замокъ и отвѣтно зазвенѣли долго молчавшія струны. Боязливо взяла аккордъ. Вздохнули басы и разбудили тишину. Отвыкшіе пальцы медленно заходили по клавишамъ. Лѣнясь встать, отыскать знакомыя ноты, Наденька фантазировала, переплетая обрывки припоминавшихся мелодій.

Потеплѣли комнаты, стали близкими, уютными. Ожили, зашевелились родныя тѣни, вышли изъ угловъ и наполнили домъ.

Не было прожитаго ужаса, — снилось въ страшномъ снѣ.

За стѣной, въ кабинетъ, слышатся шаги отца... Близко жгутъ лаской два мерцающихъ молодымъ счастьемъ темно-голубыхъ огня. У самага уха напѣваетъ, перефразируя, милый, любимый голосъ:

„Все бы я въ твои глаза глядѣлъ,

„О любви своей — всю ночь бы пѣлъ“...

— Дѣти!.. Динуша, Андреечка, чай стынетъ!.. — ласково зоветъ изъ столовой мама.

Ахъ!..

Грубо, съ размаху ударилъ кулакъ по пожелтѣвшимъ клавишамъ. Раздирающе крикнулъ рояль... Разбѣжались, въ стѣны вдвинулись, испугнутыя тѣни.

Медленно ползла по главной улицѣ торжественная похоронная процессія. Открытый красный гробъ, красныя знамена, красныя вѣнки. Насупилось темное, съ кулачокъ, лицо; совсѣмъ вдвинулось подъ рѣзче обозначившуюся черепную коробку, додумывая послѣднюю думу.

„Вы же-ертво-ою пали борьбы ро-ко-вой“...

Сверкали солнечными бликами трубы военного оркестра впереди. За гробомъ власти въ рядъ. Журавлемъ выступаетъ тонконогій Ярославскій; тяжело несетъ ожирѣвшее тѣло Рѣзникъ. Красный прокуроръ, бывшій раввинъ, Яковлевъ, худой, плюгавый, сѣменить, не попадая въ тактъ музыкѣ, съ брезгливой гримасой на лицѣ. Понуро шагаетъ предсѣдатель Совнархоза Серебряковъ, съ длинной, художественной шевелюрой, курчаво дыбящейся отъ вѣтерка. Нѣсколько женщинъ. Среди нихъ Наденька, рѣзко выдѣляющаяся элегантною фигурой.

Лица мужчинъ озабоченныя; докторъ обнаружилъ въ остаткахъ рюмки цѣанистый кали. Чернымъ облакомъ обволакивается тревога. Таинственный парень ускользнулъ и, быть можетъ, стоитъ теперь въ этой толпѣ, намѣчая новую жертву. Надъ каждымъ виситъ мечъ, кругомъ враги. Острые глаза сурово обѣгаютъ лица выглядывающихъ изъ оконъ, шпалерами стоящихъ на троттуарахъ, стараясь уловить тѣнь торжества. Прячутъ замороженные терроромъ люди злобную радость, глядя на красный гробъ. Темное облако тревоги окутываетъ и ихъ, — сверлятъ змѣиные, испытующіе глаза. Пойдутъ обыски, аресты, будутъ хватать десятаго, трусливо торопясь запугать, задушить.

Говоровъ и Швецовъ, возвращаясь изъ школы, издали, изъ переулка, наблюдали процессію.

— Въ пять часовъ старикъ былъ у насъ, въ восемь, этого же вечера, погибъ Шаповаловъ, — задумчиво говорилъ Швецовъ.

— Вы связываете эти событія? — спросилъ Говоровъ. — Но у Шаповалова былъ какой то парень...

— А вамъ не кажется, что старикъ зналъ, что это будетъ? — вопросомъ отвѣтилъ Швецовъ, — и знаетъ еще многое, что скрыто отъ насъ. Онъ не выходитъ у меня изъ головы. Сегодня утромъ я предупредилъ мою группу, чтобы установили наше алиби въ случаѣ ареста. Они видѣли, что я былъ дома и вы ушли отъ насъ послѣ девяти.

— Чудачина вы такая! Нужно этимъ мерзавцамъ алиби!

— Съ рабочими они какъ ни какъ считаются. Мои постановили забастовать, если на ихъ заявленіе не обратятъ вниманія. Я имъ рассказалъ о старикѣ и среди нихъ большое смущеніе; толкуютъ, строятъ предположенія и каждому хочется увидѣть въ странникѣ не просто контръ-революціонера, а высшую, сверхъестественную силу.

— Жена говоритъ, что на базарѣ цѣлыя легенды плетутъ. Милиціонеръ утверждаетъ, — его теща рассказывала, она тамъ свининой торгуетъ, что когда началась погоня, парень набѣжалъ прямо на него и онъ далъ два выстрѣла. Первый — въ упоръ, а второй — въ трехъ шагахъ въ спину, и своими глазами видѣлъ, какъ пули „крозъ прошли“ и впились куда то въ стѣну. Затѣмъ, на поворотѣ товарищъ, будто бы, поймалъ его за плечо, но онъ ушелъ въ землю, а у того рука покрылась чѣмъ то бѣлымъ, вродѣ снѣга.

— Тоска по чудѣ.

— Признакъ безсилія. У кровати безнадежно больного говорятъ: „только чудо можетъ спасти“...

Процессія сворачивала съ главной улицы.

Въ скверѣ противъ большого собора поставили гробъ у края выжидательно зіявшей могилы и начались рѣчи.

Нѣсколько словъ о преждевременной смерти вѣрнаго работника рабоче-крестьянской власти сказалъ Рѣзникъ.

Долго и нескладно говорилъ Ярошко, близкій пріятель покойнаго, усердно повторяя понравившееся ему слово „рьяный“, которое онъ недавно вычиталъ.

— Ты рьяно служилъ, рьяно исполнялъ за-вѣты Ильича, ты былъ бичемъ кровопійць буржуевъ и за нихъ скроетъ тебя сейчасъ земля — выкрикивалъ товарищъ, отчаянно вращая глазами, поминутно обтирая лобъ большимъ грязнымъ платкомъ. — Твой убійца скрылся, но пусть не безпокоится твой честный прахъ, убійца не уйдетъ отъ нашихъ рукъ. Тѣ, кому ты такъ вѣрно служилъ не успокоятся до тѣхъ поръ, пока гнусная кровь контръ-революціонера не напоитъ земли, которая напоена твоей честной, пролетарской кровью.

Заколотили гробъ, опустили въ могилу и стали забрасывать землей подъ звуки интернаціонала.

Ярославскій уѣхалъ вмѣстѣ съ Наденькой.

Дмитрій давно дежурившій на всякій случай подъ заборомъ, прильнулъ къ проверченной имъ дыркѣ, чтобы еще разъ присмотрѣться къ лицу чекиста.

Они разговаривали у подѣзда пока автомобиль дѣлалъ кругъ, чтобы завернуть. Освѣщенный солнцемъ Ярославскій стоялъ лицомъ къ забору и Дмитрій видѣлъ даже тонкую сѣть морщинъ подъ глазами.

— Оба говорятъ, что совершенно незнакомое лицо, запомнили хорошо, при встрѣчѣ узнали... — долеталъ до него голосъ Ярославскаго.

Что то тихо проговорила Наденька.

— Нѣтъ, не могу — услышалъ опять, — Рѣзникъ настаиваетъ на отпускѣ, уже подалъ заявле-

ніе, собирается послѣ завтра, самое позднее въ четвергъ ѣхать. Завтра въ канцелярію можешь не приходить, пріемъ отмѣненъ, буду у тебя послѣ шести, — громко сказалъ Ярославскій, садясь въ автомобиль и укатилъ.

Андрей перенесшій въ два пріема костюмы заволновался, когда Дмитрій передалъ подслушанный разговоръ.

— Значить завтра, какъ только онъ явится сюда, откладывать нельзя.

Оба углубились въ писаніе прокламацій.

Что это?.. Какъ будто музыка?..

Андрей вышелъ за порогъ.

Изъ дому, черезъ полуоткрытую на веранду дверь неслась „Пѣснь венеціанскаго гондольера“ — Мендельсона. Знакомая, любимая пѣснь. Бурно мечутся басы. — Кричитъ пламенное молодое сердце оскорбленное измѣной любимой, негодуешь, угрожаешь, злобно хохочешь надъ собой, проклиная обманувшую грезу. — И изливъ первое отчаяніе устало обрываются. Задумчиво тоскливо вступаютъ среднія ноты, рассказывая о радостяхъ недавняго счастья и роняютъ хрустальныя слезы дисканты жалобно, безнадежно призывая.

Андрей сумрачно смотритъ на обросшую дорожку мимо бесѣдки.

— Я не боюсь за тебя... я вѣрю, такъ вѣрю, что ты уцѣлѣешь — и все таки... мнѣ кажется, что кто то отнимаетъ тебя, и мы не увидимся больше. Андреечка, неужели ты забудешь меня?..

Впервые, какъ встрѣтилъ здѣсь, на неуловимо короткое мгновеніе всплыло прошлое и защемило тоской.

— Оплевала, — жестко говоритъ онъ вслухъ, тщательно закрываетъ обѣ двери и принимается за работу.

Рѣзникъ писалъ письмо женѣ о смерти Шопалова, увлекаясь драматическими описаніями собственныхъ переживаній.

Тихо было на аристократической улицѣ съ рѣдкими особняками бывшей губернской знати, съ вычурными цвѣтниками на улицу. Беззвучно и въ домѣ. Мать жены ушла въ гости, прислуга на кухнѣ и онъ нервно вздрогнулъ, когда кто то окликнулъ его. Не выпуская пера, подошелъ къ открытому окну. На троттуарѣ стоялъ Ярославскій.

— Вы заняты, товарищъ Рѣзникъ? Я не надолго, у меня срочное дѣло.

— Что такое занять? Дѣло есть дѣло; я всегда къ вашимъ услугамъ — и торопливо прошелъ въ переднюю, отворяя дверь.

— У васъ въ сосѣдней комнатѣ никого нѣтъ? — спрашивалъ Ярославскій, задерживаясь на порогѣ. — Насъ никто не услышитъ? Дѣло чрезвычайно секретное.

— Входите, входите — никого нѣтъ. Теща пошла въ гости развлечься немного, прислуга въ кухнѣ, на другомъ концѣ, безъ звонка не входитъ.

Рѣзника поразила какая то перемѣна въ лицѣ Ярославскаго и онъ откровенно уставился на него.

— Что вы такъ смотрите на меня? — спросилъ тотъ.

— Вы смотрѣлись на себя въ зеркало? Васъ таки тоже хорошенько потрепали эти событія, вы въ два дня какъ то перемѣнились, а мнѣ не довѣряете, когда я говорю, что если не поѣду отдыхать, такъ я конченъ, какъ работникъ. У васъ даже голосъ перемѣнился.

— Перемѣнится! Дѣло гораздо серьезнѣй, чѣмъ я предполагалъ. Обстоятельства выясняются угрожающія.

— Что вы говорите? — перепугался Рѣзникъ. — Получили новыя свѣдѣнія?

— Сегодня, возвращаясь со службы, нашелъ на улицѣ оброненную къмъ то бумагу и пришелъ, чтобъ вы помогли мнѣ расшифровать ее. Несомнѣнно планъ террористическихъ актовъ, есть, между прочимъ, и ваша фамилія.

— Моя?.. — придушенно вскрикнулъ Рѣзникъ. — Такъ надо же сейчасъ же что нибудь предпринять, иначе они перебьютъ насъ какъ воробьевъ. Откладывать нельзя. Не думайте, что я о себѣ, я завтра днемъ, а можетъ быть, даже сегодня ночью уѣзжаю, я уже все передалъ Гольдбергу, но это же интересъ республики.

Его лицо пожелтѣло, нижняя губа совсѣмъ отвисла.

— Разсмотримъ и обсудимъ.

Ярославскій вынулъ изъ бокового кармана сложенный листъ и неторопливо разложилъ на письменномъ столѣ.

— Внимательно и не торопясь ознакомьтесь, чтобы охватить его полностью. Это, какъ будто, схема. Видите? Надъ верхней точкой имя и фамилія вашего покойнаго брата, отъ нея — линія и точка, фамилія — Шаповаловъ, а слѣдующая — ваша. Меня интересуютъ знаки на линіяхъ; можетъ быть, это даты когда должны совершаться акты, тогда легко устроить засаду и схватить.

Онъ уступилъ мѣсто Рѣзнику, ставъ за его спиной.

Рѣзникъ низко наклонился надъ листомъ, водя пальцемъ и вполголоса разбирая надписи.

Изъ рукава френча сверкнулъ длинный кинжалъ. Спокойно, стараясь точно опредѣлить мѣсто сердца, Андрей съ размаху всадилъ до рукоятки кинжалъ подъ лѣвую лопатку. Рѣзникъ хлипнулъ и упалъ лицомъ на столъ, дергаясь мелкой, конвульсивной дрожью. Андрей дважды повернулъ кинжалъ и не вынимая, чтобы не забрызгаться кровью, вышелъ захлопнувъ за собой дверь и медленно пошелъ. Торопливо уступали дорогу встрѣчные. Два красноармейца почтительно вытянулись, проходя; замеръ милиціонеръ, дежурившій на улицѣ: Андрей шелъ размѣреннымъ шагомъ, небрежно играя стѣкомъ.

Безсильно сползло мертвое тѣло со стола и

грустно упало на коверъ. Изъ намякшаго пиджака расползалось темное пятно.

Въ десять вечера теща Рѣзника возвращалась домой и удивилась, увидя неосвѣщенные окна.

Неужели такъ рано легъ спать, а говорилъ — много работы.

— Моисей Ароповичъ дома? — спросила, проходя чернымъ ходомъ черезъ кухню. Компанія играла въ карты.

— Не знаю, не звонилъ.

Старуха зажгла электричество, подошла къ спальнѣ и постояла прислушиваясь. Дыханія не слышно. Приоткрыла дверь. Въ полосу свѣта изъ сосѣдней комнаты забѣлѣла широкая двуспальная кровать грудой пухлыхъ подушекъ.

Заглянула въ темный кабинетъ. Никого. Вѣрно вызвали по дѣлу.

Тяжело вздыхая пошла съ свою комнату. Долго безпокойно ворочалась въ жаркой перинѣ, перебирая въ умѣ тревожные рассказы, слышанные въ гостяхъ.

Не даютъ жить спокойно, охала старуха, и что имъ не хватаетъ проклятымъ? Помогли Ивану отдѣлаться отъ Николая, такъ каждый Иванъ захотѣлъ стать панъ, — вспомнила прибаутку Розочки, сестры Моисея. Терроръ?.. Прекрати его сегодня, такъ они завтра погромъ сдѣлаютъ. А мало при Николаѣ казацкихъ нагаекъ было? Почему онъ вкуснѣе теперешнихъ?

А въ глубинѣ заточилъ старый червякъ, котораго старательно прятала, чтобы не разсердить.

Не будетъ добра, охъ, не будетъ. Какъ ни жили, а жили, одни себѣ хорошо, другіе плохо. Развѣ и теперь не такъ? Дѣлали деньги, торговлю вели, дома строили, каждый Богу молился и никто тебѣ не мѣшалъ. Спокойно спали и никого не боялись. А все молодежь! Захотѣла власти. Обидно стало, все такіе умные, талантливые... Какая власть, когда кругомъ тебя ненавидятъ? Зачѣмъ теперь власть Бо-

руху, когда онъ въ землѣ гниетъ? На что была власть моему старому Рувиму, когда онъ такіе гешефты дѣлалъ, что весь уѣздъ и самъ исправникъ у него въ карманѣ сидѣли? Когда у тебя деньги, такъ у тебя уже и власть... И все прислушивалась, не стукнетъ ли дверь спальни.

Глубокая ночь... Онъ же такой осторожный, гдѣ онъ могъ задержаться? А можетъ поѣхалъ въ ресторанъ?.. Такъ зачѣмъ онъ мнѣ сказалъ, что теперь лучше не выходить изъ дому и онъ же хочетъ завтра къ Сарочкѣ ѣхать — сонно проползали мысли въ старой головѣ.

Брызнули розовые лучи и задрожала отъ счастья земля, радостно потянувшись каждой травинкой къ проснувшемуся солнцу.

Старуха вздрогнула и съѣла на кровать. Простучали шаги, можетъ это онъ пришелъ. Торопливо сунула ноги въ туфли и зашаркала, шатаясь отъ сна, какъ лежала — въ ночной рубахѣ. Въ столовой столкнулась съ бѣжавшей изъ кабинета кухаркой.

Съ бѣлымъ, какъ мѣлъ, лицомъ, съ глазами переполненными ужасомъ, женщина схватила ее за руку, стуча зубами, безсвязно забормотала, указывая на кабинетъ и опрометью бросилась въ кухню.

На коврѣ, въ полусогнутой позѣ, головой къ ножкѣ письменнаго стола, лежалъ Рѣзникъ. Зако-рузла отъ черной засохшей крови бѣлая фланель пиджака.

Задрожала улица отъ нечеловѣческихъ воплей. Обезумѣвшая старуха рвала на себѣ волосы съ криками метаясь по крыльцу.

Черезъ десять минутъ недоспавшія власти, съ отеками отъ прогульной ночи лицами, толпились въ кабинетѣ. Растерянные, перепуганные смотрѣли издали на лежавшій трупъ, съ содроганіемъ отводя глаза отъ запекшейся на коврѣ кровавой лужи. Близко не подошелъ ни одинъ. Люди, подписавшіе тысячи смертныхъ приговоровъ, лично пытавшіе,

присутствовавшіе при разстрѣлахъ, боялись мертвеца.

Вызванный докторъ обнаружилъ кинжалъ.

— Великолѣпная сталь, — разсматривалъ онъ, смывъ кровь, выгравированный рисунокъ. — Шикарная вещь, большихъ денегъ стоитъ.

Всѣ столкнулись головами надъ кинжаломъ, избѣгая прикоснуться къ зловѣще поблескивающему клинку, молча переглядываясь, скованные ужасомъ. И только, когда тѣло Рѣзника вынесли на коврѣ въ столовую, окружили Ярославскаго.

— Вчера ядъ, сегодня кинжалъ, что это будетъ?

— У васъ же въ рукахъ аппаратъ, вы во главѣ ГПУ?

— Какъ это, чтобы никого не поймать, вѣдь это же не духи работаютъ, значить плохо ведется наблюденіе.

— Надо, чтобы съ десяти часовъ вечера возлѣ квартиры каждаго отвѣтственного работника была поставлена сильная охрана.

Ярославскій нервно кусалъ ногти; холодные глаза свѣтились напряженно работавшей мыслью.

— Заканчивайте съ осмотромъ комнаты, не теряя минуты. Оттуда на секретное совѣщаніе, тамъ обсудимъ, — отрывисто бросилъ онъ и подошелъ къ письменному столу, собирая въ портфель лежащія сверху бумаги.

Обратили вниманіе на сткрытое окно. Вызванная кухарка показала, что до десяти вечера играла въ кухнѣ въ карты съ двумя красноармейцами и знакомой дѣвушкой. Въ домѣ было все спокойно, ни шума, ни криковъ никто не слышалъ. Утромъ вошла убирать кабинетъ. Окно было открыто, на коврѣ лежалъ убитый Рѣзникъ, въ комнатѣ полный порядокъ, ни одинъ стулъ не сдвинуть, входная дверь защелкнута. Тоже подтверждала и громко причитавшая старуха теща.

— Убійца вошелъ и вышелъ въ окно, — съ компетентной важностью объявилъ красный слѣ-

дователь, въ царское время служившій на мельницѣ стараго Рѣзника счетчикомъ и пріемщикомъ мѣшковъ.

Осмотрѣли цвѣтникъ. Ни одного смятаго цвѣтка, никакихъ слѣдовъ на желтомъ пескѣ.

— Ступаль босыми ногами, тогда не дѣлають слѣдовъ, — объяснилъ слѣдователь.

Между нимъ и враждовавшимъ съ нимъ прокуроромъ загорѣлся неистовый споръ.

— Хотя у васъ въ этомъ и имѣется опытъ, но мы вамъ на слово не вѣримъ, — злобно язвилъ прокуроръ. — Идите вы, ступите босыми ногами, мы посмотримъ какъ вы не сдѣлаете слѣдовъ.

— Зачѣмъ мнѣ ходить, когда я и такъ знаю. И это вовсе не моя обязанность. Я вамъ не какойнибудь демонстрантъ, а слѣдователь.

— Вы только немного подумайте. Противъ окна письменный столъ, такъ?

— Это я и самъ вижу.

— А за этимъ столомъ сидѣлъ Рѣзникъ. Такъ онъ бы себѣ спокойно сидѣлъ и ждалъ пока убійца прыгнетъ черезъ заборъ, влѣзетъ въ окно, съ окна на столъ, потомъ прыгнетъ на полъ и дастъ ему ударъ въ спину? Вы себѣ такъ представляете?

— Въ окно нельзя, дверь заперта, — откуда онъ попалъ въ комнату? Какъ вы себѣ представляете? И почему вы знаете, что Рѣзникъ сидѣлъ за столомъ? Вы видѣли?

— Это я вамъ объясню на засѣданіи.

— Съ момента смерти прошло не менѣ двѣнадцати часовъ, такимъ образомъ, товарищъ Рѣзникъ былъ убитъ около восьми часовъ вечера, — заявилъ врачъ, окончивъ детальный осмотръ трупа.

Въ восемь вечера! Еще свѣтло!

Смолкли, ошеломленные новымъ приливомъ ужаса. Кто то сильный въ неумолимой жестокости, неуловимо страшный, близко прошелъ и угрожающе заглянулъ въ глаза.

Поручивъ двумъ младшимъ распорядиться похоронами, Ярославскій предложилъ всѣмъ отправиться въ ГПУ.

Секретное совѣщаніе происходило въ его кабинетѣ; первымъ взялъ слово красный прокуроръ.

— Заявленіе слѣдователя, что убійца влѣзъ въ окно, не имѣетъ никакого смысла, и я думаю, что онъ уже самъ согласится съ этимъ, — крикливо говорилъ онъ, по привычкѣ раскачиваясь всѣмъ тѣломъ. — И во-первыхъ, никакихъ слѣдовъ на песку и вообще въ цвѣтнику не найдено. И во-вторыхъ докторъ кажется ясно сказалъ, что смерть произошла около восьми часовъ вечера. Въ это время на улицахъ еще полно народу и убійца могъ попасть черезъ окно только въ томъ случаю, если бы онъ леталъ на воздухѣ. Рѣзникъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, это мы видимъ изъ того, что трупъ упалъ возлѣ стола. Онъ убитъ въ спину, а въ комнатѣ ни одинъ стулъ не сдвинуть и все въ порядкѣ. Что это значитъ? Это значитъ, что Рѣзникъ себѣ спокойно сидѣлъ, когда убійца сунулъ ему кинжалъ въ спину. Къ чему я все это говорю? Чтобъ доказать, что товарища Рѣзника убилъ кто то свой, кого онъ хорошо зналъ, кому онъ довѣрялъ, кому онъ открывалъ дверь, когда тотъ позвалъ его въ это самое открытое окно. Убійцъ нужно искать среди своихъ.

Вспыхнулъ смѣшанный гулъ возбужденныхъ, испуганныхъ голосовъ. Говорили всѣ разомъ, нервно жестикулируя, перекрикивая другъ друга. Каждый торопился высказать свое, не слушая другого.

— Это сама правда. Товарищъ Яковлевъ такъ нарисовалъ картину, что и не надо ничего больше прибавлять.

— Обращайте вниманія на кинжалъ. Это долженъ быть военный. Айзенбергъ, ты же начальникъ штаба, ты долженъ обискивать военныхъ.

— Что значитъ „свой“, на кого вы намекаете?

Ярославскій, углубленно разсматривавшій взятый со стола Рѣзника листь, сталъ отчаянно звонить. Никто не обращалъ вниманія.

— Измѣна въ партіи?... Кто же можетъ быть спокоенъ за себя? Отъ своего не убережешься!..

— Если у васъ есть на кого подозрѣнія, вы должны открыто высказываться. Въ такой моментъ когда каждый можетъ стать покойникъ, надо кричать правду въ глаза.

— Кто это будетъ работать, когда надъ головой виситъ ударъ ножомъ!

Ярославскій вскочилъ, съ силой бросивъ звонокъ о столъ.

— Биржа паники, а не засѣданіе, — гаркнулъ онъ. — Каждая минута дорога, всѣ мы на очереди, а вы тратите время на бессмысленный галдежъ.

Настала гробовая тишина.

— Товарищъ Яковлевъ отчасти правъ, — взволнованно рубилъ онъ словами, — Рѣзника убилъ свой, но не партійный, а безпартійная гадина, котораго покойный хорошо зналъ въ лицо, быть можетъ, раньше былъ знакомъ. Безпартійный подкупленный организаціей.

— Я, кажется, не сказалъ слово „партійный“ — обидчиво отозвался прокуроръ.

— Организація несомнѣнно существуетъ — продолжалъ Ярославскій все повышая голосъ, — сильная, опытная, богатая деньгами и смертоносными средствами. Она вошла въ связь съ цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ, дѣйствуетъ ихъ руками, по строго обдуманному плану. Дѣйствуетъ безшумно, чтобы не привлекать вниманія: Борисъ Рѣзникъ отравленъ, Шаповаловъ отравленъ, Моисей Рѣзникъ заколотъ. Всѣ три убійства совершены около восьми часовъ вечера, когда меньше всего опасенія, потому что еще свѣтло. Всѣ три совершены на квартирѣ убитыхъ. Всѣ три совершены разными лицами, какъ правильно указалъ прокуроръ, — хорошо знакомыми съ пострадавшими, которые, доверчиво впускали ихъ къ себѣ.

— У товарища Шаповалова былъ какой то деревенскій паренъ, никому не извѣстный, его же видѣли, — вмѣшался слѣдователь.

— Вѣрно былъ извѣстенъ Шаповалову, если онъ его впустилъ къ себѣ и они вмѣстѣ пили — отозвался прокуроръ.

— Почему вы думаете, что Борисъ Рѣзникъ отравленъ, когда врачи констатировали молніеносный гриппъ? — сдавленнымъ голосомъ спросилъ начальникъ операціоннаго штаба, червоный казакъ Айзенбергъ.

— Сейчасъ я вамъ документально докажу, что они заблуждались.

Ярославскій поднялъ вверхъ листъ.

— У меня въ рукахъ документъ, страшный документъ, — планъ контръ-революціоннаго чернаго террора, съ фамиліями намѣченныхъ жертвъ. На трехъ убитыхъ значится помѣтка крестиками. Очередь за нами, — всѣ мы значимся на немъ.

Онъ бросилъ листъ на середину стола; длиннорукій слѣдователь быстро схватилъ его.

Какъ роящіяся пчелы — матку, окружили его стулъ товарищи, вытягивая шею изъ за его плечъ, наваливаясь на спину. Нѣсколько пальцевъ одновременно ползало по бумагѣ, отыскивая собственные инициалы. Маленькій Айзенбергъ, звеня шпорами, гремя волочащейся саблей, волчкомъ вертѣлся, забѣгая со всѣхъ сторонъ, стараясь пробраться ближе къ листу и наконецъ возмутился.

— Что ты, на память учишь?... Дай другимъ посмотрѣть.

— Зачѣмъ тебѣ смотрѣть? Я тебѣ такъ могу сказать, что ты здѣсь есть: „Айз“ — совсѣмъ ясно видно, — успокоилъ его слѣдователь.

— Я хочу самъ посмотрѣть. Странно...

Поводивъ носомъ надъ мѣстомъ, которое указывалъ палецъ слѣдователя, онъ взволнованно бросился въ свое кресло.

— Самый настоящій терроръ, нечего долго разсматривать, надо немедленно мобилизовать силы.

Его истерическій выкрикъ подѣйствовалъ, какъ сигналъ. Бросили листъ и снова поднялся шумъ.

— Кто согласится работать въ такой обстановкѣ?..

— Каждому человѣку дорога жизнь, каждый хочетъ жить...

— Семь лѣтъ на войнѣ, отовсюду угрозы, если насъ не обезпечать безопасностью, надо взять отпускъ, пускай поработаютъ другіе.

Ярославскій зазвонилъ. Смолкли, но продолжали стоять, сидѣли только Айзенбергъ и слѣдователь.

— Я продолжаю — началъ Ярославскій. — Этотъ листъ я взялъ со стола Рѣзника; какъ онъ попалъ къ нему, эту тайну онъ унесъ въ могилу, но несомнѣнно, что смерть застала его за нимъ, потому что подъ нимъ лежало начатое письмо къ женѣ, онъ смятъ и испачканъ какими то желтыми пятнами. Думаю, что вы согласитесь со мной въ существованіи пришедшей организаціи, — подчеркнул онъ, — доказательствомъ служить и кинжалъ, новый, дорогой, — у мѣстнаго населенія не можетъ быть такого, и сильно дѣйствующіе яды, которыхъ здѣсь достать нельзя. Не будете спорить и съ тѣмъ, что работа идетъ черезъ мѣстныхъ, всякій разъ черезъ другое лицо, потому они и неуловимы. Но бѣжать, сдаваться — загремѣлъ онъ — постыдно. Это вы всегда успѣете сдѣлать, попробуемъ побороться, не поддаваясь паникѣ.

— Что же мы можемъ предпринять? — съ отчаяніемъ выкрикнулъ Айзенбергъ. — Пусть себѣ паника, называйте какъ хотите, а я открыто заявляю, что беру отпускъ, у меня не выдерживаютъ нервы. Вы же сами назвали ихъ неуловимыми, какъ же съ ними бороться?

— Обезвредить мѣстныхъ контръ-революціонеровъ, такъ называемыхъ безпартійныхъ. Завтра къ 12 часамъ дня попрошу каждого изъ васъ списки лицъ, по вашему мнѣнію, сомнительныхъ, и въ полночь они будутъ арестованы.

— Предлагаю, кромѣ того, взять въ предварительное заключеніе заложниковъ изъ бывшихъ буржуевъ человѣкъ десять и оповѣстить населеніе, если произойдетъ еще одно убійство, даже покушеніе, — всѣ десять выведутъ въ расходъ. Только надо хорошо намѣтить кого взять — двухъ изъ поповъ обязательно. Принимается?

— Принимается... принимается... Надо взять и нѣсколько женщинъ, будетъ еще сильнѣй.

— Списокъ заложниковъ поручаемъ составить вамъ, — обратился къ прокурору Ярославскій.

— Только зачѣмъ откладывать на завтра — волновался Айзенбергъ, — можно собраться сегодня въ шесть вечера.

— Сегодня въ шесть назначены похороны, — строго отвѣтилъ Ярославскій. — И серьезное дѣло нельзя проводить спѣшно. Надо будетъ внимательно просмотрѣть списки каждаго, не пропущенъ ли кто. Назначить наряды оцѣпить по участкамъ. Аресты обязательно вездѣ одновременно, иначе распространится и кто либо ускользнетъ. Распредѣлить заранее, кого въ ГПУ, кого въ тюрьму. Перегружать ГПУ не слѣдуетъ, туда только опаснѣйшихъ и за ликвидацію, я вамъ ручаюсь. Допросъ будетъ производиться тщательно, — жестко подчеркнул онъ, — быстро развяжутъ языки, когда увидятъ, что шутить не собираемся; нѣкоторыхъ буду лично допрашивать, у меня заговорятъ, — адреса укажутъ.

— Это все-таки пройдетъ два вечера, они за это время еще устроятъ похороны, — недовольно проворчалъ слѣдователь.

Ярославскій всталъ.

— Объявляю засѣданіе закрытымъ. Совѣтую идти на службу и прятать... тревогу, чтобы не придавать смѣлости врагамъ. На похоронахъ присутствовать всѣмъ.

— Я беру листъ, — сказалъ прокуроръ и всѣ гурьбой зашли въ его кабинетъ, еще разъ пытаясь прочесть неразборчивыя надписи.

— Что онъ себѣ думаетъ, откладываетъ такое дѣло?

— Вы думаете онъ не труситъ?... Смотрѣли вы на его лицо?...

— Онъ таки правъ, — успокаивалъ прокуроръ, — серьезное дѣло надо серьезно дѣлать, а что я бѣ его Воробыху арестовалъ, это таки да. Она его такъ любитъ, какъ я ее. Развѣ она могла забыть, кто она? Знаемъ мы, что она за его спиной дѣлаетъ!

— Извѣстно прячется; она такая коммунистка, какъ я архіерей, но она сидитъ спокойно, я ее довольно наблюдалъ — заступался слѣдователь.

Потоптались еще немного и стали рассасываться по учрежденіямъ.

Рѣдкіе посѣтителы и маленькіе служащіе изъ безпартійныхъ поражались любезно заискивающему тону своего начальства въ этотъ день и втихомолку лукаво переглядывались.

Городъ бурлилъ приглушеннымъ волненіемъ. Интеллигенція забила въ щели, избѣгая выходить на улицу. Жившіе въ одномъ дворѣ забѣгали другъ къ другу, возбужденнымъ полушопотомъ обсуждая событія. Всѣ видѣли — „очищеніе горизонтовъ“.

— Несомнѣнно „оттуда“, — развѣ свои могли бы такъ смѣло дѣйствовать!

— Посмотрите, какая ловкость! Никакихъ слѣдовъ.

— Господи, можетъ быть, и живутъ гдѣнибудь недалеко отъ насъ, на улицѣ встрѣчаемъ и не знаемъ, — вздыхали женщины.

— Д-да... Черезъ нѣсколько дней можемъ услышать гулъ орудій. Не даромъ отсюда начали, — граница близка. Это, вѣроятно, дѣйствуетъ ихъ авангардъ. Ошеломятъ терроромъ и бахнутъ. Голыми руками возьмутъ!

— Нашихъ дураковъ. Эти проклятые при первомъ выстрѣлѣ разбѣгутся, теперь, говорятъ, въ истерикѣ мечутся.

— Извините-съ, мы уже не прежніе дураки, у нихъ понаучились. При первомъ выстрѣлѣ партизанскій отрядъ образуемъ и начнемъ внутри взрывать. Попереловимъ, попереколемъ, отъ насъ не убѣгутъ, въ лицо каждого знаемъ, — мечтали мужчины. — Дожить бы только!

Свѣтлое настроеніе отравляли сытые спецы.

— Бросьте тѣшить себя несбыточными надеждами. Никто не придетъ, ни одна держава не пропуститъ, да и слава Богу! Опять — кровь, мечь, чистка. Довольно.

— Теперь, она не льется?

— Ну, знаете, бѣлый терроръ стоитъ краснаго, еще неизвѣстно какой хуже. Да и теперь они много мягче стали.

— Когда всѣхъ повырѣзали.

— Вы уцѣлѣли? И онъ уцѣлѣлъ, и живите спокойно, не вмѣшиваясь въ политику. Кой какое строительство идетъ, понемногу жизнь сама наладится, а придутъ „бѣлые“ и все вверхъ тормашками полетитъ, опять начинай жизнь сначала. Надоѣло ужъ.

Загорались споры, нетерпимые, болѣзненно-страстные. И такъ волновались, точно приходъ „бѣлыхъ“ зависѣлъ отъ согласія спецовъ.

— О своей шкурѣ думаете, — хорошо пристроились, а что другіе голодаютъ — дѣла нѣтъ. Выгонять и васъ скоро, тогда другое запоете.

— Жидовская власть слаще русской? Вотъ и убирайтесь съ ними, когда „наши“ придутъ, — съ ненавистью бросали въ лицо спецамъ, расходились, дрожа отъ возмущенія, и еще долго волновались, сидя въ своихъ комнатухахъ.

Евреи тоже избѣгали показываться. На другой день послѣ похоронъ Рѣзника не протолкаться было на базарѣ отъ повозокъ и людей. Понаѣхали, пѣшкомъ пришли изъ ближайшихъ деревень му-

жички, на мѣстѣ провѣрить, правда ли: „шо люди бають“.

Сидѣли на высокихъ поставахъ возовъ, спустивъ наружу широко разставленные ноги и возлѣ каждого кучка. Толкались по базару, хитро выпрашивая новости и рассказывая свои и все такія захватывающія, что застывали милиціонеры, повернувшись ухомъ, чтобы лучше слушать, боясь упустить словечко. Вспоминали объ обязанностяхъ, когда показывались всадники въ шлемахъ, угрюмо объѣзжавшіе базары въ этотъ день. Прерывались на минуту разговоры; глядя вслѣдъ тяжелыми отъ ненависти глазами, бросалъ кто нибудь:

— Мовчкомъ ідутъ, добро знаютъ, шо скоро кинець. Ну?

— Да, ось якъ вышелъ на шляхъ, а предъ нимъ два старца; бороды серебряныя до колѣнъ, а лики якъ соничко сяють. Черезъ плечо торбы, та раздутыя, та великія, ледва тащуть. Поклонился мужикъ. „Виткиля це вы, спрашивае, люди добри. Прошли мы, кажутъ, святу землю русску изъ кинца въ кинець. Шо це вы несете, люди Божьи? Несемо мы сльозы людски, шо по всій зимли позбирали и годи, кажутъ, плакати, змиловался Господь, треба тильки и вамъ у помочь встати. А якъ же васъ у молитвахъ поминати, спрашивае, якъ ваше имячко хрещеное? Микола и Серахвимъ, кажутъ, тай поплыли облачкомъ.

У слушателей перехватило дыханіе.

— Царь Миколой?.. — вскрикнула баба.

— Якій царь? Винъ на Аѳону, у обители, ожидае шобъ народъ русску зимлю отъ той погани очистилъ. А то угодники святы, Микола и Серахвимъ Саровскій. Ось и пошли чудеса.

— Яки жъ чудеса?

— А шо жъ, не чудеса? — затараторила мѣстная торговка. — Рѣзникъ такъ вотъ у одной комнатѣ сидитъ, жинкина matka такъ вотъ у другой, а у третьей, кухарка и еще три чоловіка. Кругомъ позаперто, и окна, и двери. Вдругъ чуютъ —

„хлясь“... шось упало. Они туда, а винъ на полу, а въ спині кинжалъ. И ни одинъ стульчикъ не шелохнутъ.

— И кинжалъ особенный, — вмѣшался бородачъ изъ мѣщанъ. — Якъ вынули, всѣ глаза и позажмуривали, лучами идетъ. Можетъ простой человѣкъ крозь запертыя двери пройти, да еще при бѣломъ свѣтѣ? Третій уже пропалъ, а кого хватать — не знаютъ.

— Буде и десятый, треба на помочь вставати, — будто невзначай проговорилъ мужикъ.

Впереди опять замаячилъ шлемъ и группы съ равнодушнымъ видомъ стали расходиться по возамъ.

Въ хвостѣ похоронной процессіи пробирался Андрей къ нотаріусу съ письмомъ къ Танюшѣ.

„Я здѣсь. Немедленно купи старую крестьянскую одежду для себя — писалъ въ немъ — черезъ два, три дня, ночью, приду за тобой. Поджидай у окна, все предусмотрити, чтобы выльзть безшумно. Приду загримированнымъ, подойдя, шепну имя матери. Письмо уничтожь. Андреечка“.

— Загорѣлось? — лаконически спросилъ Андрей, подавая письмо для передачи Танюшѣ.

— Да. Въ добрый часъ! — такъ же отвѣтилъ Сергѣй Павловичъ.

— Кого подозрѣваютъ?

— Народъ — Серафима Саровскаго — усмѣхнулся нотаріусъ, — а власти, повидимому, теряють голову, слуховъ никакихъ.

— Послѣ завтра пройду мимо окна, если будутъ событія, приготовьте записочку.

На другой день Андрей, забравшись на противоположный отъ дома конецъ сада, стругалъ палку для Танюши. Оба друга жили эти дни въ нервномъ волненіи, пряча его другъ отъ друга и почти не разговаривали. Дмитрій угрюмо лежалъ, Андрей придумывалъ работу, чтобы отвлечься. Еще

одинъ, послѣдній, самый рискованный актъ и будутъ пробираться назадъ. Оставаться дольше неосторожно, да и къ концу подходятъ деньги. Если пройдетъ благополучно, не теряя дня начнутъ организовывать группу тамъ, чтобы просочившись сюда въ разныхъ мѣстахъ, въ одинъ и тотъ же день зажечь возстаніе. Если пройдетъ...

Пройдетъ... пройдетъ... — стучало въ мозгъ и въ тактъ врѣзывался ножъ въ бѣлое, твердо-влажное тѣло дерева.

Солнце еще свѣтило, но склонявшееся къ горизонту спряталось за домъ. Пушистые хлопья розовой ваты скользили въ хрустально прозрачной высотѣ и между ними застѣнчиво серебрился узенькій серпъ молодого мѣсяца.

Наденька стояла у калитки въ садъ. Тоскливое безпокойство, нервное ожиданіе чего то неизбѣжнаго, неотвратимаго, жившаго весь день, усилилось къ вечеру и она безцѣльно шаталась, прислушиваясь къ себѣ.

Ну что можетъ быть? Что? — убѣждала себя. — Просто передалось настроеніе царившее сегодня въ учрежденіи. Встревоженные лица... таинственные полунамекы — подготовка къ арестамъ... Аресты!.. Оцѣпять городъ, ворвутся ночью въ дома... поведутъ по улицамъ. Развѣ ихъ мало прошло за эти годы... Не эти, такъ другіе. Не здѣсь, такъ гдѣ то тамъ.

Взглянула случайно на баньку. Все проклятый старикъ, пришла вдругъ мысль, какой то фатальный. До него все было спокойно, пришелъ и принесъ несчастія, смерти... Принесъ тоску. Поднялъ порванную нить съ прошлымъ, затоптанную въ пыльной грязи и связалъ. Заговорилъ объ Андреѣ...

Клубокъ подкатилъ къ горлу и захотѣлось бить, кричать...

Пусть идетъ къ черту, сейчасъ скажу, съ радостной злобой подумала и быстро пошла въ садъ. Не стуча толкнула полупритвореную дверь бани, и у Дмитрія, столкнувшагося съ ней на порогѣ,

отъ неожиданности задрожали ноги. Заглушая волненіе, онъ вышелъ въ садъ и опустился на широкій пенекъ у двери, облокотившись о колѣни, опустивъ голову на руки, избѣгая ея глазъ.

— Что? — рѣзко крикнула Наденька.

Андрей, углубленный въ работу, вздрогнулъ отъ ея голоса и увидя ее рядомъ съ Дмитріемъ, продвинулся ближе, чтобы лучше слышать.

— Три дня хвораю, голову, спину ломить — дрожащимъ голосомъ просипѣлъ Дмитрій. — Помирать пора.

— Не умрешь — злобно оборвала она. — Вотъ что, дѣдъ, два дня тебѣ на поправку и ступай изъ моей бани откуда пришелъ. Не желаю тебя больше видѣть.

Растерявшійся Дмитрій молчалъ, не зная что сказать.

— И это безповоротно, я жалѣю, что впустила тебя. Думала ты какъ всѣ старики, кроткій, тихій, будешь сидѣть и грѣться на солнышкѣ и я... а ты какой то проклятый, точно изъ страшной сказки, — быстро, громко говорила она, несясь на встрѣчу злобной волнѣ все сильнѣй охватывавшей. — Пока тебя не было, все было тихо, спокойно, пришелъ ты и принеся смерть. Самъ живешь, а приносишь другимъ. Ты обокралъ меня...

— Я? Что ты, матушка-барышня — поднялъ голову ошеломленный Дмитрій — да я...

— Обокралъ — почти кричала она, чувствуя потребность сорвать, излить въ крикѣ, въ грубыхъ словахъ мучившее безпокойство. — Ты отнялъ покой... внесъ тоску... тревогу... ты нарочно растрavлялъ меня... ты притворщикъ... лгунъ.

Андрей все больше волновался. Эта истеричка можетъ привлечь вниманіе во дворѣ. Можетъ притти Ярославскій... Придетъ сюда — все откроется... Неужели исполняется сонъ — спасетъ его и погубить насъ — мелькнула мысль и онъ сильно застучалъ палкой о заборъ, чтобы отвлечь ее отъ Дмитрія.

— Да лгунъ — ложью ты вошелъ ко мнѣ. Ты никогда не жилъ у насъ, не зналъ меня раньше. Когда я тебя спросила про Танюшу, ты не зналъ кто это такая.

— Забылъ — пробормоталъ Дмитрій, — а потомъ вспомнилъ.

— Ничего не вспомнилъ, я сама рассказала тебѣ. Скажи, если жилъ, какъ звали мою покойную мать? — наступала все больше, разжигая сама себя. — Что было вотъ здѣсь, въ этомъ самомъ саду въ день моихъ именинъ... послѣднихъ именинъ? Тоже забылъ? Сидишь и колдуешь за моей спиной? Съ мыслями разговариваешь? Тебя бы въ тюрьму посадить, тамъ говори...

„Все бы я въ твои глаза смотрѣлъ

„О любви своей всю ночь бы пѣлъ“ —

полнымъ голосомъ запѣлъ Андрей, не находя другого исхода.

Смолкла. Побѣлѣвъ, вытянулась прижавъ руки къ груди, глазами настороженной птицы глядя впередъ. Взмахнула, какъ крыльями, руками и не разбирая, цѣликомъ, на кусты, бросилась на голосъ.

— Андрей!.. Андреечка!.. Андрей!..

Но онъ уже былъ на другомъ концѣ, притавившись за кустомъ.

Добѣжала до забора, осмотрѣлась и такъ же опрометью назадъ.

— Ты слышалъ?.. слышалъ?.. — затормошила Дмитрія за плечо.

— Шелъ улицей вдоль забора человѣкъ и пѣлъ — отвѣтилъ онъ съ жалостью и страхомъ глядя на ея дергающееся лицо.

— Иди... догони... городъ оцѣпленъ... будутъ хватать всѣхъ неизвѣстныхъ... приведи сюда... я спрячу... — какъ въ припадкѣ глотала слова и не договоривъ, вспомнивъ о калиткѣ, бросилась къ ней и выбѣжала на улицу. Добѣжала до конца забора, заметалась глазами по пустой, пересѣкающей улицѣ и вернулась назадъ.

— Что дѣлать?.. Какъ спасти?.. Его арестуютъ.

— Да можетъ и не онъ вовсе, откуда ему тутъ быть?

— Онъ... онъ... Развѣ я могу не узнать его голоса, и его пѣсня... Боже мой, Боже мой, пробрался и погибнетъ — ломала она руки. — Нѣтъ, сама погибну, но его спасу.

Опять метнулась бѣжать, Дмитрій удержалъ ее за руку.

— Погоди, матушка, послушай старика, не дѣлай суматохи. Ежели и онъ, небось не подъ своимъ пачпортомъ пришелъ, могутъ и пропустить, а ты суматохой сама его подъ топоръ подведешь. Придетъ начальникъ — выпроси потихонечку, кого, молъ, забрали, не было ли чужихъ, все и узнаешь. А начнешь волноваться, да спрашивать, подъ сумленье и подведешь. Разыскивать начнутъ и схватятъ.

— Правда, правда; спасибо, дѣдъ, чуть было глупостей не надѣлала. Подожду до завтра.

— А теперь иди, успокойся, поспи покрѣпче, завтра спокойнѣй будешь.

— Надо непременно узнать завтра, послѣ завтра допросъ — думала она вслухъ. — А ты прости меня, дѣдушка, что я наговорила тебѣ тутъ, не сердись.

— Что ты, матушка; вѣдь я наскрозъ тебя вижу. Не легко и тебѣ.

— Не легко — тихо повторила она и ушла.

„Въ ГПУ — Швецовъ и Говоровъ. Въ тюрьмѣ — восемь человѣкъ. — Слѣдовали фамилии. — Въ домѣ предварительнаго заключенія десять заложниковъ“ — стояло въ запискѣ Сергѣя Павловича переданной Андрею.

— Нѣтъ, сегодня къ десяти домой — донесся голосъ Ярославскаго съ веранды. — Измотался за

эти дни, надо лучше выспаться, чтобъ свѣжая голова была. Завтра опять адова работа; допросъ. Швецова и Говорова лично допрашивать буду, они у меня быстро заговорятъ. Оказывается, Шаповаловъ былъ правъ, ихъ связь съ рабочими теперь установлена. Сегодня цѣлая группа являлась съ заявленіемъ. Живемъ, говорятъ, на одномъ дворѣ и свидѣтельствуемъ, что Швецовъ никуда изъ дому не выходилъ съ пяти часовъ дня. Принялъ любезно, но, какъ съ этими кончу, трухну и ихъ, чтобъ забыли, какъ соваться съ свидѣтельствами.

Андрей былъ уже готовъ и услышавъ голосъ Ярославскаго сталъ собираться. Взялъ свертокъ обернутый бумагой, свѣрилъ часы.

— Не прозѣвай. Въ двѣнадцать быть тамъ.

— Не прозѣваю.

Оба были серьезные, сосредоточенные.

— И помни, если къ часу, половинѣ второго не вернусь, иди къ Танюшѣ и переправляйся съ ней. Тебѣ ее поручаю. Адресъ помнишь?

— Да.

— Ну, прощаемся, на всякій случай.

Крѣпко обнялись. поцѣловались. Андрей перекрестился и вышелъ.

Взволнованный Дмитрій нѣсколько разъ перекрестилъ его вслѣдъ и сѣлъ гримироваться.

Во мглѣ спустившихся сумерекъ рѣзко выступалъ квадратъ освѣщенный двумя электрическими фонарями. Часовые въ будкахъ по обѣ стороны калитки встrepенулись, когда подошелъ Андрей. Твердо отстукивая по каменнымъ плитамъ, онъ вбѣжалъ по ступенькамъ крыльца и позвонилъ. Рослый красноармеецъ, открывшій дверь, выжидательно замеръ въ узкой, длинной передней.

— Приказаній отъ товарища начальника не будетъ?

— Нѣтъ... Ступай!.. — раздраженно крикнулъ Андрей на неподвижно стоящаго солдата. — И не беспокоить. Надо будетъ, позвоню.

Повернувшись на лѣво кругомъ, тотъ исчезъ; за маленькой дверью застучали удалявшіеся шаги.

Андрей зажегъ электричество, бѣгло оглянулъ большую, заставленную нарядной мебелью комнату со столовымъ столомъ посрединѣ, опустилъ на окнахъ шторы и пошелъ осматривать квартиру. Слѣдующая комната — кабинетъ. Надъ широкимъ письменнымъ столомъ большой портретъ Ленина съ креповымъ бантомъ сверху рамы. Дальше — спальня въ коврахъ, съ англійской бронзовой кроватью. На туалетѣ, заставленномъ флакончиками и хрустальными коробочками — кабинетный портретъ Наденьки, задумчиво прислонившейся къ высокой колонкѣ. Открылъ боковую дверь, неслышно прошелъ корридорчикомъ и заглянулъ въ темные сѣнцы за которыми слышалъ голоса.

Значить, кухня тамъ. Великолѣпное расположение.

Вернулся въ кабинетъ и открылъ окно. Въ двухъ шагахъ темнѣлъ заборъ начинавшагося здѣсь, расширявшагося за домомъ сада.

Андрей спустилъ за окно стулъ, выпрыгнувъ въ садъ и присѣвъ у забора, дернулъ одну изъ рѣзныхъ, плоскихъ дощечекъ, заостренныхъ книзу. Старое дерево быстро поддалось, выскочивъ изъ гнѣзда. Андрей выдвинулъ еще четыре подъ рядъ, впрыгнувъ въ комнату, оставивъ стулъ за окномъ и вышелъ изъ дому, потушивъ свѣтъ.

— Къ зазнобушкѣ зашагалъ, — усмѣхнулся вслѣдъ часовой, — и алиментовъ не опасается.

— Не въ ту сторону свернулъ, — замѣтилъ другой, — по какимъ либо дѣламъ видно. Тревога идетъ, всѣмъ таперичка крѣпко головой раскинуть надо. Ты вотъ стоишь и караулъ держишь, а черезъ часъ — лежишь и никакихъ слѣдовъ кто и што.

— Намъ то чего бояться? Арсеналомъ стоимъ: и ружье, и револьверъ, и ручная граната, и ручной пулеметъ, а самъ — вмѣсто тижелаго, стой и па-ли — зубоскалилъ первый.

— Палить то будемъ, да толку никакого. Разрывался милиціонеръ 1 участку, парень сознательный, давно его знаю, рассказывалъ. Бѣжитъ, говорить, Шاپоваловскій убійца и съ разбѣгу прямо на меня, а глаза какъ фонари электрическіе. Я, говоритъ, бацъ у грудь, онъ безъ вниманія, а меня, говоритъ, такъ толкнуло, чуть на ногахъ устоялъ. Безъ передышки — бацъ у спину; обѣ, какъ крозь бумагу, а онъ обѣ землю, а надъ головой, говоритъ, у меня — шпр... прошуршала, гляжу, будто птица большая кверху, кверху... Вотъ и споймай. Третій ужъ погибъ, а не знаютъ, на кого и думать.

— Поарестовали вѣдь.

— Зря совсѣмъ, съ перепугу стали хватать; я въ нарядѣ былъ; веду и знаю — ни про что веду. Другая тутъ сила дѣйствуетъ, невинной крови много пролили, вотъ и пошло.

Андрей обошелъ кварталъ, пролѣзъ въ отверстіе забора въ садъ, вдвинулъ на мѣсто дощечки и впрыгнувъ въ кабинетъ, осторожно втащилъ стулъ.

Семьдесятъ пять процентовъ за успѣхъ!

Крѣпко вдавливая пальцы въ лобъ, перекрестился.

— Господи, помоги кончить благополучно.

И не царапнуло душу, какъ бывало, когда крестился передъ боемъ на войнѣ и успокаивалъ себя мыслью — прошу только жизнь мою сохранить. Не было сомнѣній въ своей правотѣ, когда въ молитвѣ просилъ помощи „убить“. Не для корысти, не для славы, не за себя!.. Отъ мірозданья невиданное зло, проклятiе человѣчества!.. Діаволь самъ, сладострастно извивающійся въ безбрежности человѣческихъ страданій, править здѣсь. Могъ ли быть грѣхъ въ помощи своему народу? Убить, чтобъ прекратить убійства, чтобъ спасти души людей, въ которыхъ убиваютъ Божье подобіе.

Погасивъ электричество, забравшись подъ кровать, Андрей весь пронизанный трепетнымъ волненіемъ додумывалъ свою мысль.

Ни тогда, когда „готовился“, перебираясь сюда, ни здѣсь, убивая двухъ Рѣзниковъ, она не приходила къ нему. Встала впервые... Не потому ли, что стоялъ передъ лицомъ Вѣчности?.. Одинъ, безоружный, въ замкнутомъ станѣ вооруженныхъ, не знавшихъ пощады враговъ. Въ безмолвной тѣмнѣ нарядной комнаты, каждая вещь которой излучала чью то незабываемую скорбь, проходили въ возбужденномъ мозгу лица, угрюмо озлобленные, настороженно испуганные съ голодными глазами, людей ущемленныхъ безправіемъ и лица въ которыхъ уже не было человѣческаго. И храмы безъ крестовъ — символы людей у которыхъ осквернили душу.

— Помоги, Господи, дай силу... Ты видишь душу мою — въ экстазѣ шепталъ Андрей подъ низкой сѣткой кровати. — Если поможешь вернуться, вложи въ уста мои огненные слова, чтобъ зажечь на святую борьбу, за Твое поруганное Имя.

Голоса... движеніе... Выпуклился узкой полоской рисунокъ ковра отъ упавшаго изъ сосѣдней комнаты свѣта.

— Бумаги приносили?

— Никакъ нѣтъ.

— Кофе въ девять утра. Ни изъ за какихъ курьеровъ не беспокоить. Въ шею всѣхъ, кто будетъ приходить. Мнѣ надо отдохнуть. Ступай!

Пошелестѣлъ бумагами въ кабинетѣ и вошелъ въ спальню насвистывая шансонетку.

У Андрея такъ застучало сердце, что невольно схватился за грудь, точно боясь, что услышитъ Ярославскій.

Шлепнулся на стулъ френчъ, къ самому тѣлу пригнулась сѣтка подъ свѣщимъ чекистомъ. Поднимались и опускались на коверъ худыя ноги... шуршала сползавшая одежда. Вздрагивала сѣтка, пугая. Одинъ разъ голова такъ низко наклонилась къ ковра, что Андрей пересталъ дышать — показалось, что онъ заглядываетъ подъ кровать.

Легъ, поворочался и успокоился. Очерчивались ножки туалета и цвѣты ковра и Андрей, слышавшій какъ щелкнулъ штепсель лампочки, не могъ понять — откуда свѣтъ. Слышалъ мѣрное дыханіе, чмоканье губами сквозь сонъ и все не рѣшался, волнуясь въ то же время, что не успѣетъ выполнить весь планъ.

Ярославскій грузно повернулся и черезъ минуту густой, переливчатый храпъ раздражающе застучалъ, отдаваясь въ головѣ.

Андрей осторожно выдвинулъ руку съ часами. Безъ четверти одиннадцать. Пора! Высунулъ голову, посмотрѣть откуда свѣтъ. — Прямо противъ него, возлѣ туалета, горѣлъ электрическій зеленый ночникъ прикрѣпленный къ стѣнѣ. Задерживая дыханіе, на рукахъ сталъ продвигаться назадъ, чтобы выползти у ногъ. Скользнувъ на коверъ, Андрей быстро присѣлъ за спинку кровати и заглянулъ. Ярославскій лежалъ на спинѣ, запрокинувъ голову съ полуоткрытымъ ртомъ. Андрей поднялся и на ципочкахъ, стараясь не смотрѣть на лицо спящаго, чтобъ не притянуть взглядомъ, подошелъ къ кровати.

Моментъ... длинные, сильные пальцы клещами сдавили горло. Ярославскій подпрыгнулъ всѣмъ тѣломъ вверхъ, но Андрей проворно всталъ колѣнями на животъ, навалился впередъ, передавая всю силу рукамъ. Открывшіеся, выпятившіеся глаза съ ужасомъ впились въ глаза двойника. Онъ забилъ ногами, пытаясь повернуться и протяжно захрипѣлъ, ослабѣвшими руками хватаясь за Андрея. Кровавыми жилками покрылись страшные, выпуклившіеся бѣлки.

Судорожно забилися два сплетшихся тѣла въ смертельной борьбѣ. Навалившись грудью на лицо чекиста, въ звенящемъ, отъ бившей въ виски крови, туманѣ Андрей продолжалъ давить, хотя и чувствовалъ вяло опустившіеся подъ пальцами мускулы.

Не отнимая одной руки, другою пощупалъ

пульсъ на вискахъ. Чуть приподнявшись, приложилъ руку къ сердцу...

Готовъ...

Еще нѣсколько секундъ постоялъ не отпуская руки.

Сомнѣнья не было...

Торжественно ударили часы — „ра-азъ“ — заставили вздрогнуть.

Половина двѣнадцатаго. Пора.

Аккуратно покрылъ одеяломъ съ головой трупъ, досталъ изъ подъ кровати свертокъ, захватилъ маленькій браунингъ на ночномъ столикѣ и подошелъ къ туалету. Изъ подъ толстаго стекла смотрѣло задумчиво вопрошающее лицо Наденьки. Колебался. Оставить?.. Рѣшительно выдернулъ фотографію, разорвалъ на нѣсколько частей, сунулъ въ карманъ и вышелъ въ переднюю, снявъ мимоходомъ телефонную трубку.

Оба часовые вышли изъ будки услышавъ щелкнувшую дверь.

— Смотрѣть въ оба... Вернусь къ утру. Передавать приказъ по смѣнамъ никого до моего возвращенія не пропускать, — строго бросилъ изумленнымъ красноармейцамъ.

ГПУ было черезъ два квартала за угломъ. Рысью подбѣжалъ дежурный когда Андрей вошелъ, надвинувъ на глаза фуражку, въ квадратный, ярко освѣщенный дворъ.

— Швецовъ и Говоровъ въ камерѣ...

№ 6, товарищъ начальникъ — гаркнулъ дежурный.

— Вывести ко мнѣ.

— Сейчасъ доложу.

Застегивая на ходу френчъ бѣжалъ помощникъ начальника тюрьмы.

— Привести изъ камеры шесть Швецова и Говорова, беру на личный допросъ къ себѣ.

— Слушаю, товарищъ начальникъ.

— Совершенно секретно — никому не болтать — строго, отрывисто бросалъ.

— Понимаю, товарищъ начальникъ. Сколько человекъ стражи прикажете нарядить.

— Никого. Мои ожидаютъ за воротами. Часы при васъ?

— Такъ точно, товарищъ начальникъ. — Быстро взглянулъ на руку. Сейчасъ ровно двѣнадцать.

— Къ пяти утра приготовить камеру внизу — на двухъ.

— Понимаю, товарищъ начальникъ.

Заспанные, со спутанными волосами стали передъ нимъ учителя и оба вздрогнули, увидя передъ собой „грозу населенія“.

— Значить конецъ — мелькнуло у обоихъ.

Лица помертвѣли, подернулись восковымъ налетомъ, на глазахъ у Андрея, разомъ осунулись и рѣзко выдѣлились посинѣвшія губы.

У него больно сжалось сердце. Вынулъ револьверъ.

— Впередъ! —

Оба покорно повернулись и зашагали автоматами неsgiбающимися ногами.

Выйдя изъ воротъ и продолжая держать вытянутой руку съ револьверомъ пока шли въ освѣщенномъ пространствѣ и могли видѣть часовые, Андрей тихо, отчетливо проговорилъ — „Вы спасены“ — и увидѣлъ, что Говоровъ зашатался.

— Повернете направо, перейдете черезъ тротуаръ и свернете въ первый переулокъ — тихимъ, приказывающимъ голосомъ сказалъ Андрей, когда подошли къ углу.

Покорно, какъ загипнотизированные повиновались учителя, ни одинъ не обернулся, остановились, когда остановился онъ подъ толстымъ каштаномъ.

— Я сказалъ, когда былъ у васъ, что вы вырветесь изъ ихъ рукъ и исполнилось. Съ разсвѣтомъ исчезайте, васъ не хватятся. Завтра будетъ суматоха, найдутъ мертвое тѣло Ярославскаго.

Говоровъ снова зашатался, прислонился къ стволу, снялъ фуражку и провелъ рукой по лбу.

— У меня туманится умъ — слабо проговорилъ онъ. — Можетъ это въ бреду...

Швецовъ стоялъ неподвижно, какъ нарисованный, и Андрею казалось, что онъ старается сквозь тьму всмотрѣться въ его лицо. Онъ протянулъ ему свертокъ.

— Часть передадите вашей группѣ — пусть расклеятъ на казармахъ, по всему городу, и пусть воспользуются днями паники. Часть оставьте у себя — распространите въ деревняхъ. Пойдете въ село Игравку по ту сторону Шепетовки, передадите нѣсколько штукъ крестьянину Левкѣ Ткачуку.

— Знаю — отвѣтилъ Швецовъ.

— Пора начинать — поднимать народъ на борьбу. Прощайте.

— Кого намъ благодарить — дрожащимъ голосомъ спросилъ Говоровъ.

— Господа Бога — и утонулъ въ темнотѣ.

Почти бѣжалъ къ квартирѣ Танюши, отсчиталъ шестой домъ, открылъ калитку. Клубкомъ бросилась подъ ноги собака и злобно захрипѣла.

— Негрикъ... Негрикъ... — услышалъ шопотъ... и та смолкла завилавъ подъ окномъ.

— Ларисса... — прошепталъ Андрей подходя къ окну и черезъ минуту тоненькая фигурка съ бѣлѣвшимъ узелкомъ въ рукъ уже стояла около него.

— Андреечка!..

Слились, крѣпко прижавшись губами; дрожало подъ рукой Андрея худенькое тѣло отъ сдерживаемаго рыданія.

— Довольно, дѣтка, бѣжимъ — шепнулъ Андрей. Взявшись за руки заскользили безмолвными тѣнями по безмолвнымъ улицамъ, съ черной тьмой которыхъ безсильно боролись рѣдкіе фонари.

Вынырнулъ откуда то патруль.

— Стой!

Андрей остановился, заслонивъ собой сестру. Электрическій фонарь шмыгнулъ по лицу и погасъ.

— Виновать, товарищъ начальникъ... — проговорилъ смущенный голосъ.

— Испугалась? — тихо спросилъ Андрей, крѣпче сжимая Танюшину руку, но она молчала, напряженно прислушиваясь не раздадутся ли опять шаги.

Но когда свернули къ знакомому забору и остановились у калитки, она испуганно отдернула свою руку.

— Къ ней?.. Зачѣмъ?..

— Ко мнѣ. Я въ банѣ, она и не подозреваетъ. Недалеко отъ калитки, въ саду, увидѣли темную фигуру шагнувшую къ нимъ.

— Дмитрій!.. Чего шатаешься ночью по саду — весело сказалъ Андрей.

— Не могъ тамъ сидѣть одинъ... волновался за тебя, уже половина второго — отвѣтилъ Дмитрій, всматриваясь въ женскую фигуру.

Андрей оставилъ Танюшу въ предбанникѣ, быстро скрывшись въ баню.

— Не хочу, чтобъ ты меня видѣла въ звѣриной мордѣ — смѣялся онъ.

Торопливо снимая гримъ, умываясь и переодѣваясь, чтобы показаться Танюшѣ въ своемъ настоящемъ видѣ, весело рассказывали другъ другу.

— Ко мнѣ два бросились — говорилъ Дмитрій, — прочитали списокъ и сразу — сколько человѣкъ въ стражу? — У меня, говорю, въ двухъ шагахъ свой отрядъ стоитъ. Будемъ рассказывать тамъ, никто не повѣритъ. Ну, у тебя хоть револьверъ видѣли и одинъ ведешь двухъ, а вѣдь я бралъ семерыхъ и ни тѣни сомнѣнія, ну выйди и посмотри, гдѣ этотъ отрядъ! Чертъ знаетъ! Они у всѣхъ мозги повышибли и даже свой оплотъ въ автоматовъ превратили...

— Волновался?

— Когда подходилъ, а увидѣлъ подобострастные рожи сразу успокоился; командовалъ, какъ своей ротой, покрикивалъ, торопилъ. И я не понимаю, почему тутъ проваливаются организаціи,

отъ страха должно быть. Нуженъ апломбъ, скорѣй нахальство и умѣнье „играть“ и любого околпачишь. А тѣ, освобожденные — ничего подобнаго представить не могли! Иду и гоню передъ собой, какъ овецъ. Трое пожилыхъ было, одинъ почти старикъ, а остальные лѣтъ сорока, тридцати пяти и шагу никто не прибавилъ. Злость брала.

— Волю выпили.

Андрей пошелъ къ сестрѣ.

— Теперь поздороваемся на чисто...

Танюша бросилась къ нему и опять неудержимо расплакалась.

— Перестань... перестань, маленькая, теперь ужъ не разстанемся — говорилъ онъ, поцѣлуями стирая ей слезы. — Кончились твои муки, теперь радоваться надо...

— Я... отъ... радости... — лепетала дѣвушка, захлебываясь, — отъ счастья... Измѣнился ты, возмужалъ, красивый сталъ — говорила Танюша успокоившись, съ обожаніемъ смотря на брата.

— А ты ничуть не поправилась за этотъ мѣсяцъ, такая же худышка.

— За какой мѣсяцъ? Развѣ ты меня видѣлъ уже?

— Не только видѣлъ, разговаривалъ, письмо отъ себя съ деньгами принесъ.

— Дѣдушка?.. — вскрикнула она. — Безсовѣстный... а я съ ума сходила, волновалась. Почему же ты отъ меня то прятался.

— По дорогѣ расскажу, а теперь, Дмитрій — позвалъ онъ, — знакомтесь — мой самый близкій другъ.

— Прошу любить и жаловать — взволнованно сказалъ Дмитрій, цѣлуя ее руку.

Танюша нагнулась и крѣпко поцѣловала его въ голову.

— Развѣ я могу не любить друга моего Андреечки.

— Ты теперь богачка: и братъ, и тѣлохранитель — шутилъ Андрей.

— Я какъ въ туманѣ и все боюсь проснуться. Боже мой, за столько лѣтъ впервые такъ хорошо, радостно на душѣ, что даже страшно.

— Посмотрѣла на молодыхъ красавцевъ и довольно, хорошенькаго понемножку. Идемъ цѣплять бороды и собираться. Скоро разсвѣтетъ. Пойдемъ берегомъ, на всякій случай.

Переодѣвшись странниками стали укладывать торбы.

— Давай твой узелокъ сюда; что у тебя тамъ?

— Коржиковъ напекла, пампушекъ.

— Хозяюшка моя дорогая. Теперь мы съ тобой голодать не будемъ, Дмитрій, есть кому позаботиться. Ничего бы не забыть. Собери до послѣдней бумажки, чтобы слѣдовъ не оставлять, а я сію минуту... — и вышелъ въ садъ, направляясь къ верандѣ. Быстро вбѣжалъ по ступенькамъ, положилъ на маленькій столикъ у качалки запечатанный конвертъ, на секунду задержался взглядомъ на кружевномъ платочкѣ. Судорога боли прошла по молодому, энергичному лицу.

Таяла мгла. Блѣднѣя уходили звѣзды въ свѣтлѣвшій куполъ неба.

Маленькая группа спустилась къ берегу Тетерева, остановилась, прощаясь глазами съ городомъ и пошла по крупному, влажному песку.

И эта ночь проходила въ полуснѣ. Тысячами раскаленныхъ молотковъ стучали мысли, терзала, душила неизвѣстность. Нѣсколько разъ прочитала списки — все знакомыя фамиліи. Ярославскій сказалъ, чужихъ нѣтъ. Онъ здѣсь... здѣсь... Его голось... и эта пѣснь!.. Такой нѣтъ, онъ самъ ее перифразировалъ... только онъ могъ пѣть ее... Пѣлъ и вызывалъ... можетъ быть, ожидалъ гдѣ нибудь недалеко. Ахъ, зачѣмъ не обѣжала тогда кругомъ. Почему не пришелъ еще разъ?.. Побоялся встрѣтить кого нибудь, кто могъ выдать?.. Ушелъ или нѣтъ? Какъ узнать? Пойти къ нотаріусу, онъ навѣрное знаетъ? Броситься въ ноги, молить... Не

повѣрить... Ни одинъ не повѣрить, всѣ боятся. Замуровала себя... Кричи, бейся головой объ стѣну, никто не услышитъ.

Глушила, отгоняла память, думала, все равно никогда не увидимся... на вѣки разстались... Умеръ или забылъ... Значитъ помнилъ, если пробрался... Шель... мечталъ... и вотъ... Можетъ быть, узналъ и отвернулся?.. Только бы найти... увидѣть и она расскажетъ... объяснить. Что?.. Точно въ бездонную пропасть заглянула. Вдругъ поняла — нѣтъ такихъ словъ, чтобъ объяснить, нѣтъ средства помочь, нѣтъ лжи, чтобы спасти, вернуть свое счастье... А-а! — застонала, мечась головой по подушкѣ, зубами впиваясь въ наволоку. Своими руками... сама... сама...

Мучительно было лежать. Порывалась встать и всякій разъ паническій ужасъ сковывалъ тѣло. Шорохи... скрипы... Невидимое и страшное надвигалось изъ темноты. Боялась протянуть руку зажечь лампу.

Укутавшись съ головой въ одѣяло, лежала прислушиваясь, ожидая... Казалось, никогда не кончится ночь. И когда открыла глаза и увидѣла въ голубоватой дремѣ комнату, быстро набросила капоть и вышла на веранду. Съ наслажденіемъ вдохнула ароматный воздухъ; свѣжія волны струились по разгоряченному тѣлу, точно въ ванну съѣла. Прошлась взадъ, впередъ и глаза наткнулись на бѣлый конвертъ на столѣ. Задрожали ноги. Опустилась на качалку. Чистый, безъ надписи... Отъ него... Ночью пришелъ и положилъ, можетъ быть, въ тотъ моментъ, когда ее такъ тянуло встать. Точно кожу съ трудомъ разорвала конвертъ; изъ сложенного полулиста выпалъ, сверкнувъ золотомъ, образокъ.

Чьи то ледяные пальцы сжали сердце...

„Носилъ, пока вѣрилъ... Приютившая банька раскрыла правду. Самъ видѣлъ, самъ слышалъ. Не помогутъ слова. Подвигомъ очищаются грязь и позоръ предательства“.

Банька!..

Пусто!.. Крошки хлѣба, яичная скорлупа у очажка на печкѣ, ворохъ смятой травы на двухъ полкахъ...

Такъ вотъ съ кѣмъ разговаривалъ старикъ!.. Прятался у него. Мѣсяцъ жилъ въ десяти шагахъ... самъ видѣлъ... самъ слышалъ...

Сѣла на полку и защемивъ руки между застывшихъ колѣнъ, сидѣла, стиснувъ зубы, медленно раскачиваясь.

И шесть, и семь — Говорова и Швецова не возвращали. Начальникъ заволновался.

— Можетъ быть, ты не понялъ чего? — переспросилъ помощника.

— Нечего было понимать, приказалъ опредѣленно, или мнѣ въ сотый разъ съ началу разсказывать.

— Странно... скоро восемь часовъ.

— Можетъ, вывезли?... — лукаво подмигнулъ помощникъ.

— Предупредили бы по телефону... Что то не такъ... Да ты хорошо разсмотрѣлъ его, не насомогонился? — Испуганно вскрикнулъ начальникъ.

— Ну, вотъ, еще новое придумывайте. Стоялъ въ двухъ шагахъ, на дворѣ при фонаряхъ свѣтлѣй чѣмъ днемъ, носъ краномъ въ сторону. Допросите дежурнаго по караулу, онъ вѣдь вызвалъ меня, — смущенно лепеталъ помощникъ, которому передался испугъ.

— Ладно, подождемъ еще полчаса.

Прокуроръ Яковлевъ кончилъ утреннюю молитву, снялъ заповѣди со лба, аккуратно завернулъ въ талесъ и только сѣлъ за столъ, гдѣ дымилась чашка ароматнаго кофе, какъ затрещалъ телефонъ.

— Говоритъ начальникъ тюрьмы ГПУ. Нижняя камера, согласно приказу приготовлена съ пяти часовъ утра. Когда прикажете ожидать арестованныхъ и нѣтъ ли новыхъ распоряженій?

— Какихъ арестованныхъ? —

— Швецова и Говорова.

— Они вѣдь сутки назадъ доставлены къ вамъ.

— Такъ точно, а сегодня въ 12 ночи товарищъ Ярославскій прибыли и повели къ себѣ на допросъ, приказали ждать ихъ къ пяти утра и такъ какъ ихъ до сихъ поръ нѣтъ осмѣливаюсь...

— Хорошо, сейчасъ переговорю съ нимъ.

Еще не отошелъ, снова забился звонокъ.

— Начальникъ тюрьмы. Рѣшился обезпокоить относительно семи арестованныхъ, потому, какъ товарищъ Ярославскій выводили, говорили ожидать къ пяти утра, и испытываемъ безпокойство.

— Когда выводили?

— Въ двѣнадцать ночи.

— Дайте отбой... — испуганно закричалъ Яковлевъ, — отбой... вѣшайте трубку! — И забывъ про кофе, бѣшено зазвонилъ къ Ярославскому. Не получая отвѣта, соединился со слѣдователемъ.

— Слышали вы такую исторію? Вчера въ двѣнадцать часовъ ночи Ярославскій выпустилъ Швецова и Говорова и заключенныхъ изъ тюрьмы. Что вы объ этомъ думаете?

— Я думаю, что вы таки были правы, что „свой“.

— Ничего не понимаю, говорите опредѣленнѣй — раздражился прокуроръ.

— Какъ же я могу по телефону. Вы спрашивали его?

— Не дозвонился. Соединитесь съ Айзенбергомъ, пусть немедленно заѣзжаетъ за вами, а вы оба немедленно заѣзжайте за мной. Поѣдемъ къ нему.

Ходя по комнатѣ глоталъ остывшій кофе, отмахиваясь отъ уговоровъ жены. Еще чуть слышенъ былъ шумъ автомобиля, онъ уже нетерпѣливо топтался на крыльцѣ.

Проѣзжая мимо казармы, увидѣли группы людей около стѣны и разгонявшихъ милиціонеровъ.

— Что тамъ такое? — спросилъ прокуроръ.

— Прокламаціи... По всему городу, говорятъ, висятъ, народъ и любопытствуетъ — пояснилъ шофферъ.

Айзенбергъ выхватилъ револьверъ и погрозилъ въ сторону толпы.

— Дай ходъ!.. Кто тебѣ приказалъ останавливаться?.. Хочешь пулю въ шею? — истерически взвизгнулъ онъ на зазѣвавшагося шоффера, замедлившаго скорость.

Автомобиль дернулся и птицей помчался къ особняку Ярославскаго.

Часовые, переглянувшись, быстро вышли изъ будокъ и перегородили входъ.

— Предсѣдатель дома?.. — торопливо спросилъ Айзенбергъ, первымъ выскакивая изъ автомобиля.

— Никакъ нѣтъ, еще не возвращались.

— Откуда не возвращались?

— Вышли изъ дому около двѣнадцати и передали приказъ по смѣнамъ никого не пропускать покуда не вернутся.

Пріѣхавшіе остолбенѣли.

— Бѣжалъ... — вырвалось на жаргонѣ у слѣдователя.

Айзенбергъ рѣшительно отстранилъ часовыхъ.

— Приказъ къ намъ не относится, надо узнать въ чемъ дѣло.

— Товарищъ начальникъ еще спятъ, — отпортовалъ красноармеецъ, открывшій дверь.

— Такъ онъ дома?.. — вскрикнули всѣ трое.

— Такъ точно, — недоумѣвая отвѣтилъ солдатъ.

— Такъ въ чемъ дѣло? Что вы намъ сказки рассказывали, — закричалъ Айзенбергъ на часовыхъ.

— Никакъ нѣтъ, передали приказъ по смѣнамъ.. — растерянно отвѣтилъ солдатъ.

Прошли прямо въ кабинетъ.

— Приказали разбудить въ девять, какъ разъ время, — сказалъ красноармеецъ.

— Теперь я понимаю, почему не было отвѣта, — указаль Яковлевъ на трубку и громко крикнулъ — Иванъ Григорьевичъ, пора вставать!.. Иванъ Григорьевичъ!

— Заспались что то, утомились видно, — замѣтилъ красноармеецъ. Яковлевъ заглянулъ въ спальню.

— Иванъ Григорьевичъ! Товарищъ Ярославскій!

Закрытая одѣяломъ фигура пугала неподвижностью.

— Какъ онъ странно лежитъ! Идите сюда, — поманилъ онъ слѣдователя и Айзенберга, невольно понижая голосъ.

Стали за высокой спинкой кровати, тревожно переглядываясь.

Красноармеецъ подошелъ и осторожно отвернулъ съ лица одѣяло.

Раздался общій крикъ ужаса.

Вытаращенные застеклившіеся глаза смотрѣли на нихъ съ застывшаго съ полуоткрытымъ ртомъ лица.

— Кошмаръ... кошмаръ... — простоналъ Айзенбергъ входя въ кабинетъ и падая въ кресло. — Я съ ума сойду... мои нервы больше не выдерживаютъ.

Слѣдователь молча сѣлъ въ уголъ сгорбившись; нижняя челюсть замѣтно дрожала. Яковлевъ заложивъ руки въ карманы, смотрѣлъ въ окно на взбудораженныхъ часовыхъ, слушавшихъ красноармейца.

— Сейчасъ пойдутъ разговоры по всему городу — сказалъ онъ повернувшись къ Айзенбергу. — Вызывайте по телефону доктора, помощника Ярославскаго и начальника дивизіи Власенко, онъ долженъ помочь дѣлать допросъ.

— Я не могу... я уѣзжаю!

— Что значить не могу? Вѣдь вы еще не уѣхали, сидите, кажется, рядомъ съ телефономъ, такъ вамъ трудно протянуть руку? — закричалъ

Яковлевъ. — Хотите, чтобы они сдѣлали бунтъ и окружили насъ?

Айзенбергъ быстро зазвонилъ.

— И потомъ надо распорядиться похоро- нами.

— Каждые два дня похороны... — съ отчая- ніемъ отозвался изъ угла слѣдователь. — Это прямо таки агитація для населенія!

— Куда же вы хотите, чтобы мы его дѣли? — обозлился прокуроръ. — И такъ скверно, а вы еще голову морочите.

Какъ на раутъ подкатывали автомобиль за автомобилемъ. Приѣхавшіе соскакивали на ходу, торопливо скрываясь въ подъѣздъ. Вызвали часовыхъ всѣхъ смѣнъ, начиная съ шести часовъ вечера, служащихъ тюрьмы и ГПУ.

— Въ первый разъ пришли около восьми — началъ красноармеецъ, допрашиваемый первымъ.

— Въ это время онъ не могъ быть — перебилъ слѣдователь, — онъ сидѣлъ у Воробьевой.

— Помилуйте, самъ впускалъ, еще крикнули, чтобы не беспокоить, какъ разъ половина прозвонила, на часы смотрѣлъ. Когда вышли, мнѣ неизвѣстно.

— Я около восьми съ нимъ по телефону разговаривалъ, онъ былъ у Воробьевой, — повторилъ слѣдователь.

— Это же можно установить — вмѣшался Яковлевъ и позвонилъ Наденькѣ.

— Былъ у васъ вчера товарищъ Ярославскій?

— Да, — прозвенѣлъ слабый, измученный голосъ.

— Въ которомъ часу онъ приѣхалъ и когда уѣхалъ.

— Въ семь приѣхалъ, а въ половина десятого приблизительно уѣхалъ.

— И никуда не отлучался за это время?

— Никуда, сидѣлъ у меня. Почему вы спрашиваете?

— Онъ умеръ.

— Что?.. — крикнула такъ, что прокуроръ отшатнулся.

— Можетъ быть прїѣдете, прислать автомобиль?

— Да.

— Она таки его любить, слышали, какъ крикнула? Я думалъ, что у меня въ ухѣ лопнетъ. Какъ же теперь понимать? Какъ онъ могъ быть здѣсь, когда въ это самое время сидѣлъ тамъ и съ нимъ говорили по телефону.

Распинался красноармеецъ, подтверждали часовые — вошелъ около восьми, черезъ полчаса вышелъ и пошелъ направо.

Начальникъ дивизіи Власенко, здоровенный ефрейторъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, все больше терялся. Красное, одутлое лицо приняло испуганное выраженіе.

Сгустился рисунокъ жуткой таинственности, когда кончился допросъ служащихъ обѣихъ тюремъ, часовыхъ и патрулей.

Ровно въ полночь появился въ двухъ мѣстахъ на противоположныхъ концахъ города, отдавая одинаковые приказы, бродилъ по улицамъ, ушелъ и не вернулся и лежитъ мертвый на своей кровати. Охваченные мистическимъ ужасомъ оцѣпенѣло молчали и свидѣтели и власти.

— А заключенные?.. — измѣнившимся голосомъ спросилъ прокурора Власенко.

— Ушли — мрачно отвѣтилъ тотъ.

Повернувшись къ окну, красный начальникъ дивизіи незамѣтно перекрестился.

Солдаты переглянулись. Изъ глазъ каждого кричалъ страхъ.

— Безвинно посадили, безвинно мучаютъ людей — тихо пробурчалъ одинъ, — вотъ и не стерпѣлъ... — Онъ не кончилъ, но всѣ поняли.

Прикатили запоздавшіе доктора, снятые съ консилиума, сдѣлавъ общій поклонъ, прошли въ спальню и скорѣй вышли.

— Картина смерти ясна: товарищ Ярославскій задушенъ, на шеѣ пятна, отпечатокъ пальцевъ.

Какъ гробовой доской придавило. Четвертая смерть отъ неуволимой, таинственной руки, и каждый подумалъ о себѣ.

— Надо выпустить въ газетѣ, что товарищ Ярославскій умеръ отъ паралича сердца — сказалъ прокуроръ и, встрѣтившись съ насмѣшливымъ взглядомъ Власенко, вспомнилъ о угрюмо стоявшихъ солдатахъ.

— Допросъ конченъ, ступайте и кто будетъ болтать — берегись! — погрозилъ сухимъ, крючковатымъ пальцемъ. — Это служебная тайна.

Вошла Наденька блѣдная, осунувшаяся, съ темными кругами подъ глазами. Прошла въ спальню, долго стояла у кровати, глядя на обезображенное мертвое лицо, отошла къ туалету и пошатнулась. Пустымъ стояло толстое стекло, карточки не было.

Отомстилъ?..

— Я ухажу — раздѣльно сказала, проходя въ переднюю, ни на кого не глядя. Сидя въ автомобилѣ, сжавъ въ рукѣ дорогой ключокъ, тихо повторила: „Подвигомъ очищается грязь и позоръ предательства“

Загудѣлъ городъ новой вѣстью, всколыхнулся. Стерся подлый страхъ, отодвинулись маленькія заботы дня, осмѣлѣли, заговорили, вѣрили въ начало конца. Бѣлѣли крѣпко приклеенныя, точно вросшія въ заборы и стѣны бумажки, крича ярко черными буквами. Возбужденно толпились вокругъ рабочіе, красноармейцы, мѣщане, читая вслухъ:

„Насталъ часъ! Сбрасывайте цѣпи рабства, очищайте, освящайте поруганные храмы, освобождайте Русь Православную. Часъ насталъ. Съ вами Богъ.“

— А шо жъ, не рабы? Ходимъ тай оглядываемся!

— Въ своей хатѣ не хозяева! Годи, попиrowали.

Поднималась со дна души шестилѣтняя боль униженій, обидъ, раскрывались и старыя раны.

— Самъ Господь вступается. Хотѣлъ невинныхъ погубить и самъ погибъ, а душа неприкаянная всю ночь ходила, мучилась, въ тюрьму пошла и ослободила... Знакъ подаетъ Богъ.

По требованію рабочихъ выпустили заложниковъ. Перепуганныя власти пошли на уступки, даже прокламацій рѣшили не срывать. Пусть говорятся, а потомъ — двинемъ.

И не манифестировала по главной улицѣ похоронная процессія; тѣло Ярославскаго съ квартиры перевезли прямо на бульваръ. Наденька на похоронахъ не была; она исчезла, забравъ только драгоценности и деньги.

Населеніе мѣстечка, жившее послѣднее время долетавшими слухами, полными пугающей таинственностью, испуганно высыпало на улицу. Горячій, недвижный воздухъ звенѣлъ сотнями, гдѣ то далеко поющихъ, голосовъ. Звуки приближались, вздымалось пронизанное солнцемъ облако пыли и уже можно было разобрать — „Свя-атый безсмертный по-ми-луй насъ“.

Изъ за лѣса медленно выплылъ потокъ людей, пестря платками и рубахами. Зазолотились хоругви и ризы. Дойдя до поворота, процессія остановилась, не прекращая пѣнія, поджидая показавшуюся на горизонтѣ другую.

Истериически заметались мѣстечковые. Одни разсыпались по домамъ, съ судорожной торопливостью запихивали въ печку, въ погреба цѣнныя вещи, стаскивали къ окнамъ и дверямъ бочки, кадки, столы, баррикадируясь на спѣхъ.

Другіе бросились къ замѣстителю Рѣзника.

— Тысячи мужиковъ!... Ратуйте!... погромъ!... Селдаты!...

Съ ружьями выстроилась военная часть впереди казармы, перегоротивъ дорогу.

Встрѣтившіеся на перекресткѣ процессіи слились и медленно двигались по улицѣ. Старики и молодые, женщины съ малыми ребятками на рукахъ. Красочно вырисовываются зеленые и желтые хоругви, струясь золотомъ бахромы. Кресты, иконы. Плыветъ надъ толпой, на плечахъ двѣушекъ огромный образъ Почаевской Богородицы. Прекрасный задумчивый ликъ Матери скорбно всматривается въ страдающихъ матерей. И живымъ кажется въ солнечныхъ брызгахъ Божественный Младенецъ, благословляя на подвигъ протянутыми ручками.

Впереди Левко Ткачукъ несетъ Распятіе, рядомъ старичокъ священникъ въ потускнѣвшей мятой ризѣ.

Уже видѣли угрозы сверкавшихъ ружей и будто не видѣли, шли прямо на нихъ. Четко выглянула маковка церкви „обезчещенная“ звѣздой.

— Спаси Госпо-оди лю-уди Твоя, — торжественно стройно зазвѣлъ хоръ и всколыхнулъ людей въ которыхъ убивали человѣка.

— Мирно — съ молитвой, крестами — зачѣмъ мѣшать, пущай идутъ.

— Идолопоклонники, деревяшки тащутъ. А попъ? Напялили тряпку, старый чертъ и тоже тащится — кричали сознательные.

— Погромщики!... Всегда съ крестами погромы начинаютъ.

Два красныхъ офицера стояли впереди, видимо волнуясь.

Замѣститель Рѣзника, двадцатилѣтній мальчишка, растерянно метался.

— Остановить, — крикнулъ онъ съ верхней ступеньки крыльца, когда процессія была близка. — Контръ-революціонеры!... бунтовщики!... манифестировать!... — зашагали, ружья на перевѣсь. Напирая на передніе ряды процессія остановилась. Священникъ высоко поднялъ крестъ.

— Съ пѣніемъ святыхъ молитвъ идемъ мы, православные вѣрующіе христіане, не бунтовать, — задребезжалъ старческій голосъ, — а возстановить поруганный храмъ Бога нашего.

Замѣститель разсвирѣпѣлъ.

— Рабоче-крестьянская республика не употребляетъ насилія надъ совѣстью населенія. Времена кроваваго Николая прошли — надрывался онъ. — Еще два года назадъ крестьяне свободно написали резолюцію о закрытіи этой церкви и...

— Не писали — дружно закружились голоса. — Прочитали написанную... заставили...

— Бунтовать?... Силу хотите показать?... Я вамъ покажу? Назадъ!

— Спа-аси Господи люди Твоя.

И передніе ряды стали заворачивать къ оградѣ церкви.

— Стрѣлять! — махнулъ рукой замѣститель. — Сволочи, сукины сыны...

— Пли! — скомандовалъ офицеръ.

— „А-ахъ!“ — бахнуло вверхъ, разъ, другой. Крики и плачь перепуганныхъ дѣтей вплелись въ непрекращавшееся пѣніе.

Нѣсколько сильныхъ ударовъ сбили вывѣску надъ оградой.

— Въ приклады! — бѣшено крикнулъ офицеръ, чувствуя, что солдаты не будутъ стрѣлять въ толпу. Сознательные пробились впередъ.

Смѣшались крики и стоны. Упалъ съ разможеннымъ черепомъ старичекъ священникъ. Заколыхались хоругви, струясь золотой бахромой. Толкаясь, давя другъ друга, спотыкаясь, бѣжали назадъ люди, не выпуская иконъ изъ рукъ. Гнали, какъ стадо и горѣли глаза злобой проснушагося звѣря, но убитымъ оказался только священникъ. У перекрестка красноармейцы остановились.

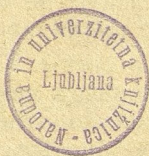
— Не вернутся! Попробовали, долго будутъ помнить.

Ночью запылало мѣстечко въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Къ утру чернѣлись лишь столбы. Уцѣлѣла церковь отдѣленная погостомъ, вѣтеръ „гналъ огонь отъ нея“ хвастались люди.

По ту сторону Житомира загуляла новая бан-
дочка за короткое время успѣвшая навести страхъ
на коммунистовъ. Два поѣзда пустили подъ откосъ,
въ которыхъ ѣхали вызванные изъ Кіева интерна-
ціональныя части для успокоенія Житомирскаго
уѣзда. Остановила автомобиль мчавшійся съ ком-
мунистами, перегоротивъ шоссе сваленными де-
ревьями. Пять прострѣленныхъ и обезглавленныхъ
труповъ нашли на шоссе. На груди одного — За-
писка приколотая англійской булавкой съ загадоч-
ной надписью:

— „Подвигомъ очищается грязь и позоръ пре-
дательства“.

КОНЕЦЪ

— Палить то будемъ, да толку никакого. Разрывался милиціонеръ 1 учаску, парень сознательный, давно его знаю, рассказывалъ. Бѣгить, говорить, Шаповаловскій убійца и съ разбѣгу прямо на меня, а глаза какъ фонари электрическіе. Я, говоритъ, бацъ у грудь, онъ безъ вниманія, а меня, говоритъ, такъ толкнуло, чуть на ногахъ устоялъ. Безъ передышки — бацъ у спину; обѣ, какъ крозь бумагу, а онъ обѣ землю, а надъ головой, говоритъ, у меня — шпр... прошуршала, гляжу, будто птица большая кверху, кверху... Вотъ и споймай. Третій ужъ погибъ, а не знаютъ, на кого и думать.

— Поарестовали вѣдь.

— Зря совсѣмъ, съ перепугу стали хватать; я въ нарядѣ былъ; веду и знаю — ни про что веду. Другая тутъ сила дѣйствуетъ, невинной крови много пролили, вотъ и пошло.

Андрей обошелъ кварталъ, пролѣзъ въ отверстіе забора въ садъ, вдвинулъ на мѣсто дощечки и впрыгнувъ въ кабинетъ, осторожно втащилъ стулъ.

Семьдесятъ пять процентовъ за успѣхъ!

Крѣпко вдавливая пальцы въ лобъ, перекрестился.

— Господи, помоги кончить благополучно.

И не царапнуло душу, какъ бывало, когда крестился передъ боемъ на войнѣ и успокаивалъ себя мыслью — прошу только жизнь мою сохранить. Не было сомнѣній въ своей правотѣ, когда въ молитвѣ просилъ помощи „убить“. Не для корысти, не для славы, не за себя!.. Отъ мірозданья невиданное зло, проклятіе человѣчества!.. Дьяволъ самъ, сладострастно извивающійся въ безбрежности человѣческихъ страданій, править здѣсь. Могли быть грѣхъ въ помощи своему народу? Убить, чтобъ прекратить убійства, чтобъ спасти души людей, въ которыхъ убиваютъ Божье подобіе.

Погасивъ электричество, забравшись подъ кровать, Андрей весь пронизанный трепетнымъ волненіемъ додумывалъ свою мысль.

Ни тогда, когда „готовился“, перебираясь сюда, ни здѣсь, убивая двухъ Рѣзниковъ, она не приходила къ нему. Встала впервые... Не потому ли, что стоялъ передъ лицомъ Вѣчности?.. Одинъ, безоружный, въ замкнутомъ станѣ вооруженныхъ, не знавшихъ пощады враговъ. Въ безмолвной тѣмнѣ нарядной комнаты, каждая вещь которой излучала чью то незабываемую скорбь, проходили въ возбужденномъ мозгу лица, угрюмо озлобленныя, настороженно испуганныя съ голодными глазами, людей ущемленныхъ безправіемъ и лица въ которыхъ уже не было человѣческаго. И храмы безъ крестовъ — символы людей у которыхъ осквернили душу.

— Помоги, Господи, дай силу... Ты видишь душу мою — въ экстазѣ шепталъ Андрей подъ низкой сѣткой кровати. — И если поможешь вернуться, вложи въ уста мои огненные слова, чтобъ зажечь на святую борьбу, за Твое поруганное Имя.

Голоса... движеніе... Выпуклился узкой полоской рисунокъ ковра отъ упавшаго изъ сосѣдней комнаты свѣта.

— Бумаги приносили?

— Никакъ нѣтъ.

— Кофе въ девять утра. Ни изъ за какихъ курьеровъ не беспокоить. Въ шею всѣхъ, кто будетъ приходить. Мнѣ надо отдохнуть. Ступай!

Пошелестѣлъ бумагами въ кабинетъ и вошелъ въ спальню навистывая шансонетку.

У Андрея такъ застучало сердце, что невольно схватился за грудь, точно боясь, что услышитъ Ярославскій.

Шлепнулся на стулъ френчъ, къ самому тѣлу пригнулась сѣтка подъ свѣвшимъ чекистомъ. Поднимались и опускались на коверъ худыя ноги... шуршала сползавшая одежда. Вдрагивала сѣтка, пугая. Одинъ разъ голова такъ низко наклонилась къ ковра, что Андрей пересталъ дышать — показалось, что онъ заглядываетъ подъ кровать.